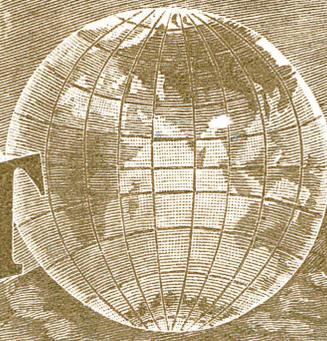


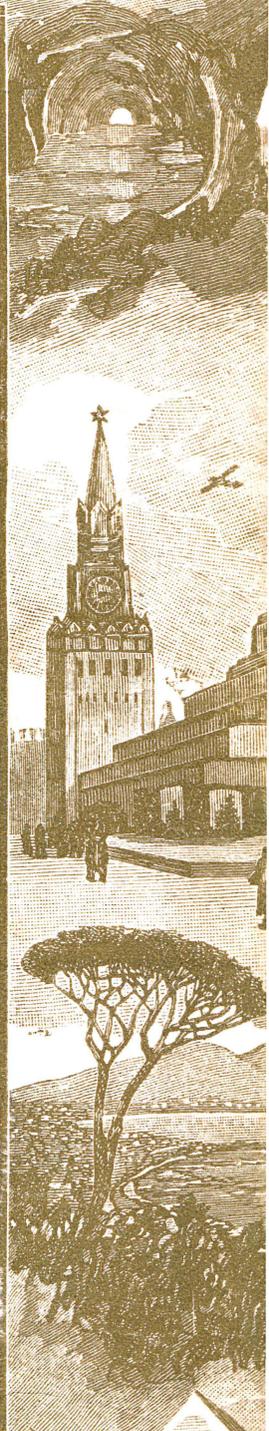
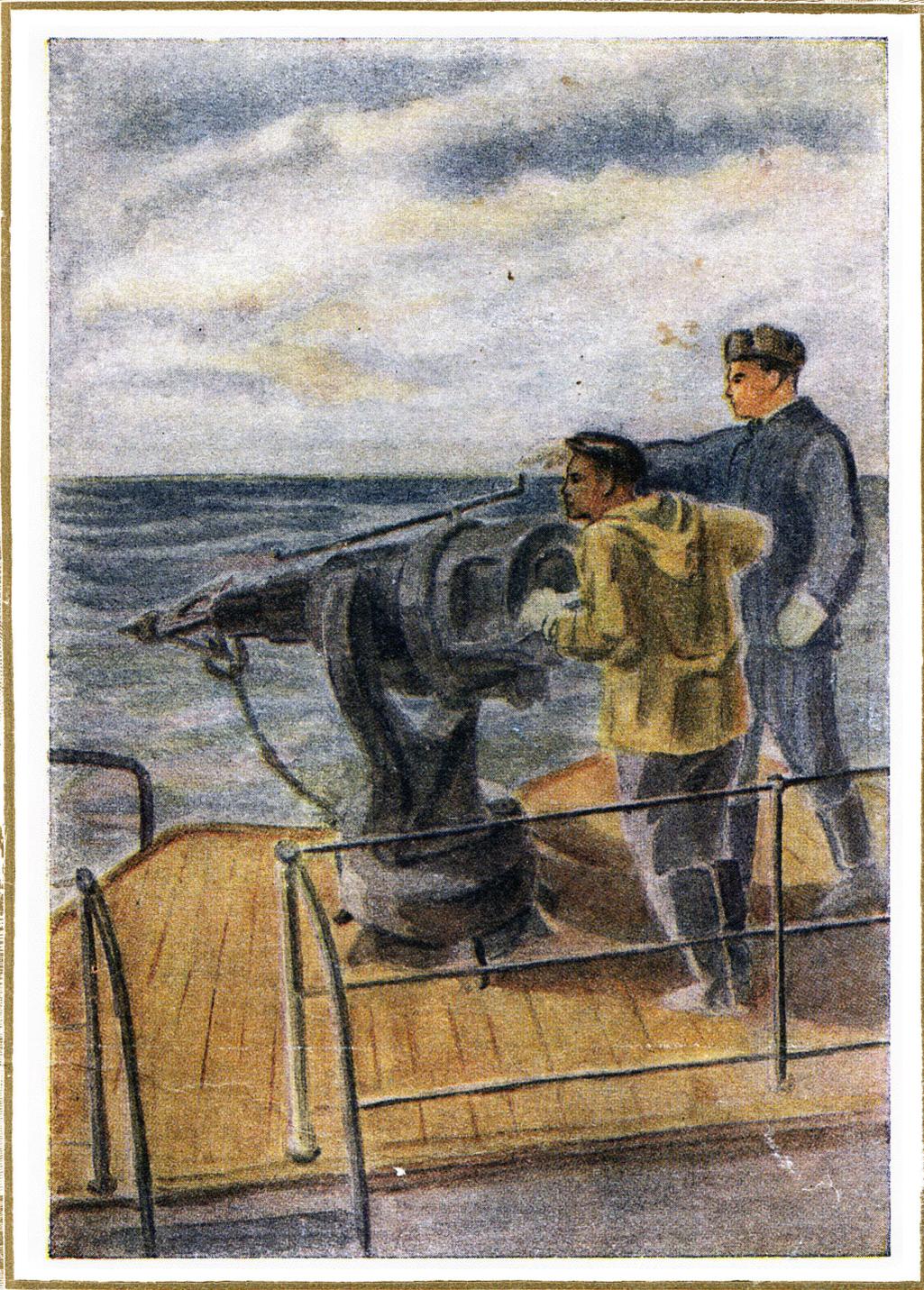
1949

ВОКРУГ



СВЕТА

№ 3
Март



О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

КАРТА

ПО БЕРЕГАМ РЕКИ УРАЛ



Экспедиция Министерства сельского хозяйства СССР приступила к работам по прокладке трассы лесозащитной полосы по берегам реки Урал. Лесной массив, созданный волей советских людей, протянется полосой длиной более 1 000 километров от горы Вишневая через Чкалов, Уральск до Каспийского моря. На участке Уральск—Каспийское море экспедиции придется прокладывать трассу по солончакам, в малообследованном районе. Одновременно приступили к работе экспедиции по прокладке трасс лесонасаждений от Пензы до Каменска на Северном Донце и по берегам реки Дон.



ИНЖИР В МОЛДАВИИ

Научными работниками Молдавской базы Академии наук СССР установлено, что в республике имеется несколько форм ценной субтропической культуры — инжира. В средней и южной зонах Молдавии в садах любителей-опытников деревья растут в открытом грунте и хорошо выдерживают морозы.

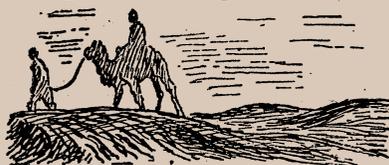
Опыты по размножению местных и привозных сортов, проведенные сектором плодоводства и виноградарства, показали, что инжир может произрастать на всей территории республики.



ТУРГАЙСКИЙ ПЕРЕВАЛ

В далеком геологическом прошлом, когда в районе нынешнего Казахстана еще не закончились процессы горообразования, Обь и Иртыш текли не на север, а на юг, в Арало-Каспий. Позднее тектонические силы, образовав Тургайский перевал, направили воды великих сибирских рек в Ледовитый океан. Недавно советский инженер М. М. Давыдов предложил смелый проект переброски стока сибирских рек в Среднюю Азию. Их воды, согласно этому проекту, должны быть направлены по огромному каналу протяженностью в 930 километров по своему древнему руслу, через Тургайские ворота, в Арал и Каспий. Осуществление этого проекта позволит в будущем оросить огромные пространства, в настоящее время занятые бесплодной пустыней.

Воды сибирских рек, сейчас бесплодно текущие на север, советский человек повернет на юг.



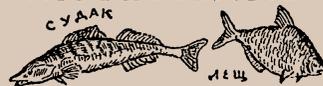
САХАРНЫЙ ТРОСТНИК В ДОЛИНЕ ВАХША

Весной прошлого года на Вахшской опытной зональной станции Института сухих субтропиков и в хлопковом совхозе имени Кирова было посажено около 30 гектаров сахарного тростника. Опытные посадки дали хороший урожай. К концу послевоенной пятилетки в долине Вахша площадь под сахарным тростником достигнет 300 гектаров.



Сахарный тростник

ЗИМНИЙ ЛОВ РЫБЫ НА КАСПИИ



Зимой этого года каспийские рыбаки успешно выполняли план зимнего лова рыбы. Уже в середине января были добыты первые тысячи центнеров судака и леща, широко развернулся промысел белорыбицы. Сотни центнеров белорыбицы были доставлены с места лова на берег с помощью самолетов. Эшелоны свежемороженой рыбы были отгружены в Москву, Челябинск, Магнитогорск, Куйбышев и другие промышленные центры страны.



ЗАПОВЕДНИК В РЫБИНСКОМ МОРЕ

Почти у самого Щербакова (в прошлом — Рыбинска) перед войной был создан один из величайших в мире искусственных водоемов — Рыбинское море. Во время весеннего половодья здесь скапливаются миллиарды кубометров воды — на ней работает мощная Щербаковская ГЭС, дающая энергию многим московским предприятиям. Замечательным уголком является здесь остров, образовавшийся на юго-востоке нового моря, между Мологой и Шексой. На острове создан заповедник, в котором изучается природа искусственного водного бассейна. Ведутся наблюдения над приростом его рыбных богатств и над биологией лося — постоянного обитателя здешних лесов.



1949

ВОКРУГ СВЕТА



ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 3
М а р т

Журнал основан в 1861 году



Как памятник русской славы на берегах Днестра возвышается на окраине города Хотина старая крепость.



Русская география — одно из выдающихся явлений отечественной культуры. Труды русских ученых-географов явились ценнейшим вкладом в мировую науку. Русские ученые, среди которых немало было простых людей, выходцев из народа, всегда стремились к всестороннему познанию мира. Это стремление русского народа приобрело невиданный нигде в мире размах при советском социалистическом строе. Ленин и Сталин, величайшие корифеи науки, указали ученым новые пути, призвали их к трудовому подвигу для народного блага, для социалистического переустройства страны. Труды Ленина и Сталина открыли дорогу марксистско-ленинским идеям в русскую географию, помогли ей стать подлинно народной, передовой наукой, достойной нашего героического времени.

В январе 1949 года в Ленинграде состоялась сессия Академии наук СССР. Выступая на сессии, ученые-докладчики говорили об отечественной науке, о ее мировом значении, о ее роли в истории нашего народа. И первым среди имен русских ученых было названо имя Ломоносова — того, кто ровно 200 лет назад создал здесь первое русское исследовательское учреждение — химическую лабораторию, того, кто в русскую и мировую науку ввел идею развития в рассмотрении географических явлений, кто зорким своим взглядом увидел широкое будущее Северного морского пути.

Уже в начале XVIII века русские люди — участники Великой северной экспедиции — совершили выдающиеся открытия на побережье Северного Ледовитого океана. Имена отважных исследователей — Лаптевых, Овцына, Стерлигова, супругов Прончищевых — навеки записаны в истории. Русские академические экспедиции второй половины XVIII века были грандиозным мероприятием, равного которому по масштабам не знала в то время Западная Европа. Только в наше время трудами советских ученых-патриотов раскрыто в полной мере значение научных подвигов русских путешественников — Лепехина, Зуева, Озерецковского, Кириллова.

С гордостью можем мы заявить, что русским принадлежит и первенство в открытии и исследовании Антарктики и материка Антарктиды.

Русские мореплаватели Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев в 1819—1821 годах обошли вокруг Антарктического материка, впервые подошли к его

берегам и открыли 22 января 1821 года остров Петра I, Землю Александра I, острова Траверсе и др. На картах вновь открытой страны появились русские имена: остров Анненкова, мыс Демидова, залив Новосильского, остров и вулкан Завадовского. Плавание русских шлюпов «Восток» и «Мирный» под командованием Беллинсгаузена и Лазарева — одно из выдающихся в истории географических открытий, оно тем более для нас памятно, что весь личный состав экспедиции состоял целиком из русских людей.

Замечательно, что подвиг русских моряков был совершен вопреки предсказаниям иностранных авторитетов и в первую очередь английского капитана Кука, в ту пору уже не верившего в существование «Южного материка».

Русский приоритет в открытии Антарктики приобретает особое значение в наше время, когда американские империалисты, проведая, что по своим природным богатствам Антарктика по праву может быть названа «гигантской шкатулкой сокровищ», пытаются решать вопрос о режиме Антарктики без участия Советского Союза.

Мы не забыли, что наши предки открыли эту страну, и за последние годы славные традиции исследования антарктических морей возобновлены советскими моряками. После Великой Отечественной войны Советский Союз организовал в Антарктике китобойный промысел, сопровождающийся научными исследованиями в антарктических водах.

О русском приоритете в исследовании Антарктики говорил на заседании Всесоюзного географического общества 10 февраля сего года его президент, академик Л. С. Берг. «Этим вопросом, — сказал он, — разумеется, не может не интересоваться и Географическое общество, членами которого были оба великие исследователи Антарктики — Беллинсгаузен и Лазарев». В принятой Географическим обществом резолюции подтверждается «беспорное право Советского Союза на участие в решении вопросов Антарктики».

Но не только поистине титаническим размахом своих исследований была замечательна русская географическая наука. Стремясь вслед за Ломоносовым охватить явления природы в их взаимосвязи, русские путешественники еще за полвека до Гумбольдта опи-



сывали страну в целом, соединяли изучение географической среды с изучением человека и его деятельности, естественно-исторические знания с социально-историческими. В борьбе с отечественными реакционерами, раболепствовавшими перед Западом, выковывалась смелая, ясная русская географическая мысль, русская географическая школа, корнями своими уходящая в толщу народных масс. Близость к нуждам народа, доступность и живописность изложения, нередко вполне

художественного, — таковы черты русского стиля в географическом исследовании, ярким примером которого явилась книга Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки» — книга, которой зачитывался Пушкин.

Великий наш поэт был лично знаком и с увлечением беседовал с другим русским географом, своим современником К. И. Арсеньевым, чьи прогрессивные идеи оказали влияние на развитие русской экономической

географии. Ни в одной стране мира географическая наука не входила так широко в круг интересов общества, как в России. Пушкин и Гоголь, Чехов и Горький глубоко интересовались географическими исследованиями и высказывали ценные мысли по важнейшим вопросам, связанным с изучением своей родины.

В борьбе о иностранщиной, с преклонением перед заграничными авторитетами, даже в лице виднейших своих представителей — Гумбольдта и Риттера, не создавшими географической школы, возникает в недрах Русского географического общества самобытная, вполне самостоятельная географическая школа П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Русские путешественники Пржевальский, Потанин, Певцов, Миклухо-Маклай, Черский, Козлов, Обручев, Комаров совершают подлинные географические подвиги, являющиеся национальной гордостью русского народа. Путешествия Пржевальского открыли для науки природу Центральной Азии. Исследования Козлова, нашедшего в пустыне Гоби мертвый город Хара-Хото, жизнь и труды Миклухо-Маклая в Новой Гвинее, показавшие миру образцы высокой человечности в отношении к первобытным народам, — таковы блестящие примеры успехов и достижений Географического общества. Выдающимися по своему значению были и работы адмирала С. О. Макарова, которые внесли много нового и существенного в изучение морей, обобщили огромный опыт русских мореплавателей в изучении мирового океана. Для всех этих лучших представителей русской школы, созданной П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, характерно глубокое понимание общественного значения своей науки, стремление изучать Землю во всем сложном взаимодействии физико-географических и социальных условий.

В конце прошлого века лучшие традиции русской географической науки воплотились в ландшафтно-географической школе Анучина—Докучаева—Воейкова. Глубина в понимании особой роли каждого элемента географической среды (климата, почвы, рельефа, растительности) в хозяйственной деятельности человека — отличительная особенность этой школы. Впервые в мировой науке русский ученый Докучаев определяет почву как самостоятельное природное тело, изменяющееся не только в пространстве, но и во времени. Изучая явления природы в их связи с сельским хозяйством, Докучаев стремился найти пути к научному предвидению, к сознательной деятельности человека, направленной на повышение плодородия почв. В буржуазно-помещичьей России эти передовые воззрения ученого не получили полного развития. Только советская власть, воплощающая в жизнь замечательное русское открытие — комплекс Докучаева — Костычева — Вильямса, дала выход могучим силам, открытым в их учении, и направила эти силы на осуществление величественного сталинского плана преобразования природы нашей страны.

Социалистический строй внес коренные изменения в облик нашей отчизны.

Под руководством Сталина, великого вождя и организатора, по призыву партии советский народ за годы сталинских пятилеток строит гиганты социалистической индустрии, создает города в тайге, побеждает Арктику, осушает болота, отвоевывает плодородные земли у пустыни. В годы Великой Отечественной войны ни на один день не прекращается работа по строительству новых промышленных предприятий, шахт, домен, электростанций.

Грандиозную программу дальнейшего развития сил социалистического общества развернул И. В. Сталин в своем историческом выступлении 9 февраля 1946 года. В разрешении этих задач немалую роль выполняет и советская географическая наука — самая передовая в мире.

К началу советской эпохи на карте нашей родины было еще немало необследованных пространств. Белыми пятнами выделялись они на Севере, в средних широтах Сибири и Дальнего Востока, в пустынных и высокогорных пространствах Средней Азии, Казахстана, Восточной Сибири. Сегодня мы уже не увидим «белых пятен» на карте СССР. «Это связано, — говорит академик А. А. Григорьев, — с основными принципами советского хозяйства — возможной равномерностью разви-

тий производительных сил на всей территории страны».

Замечательны открытия, совершенные за последние годы советскими географами. Новые хребты (Черского и Момский) на северо-востоке Азии, новый ледниковый район в верховьях Индигирки, высочайшие вершины на хребтах Памира (пик Сталина, пик Победы), новые острова в водах Полярного бассейна — все это открыто и изучено за последние десятилетия. Нами вписаны бессмертные страницы в историю завоевания Арктики: полет на полюс эскадрильи советских самолетов весной 1937 года, дрейф льдины «Северный полюс», трансарктический дрейф «Георгия Седова», — свидетельства мужества и доблести наших героев-полярников. Весной 1941 года советская летная экспедиция трижды совершила посадку на лед в районе «Полюса недоступности», — это было новой выдающейся победой советской полярной авиации.

Индустриализация народного хозяйства, требования разведки ископаемых богатств вызвали в нашей стране быстрое развитие всех отраслей геологической науки. В результате работ советских ученых в новом свете предстало теперь перед нами геологическое прошлое нашей страны. Изучены системы древних речных долин. На пространствах Великой Русской равнины заново изучена овражно-балочная сеть, в пустынях вскрыты следы деятельности древних рек, в районе вечной мерзлоты открыто ранее неизвестное явление явления термокаста. Овладев водолозным искусством и вооружившись скафандрами, геоморфологи опускались на морское дно, изучая закономерности развития его подводного рельефа. А их собратья — картографы, находясь в кабине самолета, наносили на карту необследованные районы, пользуясь самыми совершенными методами аэрофотосъемки.

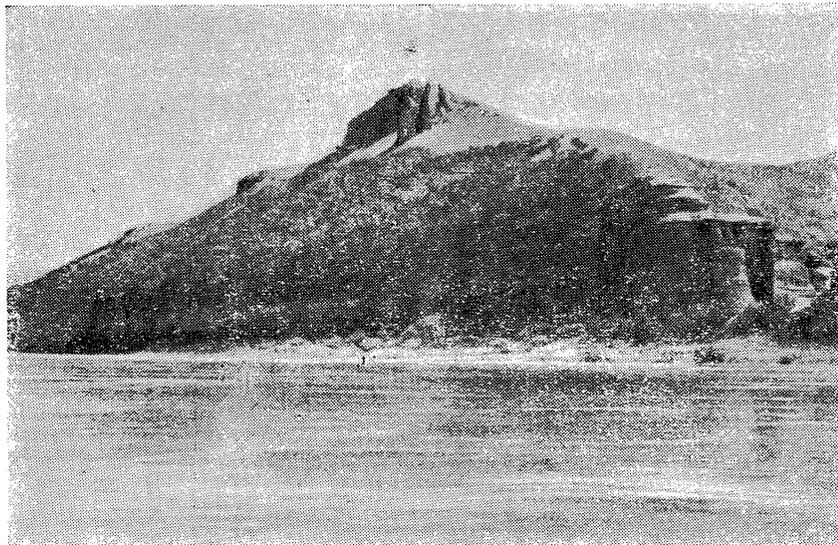
Советская молодежь, наш славный ленинско-сталинский комсомол занимают почетное место среди строителей коммунизма, смелых преобразователей природы. Производственные подарки молодежи XI съезду комсомола — свидетельство трудовых подвигов наших юношей и девушек.

В горах Памира и в Закавказье, в северной тундре и в песках пустыни трудятся молодые советские исследователи — разведчики недр, географы, студенты вузов.

Невозможно перечислить все, что сделано советским человеком, глубоко познающим природу своей страны, чтобы подчинить ее высоким целям коммунизма. Радость творчества, животворный советский патриотизм вдохновляют нас на новые подвиги во славу родины. Нам, людям сталинской эпохи, руководимым большевистской партией, чужд тлетворный дух лживой буржуазной науки, проповедующей нелепые выдумки об «убывающем плодородии почв», об «угасающей кривой почвообразования». Вместе со всем народом советские ученые, руководясь мичуринским учением, смело продвигают сельскохозяйственные культуры в новые районы, воздвигают защитные полосы на пути суховея, строят водоемы, изменяют лик своей родной земли, чтобы сделать ее еще более цветущей, достойной нашего великого народа.

Там, в странах капиталистического Запада, буржуазная наука не служит интересам простого человека, ее представители полностью находятся в услужении у промышленных и финансовых корпораций. Стремясь к утверждению американского господства во всех странах, они воскрешают «геополитику» германского фашизма или, подобно лжеученым «социологам» Берма и Дею, проповедуют самый отвратительный и бессовестный расизм, или, подобно бесчестному Хентингтону, обливают грязью великий русский народ, искажая в своих писаниях его историческое прошлое, его национальный характер.

Нам, советским людям, чужда идеология «беспачпортных бродяг», людей без роду и племени, несущих с собой враждебную нам атмосферу ура-космополитизма. Мы горды тем, что в делах и подвигах строителей коммунизма живут лучшие традиции нашей отечественной науки — самой передовой, самой демократической в мире.



По Днестру

Ю. ПРОМПТОВ

Днестр — древняя славянская река. — Памятник русской славы. — На резиновых лодках по Днестру. — В селении «Красный Октябрь». — Пушкинские места в столице Молдавии.

В Карпатских горах, на зеленом лесистом склоне вершины Розлуч, родится веселый, звонкий, прозрачный ручеек. На своем пути вниз, в долину, прыгая с камня на камень, извиваясь среди корней вековых деревьев, ручей быстро ширится. делается многоводней. Юный ручей становится взрослым потоком, голос его крепнет и мужает. За селением Залещики поток превращается уже в большую, полноводную реку Днестр, известную человечеству с древних времен под именем реки Тирас. Зародившись в Карпатах, Днестр течет по землям Украины и плодородным степям Молдавии и на расстоянии 1358 километров от своего истока, вобрав в себя многочисленные притоки, впадает, наконец, в Черное море.

От истока почти до самого Тирасполя Днестр — быстрая горная река. Отойдя от Карпат, река не расстается с горами. Они тянутся к ее берегам своими отрогами, подходят к самой воде то обрывами крутых скал, то цепью холмов и узкими горными долинами. Бурля и пенясь, крутыми петлями течет Днестр в своих верховьях в высоких скалистых берегах. Местами скалы сменяются пологими склонами, густо поросшими лесом. Только ниже Тирасполя приобретает

Днестр характер спокойной равнинной реки и тихо катит свои мутные воды среди пологих, заросших камышевыми плавнями берегов на юг, к Днестровскому лиману.

За долгие века истории человечества на плодородных берегах Днестра побывали многие народы. Здесь складывали свои колонии древние греки. На территории нынешней Бессарабии кончались земли Римской империи, границы которой император Траян отметил во II веке нашей эры двумя гигантскими земляными валами, сохранившимися до наших дней. В средние века на берегах Днестра находились укрепленные колонии предприимчивых генуэзцев. В начале XVI века приднепровские земли на долгие годы были захвачены полчищами турок-османов. Но подлинными хозяевами и исконными жителями этого богатейшего края были славяне. От Карпат, где находился раньше центр сильного Галицкого княжества, до Черного моря жили великие славянские племена — родоначальники русского, украинского и белорусского народов. Еще в I веке нашей эры на берегах Днестра находилось могучее государство даков. Позднее через эти земли проходили дружины киевских князей Олега, Игоря и Святослава. В их походах

на Царьград принимали участие и приднепровские племена — угличи и тиверцы.

В XVIII веке на берегах Днестра велись долголетние войны между Россией и Турцией. В конце XVIII и начале XIX веков походы Суворова и Кутузова закрепили за Россией эти земли, обильно политые кровью русских воинов. В 1812 году в Бухаресте главнокомандующий русской дунайской армией Кутузов подписал мирный договор с Турцией, по которому вся Бессарабия — междуречье между реками Днестром и Прутом — была включена в состав России. С этого времени страна начала развивать свои производительные силы. В Бессарабии строились города и железные дороги, отсюда вывозились хлеб, вино, скот, шерсть.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1918 году, реакционное правительство Румынии, воспользовавшись тем, что силы молодой Советской республики были еще невелики, насильственно захватило Бессарабию. В стране воцарился режим неслыханного политического гнета и насильственной румынизации.

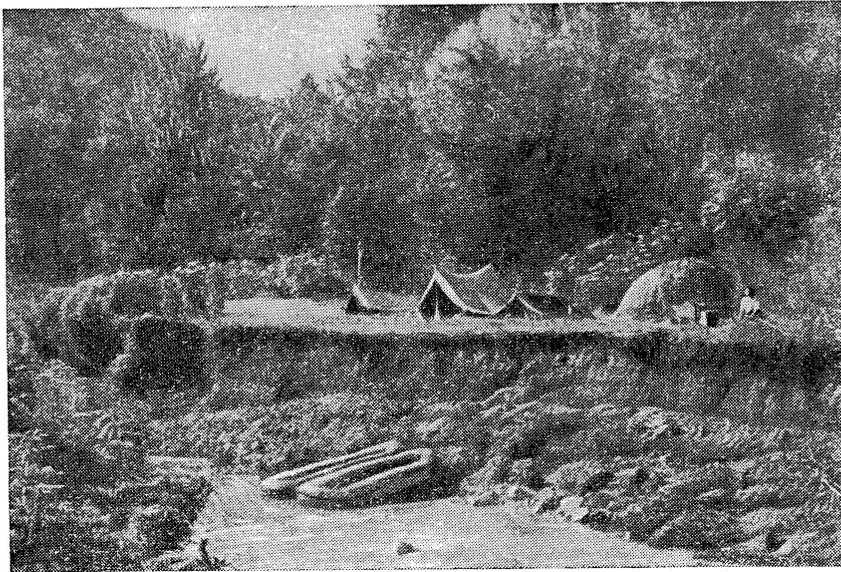
На долгие годы Днестр стал границей двух миров: угнетенной румынскими оккупантами Бессарабии — на правом берегу и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики — на левом берегу реки. Бессарабский берег Днестра опустел, полностью прекратилось судоходство, и мели и перекаты стали затягивать полноводный днестровский фарватер.

Прошли годы. Окреп и развился Советский Союз, и в июне 1940 года советское правительство обратилось к Румынии с требованием возвратить незаконно захваченную Бессарабию. Так 28 июня 1940 года Бессарабия воссоединилась с братской Молдавской АССР во вновь образованной Молдавской Советской Социалистической Республике. От истоков до устья, по обоим своим берегам, Днестр стал советской рекой.

В годы Великой Отечественной войны земли Молдавской ССР были захвачены румынскими и немецкими фашистскими войсками, но в 1944 году снова освобождены доблестными воинами Советской Армии. Освобожденная Молдавия смогла, наконец, заняться восстановлением своего хозяйства, разрушенного захватчиками.

* * *

Мы были первой группой советских туристов, отправляющихся в плавание по Днестру. Мы тщательно изучили предстоящий маршрут и подготовили к плаванию две резиновые надувные лодки, грузоподъемностью по полтонны каждая, полученные из спортивного общества «Большевик». Группа наша состояла из семи человек — трех мужчин и четырех



Лагерь туристов в устье реки Млинки.

женщин. 12 июля мы выехали из Москвы в Черновицы — к исходному пункту путешествия по Днестру.

В Черновицах мы погрузили на грузовую автомашину свои рюкзаки и лодки и выехали в Хотин — районный центр Украинской ССР, расположенный на правом — бессарабском — берегу Днестра. Скоро Черновицы скрылись из виду; перед нами расстился волнистый ландшафт Северной Буковины: поросшие буковыми лесами холмы, золотые нивы, обширные селения, сливающиеся вдоль дорог в одну непрерывную ленту живописных домиков и тенистых садов. Вскоре открылась просторная долина Днестра, и грузовик остановился на широкой главной улице Хотина, окаймленной аллеями тополей. После воссоединения Бессарабии с Советским Союзом район Хотина, населенный главным образом украинцами, вошел в состав УССР.

В один из дней, проведенных в Хотине, мы осмотрели старинную турецкую крепость на берегу Днестра, с которой связано много боевых эпизодов русской военной истории. Крепость эта была основана генуэзцами в XIII веке и в XV веке расширена молдавским господарем Стефаном Великим. После захвата Молдавии, в 1718 году, турки перестроили крепость и превратили ее в грозную опору своего владычества на Днестре. Однако в войнах с турками русские войска трижды брали Хотинскую крепость — в 1739, 1769 и 1787 годах. В 1811 году турки под руководством французских инженеров перестроили крепость по последнему слову тогдашней фортификационной техники, но в следующем, 1812 году вынуждены были по Бухарестскому мирному договору окончательно передать крепость и город Хотин во владение России. Стены и

башни Хотинской крепости и окружающие ее редуты, бастионы и рвы достояли до нашего времени и сейчас сохраняются как исторический памятник.

От стен старой крепости мы и начали свое плавание по Днестру. Составленные на подводе к берегу реки лодки были надуты, багаж и участники путешествия размещены по своим местам. Раздался долгожданный сигнал к отплытию, мы бросили последний взгляд на стены Хотинской крепости, нависшие над головой, попрощались с толпой пришедших нас проводить детей и отчалили от берега. Тугие струи полноводной реки подхватили лодки и помчали нас вниз по течению со скоростью 11 километров в час.

Свое плавание мы начали в дни летнего паводка. От таяния карпатских снегов и прошедших дождей Днестр поднялся на целых 7 метров, и теперь перед нами расстилась широкая гладь реки, залившей прибрежные луга. Покой и тишина водного простора окружили нас со всех сторон. Плывшие по течению лодки казались застывшими на месте, и только быстро уменьшавшаяся на наших глазах крепость показала нам, с какой скоростью мы движемся. Связанные бортами наподобие плота, лодки шли посреди реки и были очень устойчивы. Лишь изредка мы выправляли курс при помощи нескольких гребков веслом с той или другой стороны.

Через несколько километров Днестр крутой излучиной изменил восточное направление на северное. На берегах появились крутые скалы, отвесными обрывами подходившие к воде. За первой излучиной оказалась вторая, за ней еще одна. За каждым поворотом теперь открывались виды, один живописнее другого. Белоснежные украинские села, расположенные

на обоих берегах Днестра, сменялись лесистыми кручами. Потом снова берега становились пологими. Была пора уборки урожая — с полей доносился рокот тракторных моторов и песни колхозных девушек.

Над нами сияло голубое южное небо, и тишина реки лишь изредка нарушалась глухим шумом струй у скалистых обрывов. То и дело мы проплывали мимо маленьких полузатопленных островков, поросших ивняком. При нашем приближении с островков поднимались серые цапли и плавно перелетали через реку на дальний берег. Однажды мы спугнули спустившуюся к самой реке лисицу. Сперва опешившая при появлении лодок, лиса вскоре бросилась по крутому склону вверх, под защиту леса. Долго еще была видна с реки ее рыжая шкурка, мелькавшая среди прибрежных кустов.

В конце дня мы сделали остановку в селении Устье, чтобы закупить свежих продуктов — молока, творога, яиц. Когда мы собралась плыть дальше, один из колхозников посмотрел на наши лодки, задумчиво покачал головой и сказал:

— Будьте осторожны! В нескольких километрах отсюда находится взорванный немцами при отступлении железный шоссе́нный мост... Смотрите, чтобы не зацепиться в воде за фермы. Очень там вода бьет! Лучше будет лодки берегом пронести...

Поблагодарив за предупреждение об опасности, мы отчалили от Устья. Снова тишина днестровских просторов окружила наши неслышно скользившие по воде лодки. Однако вскоре до нашего слуха стал доноситься глухой шум. Чем дальше мы плыли, тем громче становились рев и грохот воды. Наконец вдаль мы увидели на берегах реки подходящие к Днестру две насыпи разрушенного моста. Между ними в воде чернели обломки изуродованных железных ферм. Среди ферм тут и там в воздух взлетали пенистые буруны. Заранее предупрежденные о «сюрпризе», мы быстро причалили к берегу и пешком отправились на разводку. Осмотр препятствия вблизи показал, что нечего и думать о том, чтобы преодолеть его на лодках. Вода со страшной силой устремлялась в узкие протоки между фермами, бурлила и крутым перепадом устремлялась вниз. На насыпях и на прибрежной дороге темнели заржавленные остовы сотен сожженных немецких грузовиков. Это были следы успешного бегства немцев с берегов Днестра, после того как части Советской Армии весной 1944 года совершили глубокий исходный марш на запад по правому — бессарабскому — берегу реки.

Разгрузив лодки от вещей, мы перетаскивали рюкзаки и обе лодки через насыпь на безопасное место, метрах в двухстах ниже непроходимого барьера. Когда мы снова отправились в путь, солнце скрылось за крутым берегом, и наступили сумерки. Проплыв еще около часа, мы остановились на ночлег в селении Большая Мукша, где гостеприимные колхоз-

ники предоставили нам комнату в хате и сложенную в саду печь для приготовления обеда.

Снова безоблачное тихое утро. Снова на нашем пути встали по берегам Днестра скалистые кручи, увенчанные лесами. Некоторые из скалистых вершин на правом берегу реки доходили здесь до 250 метров. Там, где берега становились пологими, мы проплывали мимо обширных полей пшеницы, кукурузы и подсолнечника. На лугах, у самой воды, виднелись стада коров и овец. В этот день мы проплыли сравнительно мало — всего около 20 километров — и разбили лагерь на опушке леса, у входа в ущелье реки Млинки. В этом лагере мы провели весь день. Купались в заливе, образованном устьем реки, гуляли по ущелью и осматривали старинные водяные мельницы, построенные одна над другой на быстрой речке Млинки. Сбегающая к Днестру по узкому каменному ущелью Млинки представляет собой настоящую горную реку. Крутым каскадом падает она по пластам известняка, образующим как бы ступени гигантской лестницы.

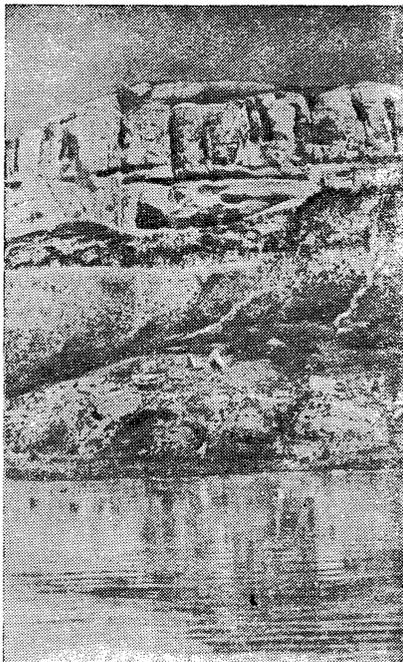
Ниже впадения реки Млинки Днестр стал более оживленным. Около Старой Ушицы мы впервые увидели на реке большие баржи и буксирный пароход, пришедший из Могилев-Подольска. Невдалеке от пристани на берегу реки раскинулись новые корпуса консервного завода. Пройдя Старую Ушицу, мы заночевали в селении Василевцы. Высокая вода паводка доходила в Василевцах до самых хат. Глубокими заливами Днестр вторгся на улицы селения, и мы провели лодки по протокам до самых дверей сарая, ответственного нам для ночлега.

На четвертый день плавания, ранним утром мы пересекли границу Молдавии за селением Волошково. С этого места весь правый берег Днестра входил уже в состав Молдавской ССР. В то утро мы впервые услышали на бессарабском берегу старинную, заунывную пастушью песню молдаван «дойну», которую наигрывал на дудочке расположившийся под деревом пастушок.

Еще несколько часов пути — и на левом берегу Днестра перед нами развернулась панорама Могилев-Подольска — старинного города, основанного еще молдавским господарем Симеоном Могилой. Город сильно пострадал во время войны — почти весь центр его разрушен и взорван немцами.

Ночь в Могилев-Подольске мы провели в местном управлении Комитета по освоению малых рек УССР, начальник которого отнесся к туристам-водникам с большим вниманием и дал нам все необходимые указания для прохождения знаменитых на Днестре порогов около города Ямполья.

По указаниям карты и сведениям, собранным нами по пути, пороги на-



Выходы скал на берегах Днестра.

чинались в трех километрах ниже Ямполья. Здесь Днестр делал крутую петлю среди обрывистых скалистых берегов. К порогам мы подошли с большими предосторожностями, внимательно осматриваясь по сторонам и не спуская глаз с открывающегося впереди течения, каждую минуту ожидая появления опасных бурнов. Все вещи были крепко «принатовлены» к лодкам, каждый из нас держал в руках весло, готовый к тому, чтобы быстро изменить курс лодок. В особенности следили мы за тем, чтобы не налететь на разделительную дамбу, построенную вдоль реки на месте самых опасных порогов. Ввиду большого паводка дамба

могла быть покрыта водой и представлять опасность больше, чем камни перекатов.

Подойдя к излучине, мы увидели впереди длинную пенистую ленту буруна. Местами среди пены над водой виднелись ветви кустов и трава, которыми поросла дамба. Зная заранее о препятствии, мы свернули под защиту крутого правого берега и медленно поплыли вдоль него, снова всматриваясь вперед в ожидании гряды порогов. В обрывах скал на самом берегу зияли штольни, около воды штабелями были сложены разных размеров жернова, изготовлявшиеся из местного камня тут же около штолен. В конце излучины мы увидели буксир с двумя баржами, груженными бочками — тарой для колхозных вин нового урожая. Сложив руки рупором, мы хором закричали вахтенным:

— Скажите нам, где пороги?

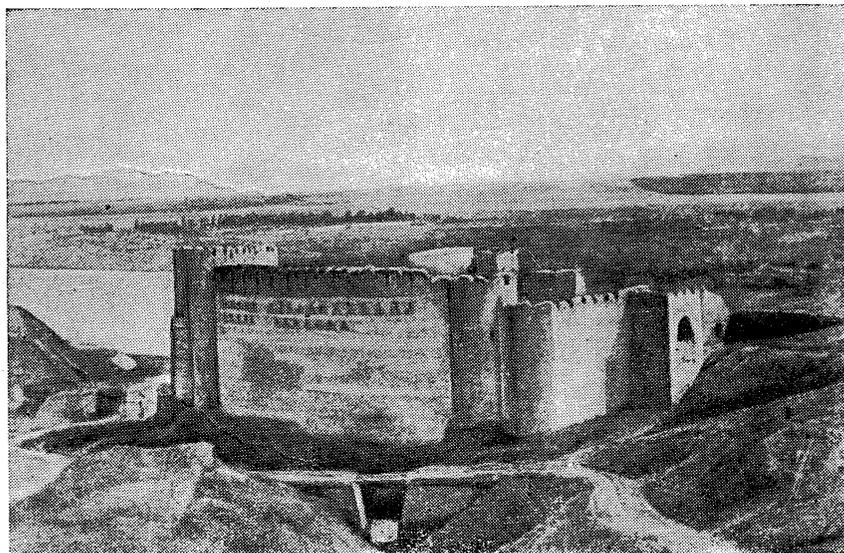
Один из вахтенных вооружился рупором, и сквозь шум колес до нас донеслось:

— Та й там пороги, й тут пороги... А яки пороги вам потрібны?

Мы от души расхохотались и вздохнули с облегчением. Никакие пороги нам, конечно, не были особенно нужны, и нам стало ясно, что главное естественное препятствие на нашем пути — грозные Ямпольские пороги — мы прошли по большой воде, даже не заметив их.

За Ямполем берега Днестра стали более пологими, на отлогих холмах появились обширные виноградники, к самой воде подошли колхозные сады. Иногда мы разбивали теперь свои лагеря в садах — в тени яблонь и грушевых деревьев.

На реке появились большие, покрытые лесом острова. Леса одевали теперь и холмы правого берега. Мы плыли по среднему течению



Старинная крепость в Хотине.

Днестра, мимо лесистых возвышенностей, известных в Бессарабии под названием «кодрь». Среди «кодрь», в широкой котловине правого берега, мы увидели город Сороки — один из древнейших на Днестре городов. На месте Сорок еще в V веке до нашей эры находился город Ольгиония. На самом берегу Днестра в Сороках сохранилась небольшая четырехугольная крепость XV века. Сороки очень живописный городок, и мы не пожалели нескольких часов на осмотр его зданий, улиц и Парка культуры и отдыха. Зашли мы и на пристань, где получили лоцию Днестра на весь оставшийся путь до Тирасполя. Лоция была нам необходима, так как взятая нами с собой из Москвы крупномасштабная карта кончалась на среднем течении реки.

В один из дней мы рано остановились на ночлег на опушке леса, не доехав до селения Нападова. Здесь мы решили разбить лагерь. Густой лиственный лес, состоявший из тополей, дубов и ясеней, подходил к самому берегу Днестра, крутой излучиной огибавшему рощу. Между опушкой леса и берегом тянулась широкая луговая терраса, на которой мы и поставили палатки. На другом берегу Днестра, прямо перед нами, вставали лесистые холмы, разделенные ущельями, в которых журчали ручьи.

По утрам нас будили горлинки. Их было так много, что казалось, ворковал весь вековой, пронизанный солнцем лес. Каждый вечер мы, перед тем как забраться в спальные мешки, долго сидели на берегу реки, любуясь Венерой, блестящей дорожкой отражавшейся в темной воде. Над поросшими лесом холмами, на южном горизонте, сияло яркое созвездие Скорпиона, которого нет на небе Москвы.

Из лагеря мы совершили экскурсию в молдавское селение «Красный Октябрь», в колхоз имени Сталина. Селение это было построено уже при советской власти — в 1929 году — и распланировано по-новому. Широкая, обсаженная тополями, прямая улица делит «Красный Октябрь» на две части, застроенные большими хатами, каждая из которых окружена обширным, густым садом. Мы посетили несколько домов колхозников, и всюду радушные хозяйки принимали нас в «каса маре» — горнице для гостей, украшенной коврами и вышитыми полотенцами, и угощали свежими крупными вишнями из своих приусадебных садов. Был воскресный день, и вечером, по случаю богатого урожая, молодежь устроила гулянье на площади около сельсовета. Взявшись за руки, парни и девушки водили молдавский хоровод «жок». В лагерь мы вернулись уже затемно.

Отдохнув в лесном лагере, мы снова отправились в путь. Прошли виноградный курорт Молдавии Каменку и небольшой городок Рыбни-

цу, который стоит на пересекающей Днестр железной дороге. За селением Попенки скорость нашего плавания по течению стала быстро уменьшаться. Вода спадала, и Днестр входил в свое обычное русло. Все труднее стало выбирать место для причала на низких берегах, покрытых слоем пропитанного водой, нанесенного паводком ила. Особенно предательскую шутку сыграл с нами жидкий днестровский ил на излучине между селениями Гояны и Кучеер. В этом месте, недалеко от берегов Днестра, находятся многочисленные озера — исконные гнездовья диких уток. Но высидеться для охоты на берег нам здесь так и не удалось: при попытках выйти из лодок на берег мы проваливались в ил по самые плечи, и лишь с помощью товарищей нам удавалось снова взбираться в лодки. Так и пришлось нам отказаться от заманчивой охоты, хотя стаи уток, словно издаваясь над нами, то и дело перелетали с берега на берег.

За селением Дубосары мы двигались уже только со скоростью трех километров в час, и колхозники, шедшие пешком по берегу, без труда обгоняли наши лодки. Весла на резиновых лодках служили нам только в качестве рулей — грести ими без уключин было почти невозможно, да это и не намного увеличило бы скорость плавания. На выручку нам пришел счастливый случай. Неожиданно из-за поворота реки показался шедший вниз по течению теплоход. Капитан теплохода предложил взять нас вместе с лодками на борт.

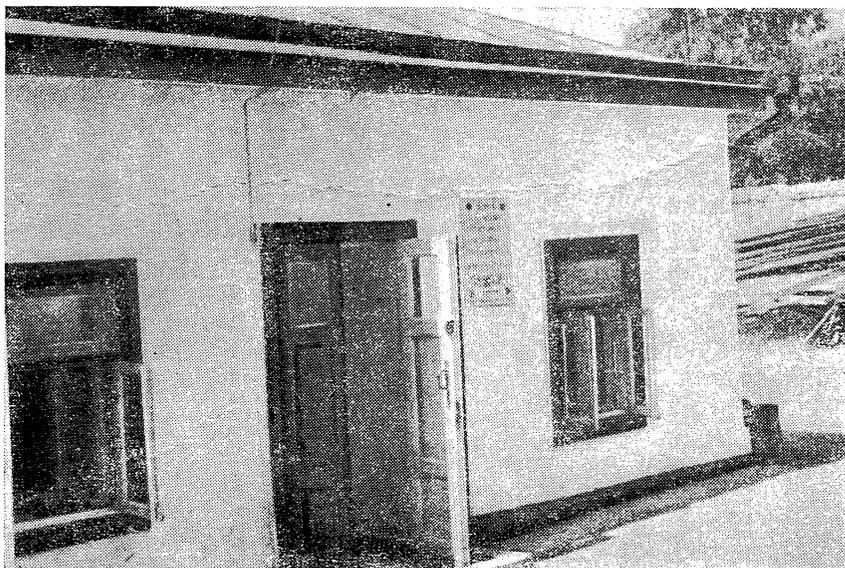
Так очутились мы на борту теплохода «Днестр», который вел бывший боевой моряк Черноморского флота Николай Емельянович Кругликов. За день плавания до Бендер мы подружился с комсомольской командой

теплохода и узнали, что его капитан командовал раньше буксиром Туапсинского порта на Черном море и в дни Великой Отечественной войны участвовал в боевых операциях и был награжден орденом Отечественной войны I степени.

— Я родился, вырос и плавал на море, — сказал нам Николай Емельянович, заканчивая свой рассказ, — а теперь меня отправили опять на боевой участок — на этот раз речной... Сейчас, в годы мирного развития, освоение такой важной транспортной артерии, как Днестр, имеет громадное значение. Нам все здесь приходится начинать заново — изучать фарватер, строить причалы и заводить флот.

За два года своей работы на реке капитан Кругликов успел стать одним из лучших капитанов Днестровского флота, узнал и полюбил древний, привольный Днестр. Он много интересного рассказал нам о своих рейсах по Днестру и по пути показал маленькое днестровское селение Водолуй-Воды, находящееся всего лишь в 18 километрах от столицы Молдавии Кишинева. В этом месте будет построена ГЭС и прорыт канал до Кишинева. Это даст возможность днестровским судам доходить до молдавской столицы.

На заходе солнца теплоход подошел к Бендерам, одному из старейших городов Бессарабии, который является в наши дни важным железнодорожным узлом и центром днестровского судоходства. Мы прошли мимо старой турецкой крепости, по размерам равной крепости в Хотине. Недалеке от этой крепости стоял некогда лагерь с остатками своих войск, спасшимися после разгрома под Полтавой бесславный шведский король Карл XII.



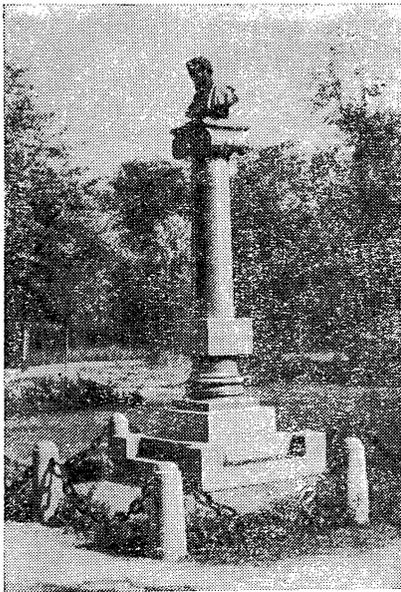
Домик-музей А. С. Пушкина в Кишинева.

Переночевав на пристани, наутро мы распрощались с капитаном и командой «Днестра» и отправились в последний переход на своих лодках до Тирасполя, бывшей столицы Молдавской АССР. Мы плыли мимо берегов, покрытых сплошными фруктовыми садами и виноградниками, и через одиннадцать часов лодки причалили к тираспольской пристани.

На другой день мы выехали поездом в Кишинев. Здесь, в столице Молдавии, среди других достопримечательных мест Кишинева, мы посетили Пушкинский музей.

Домик поэта, тщательно восстановленный после Великой Отечественной войны, памятник поэту в городском парке — все это живо напоминает о Пушкине, о любви и уважении к его памяти, которую одинаково чтут все народы нашей многонациональной родины.

Здесь, в Кишиневе, спальный поэт, привлеченный необычайной пестротой народонаселения города, с интересом наблюдал небывалую смесь «одежд и лиц, племен, наречий, состояний».



Памятник А. С. Пушкину в Кишиневе.

Здесь он бродил по городу, впитывая в себя разнообразные впечатления бессарабской столицы, много читал, обращаясь к богатому историческому прошлому «пустынной Молдавии». Именно в бессарабский период зародилась в воображении поэта самая значительная из «южных» его поэм — «Цыганы».

В глуши изгнания, вдали от друзей и близких, Пушкин не переставал жить политической жизнью, с сочувствием следил за освободительной борьбой маленького героического народа Греции. «Восторг умов дошел до высшей степени, — писал Пушкин весной 1820 года, — все мысли греков устремлены к одному предмету — на независимость древнего отечества».

Обо всем этом невольно вспоминаешь в Кишиневе, посетив домик, в котором жил в годы своей южной ссылки великий поэт России, воспевавший в своих творениях красоту бессарабской природы и русскую славу, умноженную на боевых полях Бессарабии.

НАКАНУНЕ ПУШКИНСКОЙ ГОДОВЩИНЫ

В июне текущего года народы СССР отмечают столетие со дня рождения величайшего из русских поэтов — Александра Сергеевича Пушкина.

Сбылось в наши дни гениальное провидение Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

В наше советское время не осталась народности, населяющей наш великий Союз, которой не было бы известно имя Пушкина. Сочинения великого русского поэта переведены на все языки народов Советского Союза. За годы советской власти произведения Пушкина изданы в СССР на 76 языках, общим тиражом в 35 500 тысяч экземпляров.

Стихи и повести, сказки и поэмы гениального русского поэта вышли на языках: абазинском, адыгейском, мансийском, нанайском, ненецком, табасаранском, хантыйском, чукотском, илорском, эвенкийском и нескольких других языках наших народов, получивших лисьменность только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Под влиянием произведений Пушкина развивалась литература братских народов нашей страны: украинского, белорусского, грузинского, армянского, азербайджанского и многих других.

Празднованию пушкинской годовщины народы СССР придают очень широкий характер, отмечают ее торжественно.

Для проведения пушкинских празднеств создан Всесоюзный комитет под председательством А. Фадеева. Члены комитета уже соби-



раются и обсуждают мероприятия, принимаемые в связи с годовщиной.

В городе Пушкин (бывшем Царском Селе), где в лицее учился Пушкин, организуется всесоюзная выставка, посвященная поэту. Выставка будет помещаться в Александровском дворце. В трех парадных залах будет развернута экспозиция на тему «Пушкин и советская культура» и особо — «Пушкин в творчестве советских художников».

В здании лицея восстанавливается актовый зал и три комнаты, где жил Пушкин и его друзья — будущие декабристы Пущин и Кюхельбекер.

В Институте литературы Академии наук СССР в связи с годовщиной собраны все, находившиеся ранее в разных местах, материалы о Пушкине: рукописи, книги, личные вещи поэта.

Московские и ленинградские издательства, а также издательства союзных республик готовят к юбилейным дням новые издания произведений Пушкина. Будут выпущены 252 юбилейных издания, общим тиражом в 11 500 тысяч экземпляров.

В Псковской области восстанавливается Пушкинский заповедник, сильно пострадавший от фашистских захватчиков.

В селе Михайловском восстановлен домик няни Пушкина. На старом фундаменте отстроено здание, воспроизводящее дом семьи Пушкиных. В этом здании будет помещаться Пушкинский музей. В музее будут экспонироваться мебель, картины, портреты, скульптура, личные вещи Пушкина.

Приведена в порядок могила Пушкина. Могила была заминирована немцами, но взорвать ее им помешал приход Советской Армии.

Музей Пушкина организуется также в селе Болдино (Горьковская область). В Болдино Пушкин заканчивал «Евгения Онегина», написал «Повести Белкина», «Историю села Горюхина», трагедии «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы».



КИТОВОМ, ГОВОРИТ, ПАССАТ!

ОЛЕГ ЕГОРОВ

Рис. Н. Конданова

Китобойное судно «Пассат» прорезало длинную полосу тумана, и впереди сразу открылся простор с ясной видимостью. На горизонте густое синее небо четко отрывалось от океанской зыби цвета темнозеленого бутылочного стекла.

Навстречу, по левому борту, плыли крутые гористые берега острова Итуруп с развороченными вершинами вулканов и с тонкими струями серебряных водопадов, стремившихся в океан по скалистым отвесным склонам.

На носу судна, у гарпунной пушки, уже собрались ученики Зарвы, а на палубе — свободные от вахты члены экипажа.

По порядку очереди сегодняшний день охоты принадлежал комсомольцу Петру Кузнецову, но всех уже облетела весть о том, что Петр Андреевич Зарва сегодня сам намерен стать у пушки.

У инструктора-гарпунера Зарвы для этого был серьезный повод: накануне он подсчитал количество добытых им за годы своей охоты китов, и выходило у него их ровно тысяча. Поэтому Зарва и решил открыть счет второй тысячи, пользуясь тем, что часто перемежавшиеся в этот день полосы туманов мешали учебе его учеников.

Когда об этом узнал судовой повар, он объявил за раздачей завтрака, что по такому случаю испечет всей команде юбилейный торт с кремом, и потребовал у завпрода доставить на камбуз пятнадцать банок сгущенного молока.

Кузнецов, ожидая прихода Зарвы, никому не уступал своего права распоряжаться пушкой.

Кузнецов был родом из Сталинграда. У него были волнистые белокурые волосы, как у настоящего волжанина, и отпуская на рыжеватые усики. Но его худощавый облик не вязался с установившимся представлением о коренастой фигуре гарпунера.

Кузнецов уже проверил глицириновую смазку пушки и теперь был занят набивкой гильзы.

Боцман Лазарев тем временем заканчивал снаряжение гарпуна. Он навинтил на него чугунный наконечник, походивший на острие пики. Наконечник представлял

собой гранату, которая взрывалась в теле кита после того, как в него воцарился гарпун.

Зарва считал Лазарева наиболее способным учеником, хотя он самостоятельно убил всего лишь одного сейвала. Зарва ценил в нем острую наблюдательность к повадкам китов и умение маневрировать при подходе к ним.

Лазарев недавно демобилизовался из Военно-Морского Флота, и у него еще была крепка воинская подтянутость. Он был самым старшим по возрасту из всех учеников Зарвы: ему минуло тридцать лет. Отпущенные русые усы, вытянутые прямой чертой, как бы подвдидили на лице итог его годам. До ухода на военную службу Лазарев знал только одну профессию: он был колхозным счетоводом.

Лазарев с Кузнецовым с трудом подняли гарпун и вставили его в жерло короткоствольной пушки.

Все приготовления к охоте были уже закончены, когда на траверзе бухты Белого утеса Кузнецов и бочковой одновременно увидели почти у самого горизонта фонтаны китов.

Белые фонтаны, возникавшие из темнозеленой воды, были заметны без бинокля. Это были прямые фонтаны финвалов.

На «Пассате» низким гудком подали сигнал охоты.

Капитан Гринько, стоявший на штурманском мостике, не торопился менять курса, пока Зарва, выбежавший на палубу, не показал ему рукой в сторону фонтанов.

С этого момента и до окончания охоты командование судном переходило к Зарве.

Зарва был одет в ватную куртку, утопившую его короткую фигуру. У него было бритое лицо и черные живые глаза. Из-под кожаного шлема выдавался выпуклый лоб, имевший форму созревшего боба.

Кузнецов уступил Зарве место у пушки.

Фонтаны вскоре исчезли, потому что киты заныряли. Но «Пассат» продолжал идти полным ходом в том же направлении на сближение с ними. У него работали оба гребных винта правой и левой машины.

В том месте, где занырнули киты на поверхности воды остались пятна затихающих водоворотов, похожие на огромные расплывающиеся блины. Когда судно дошло до этих «блинов», Зарва приказал застопорить обе машины: киты могли вынырнуть где-нибудь поблизости.

Через десять минут ожидания с мачты послышался голос бочкового:

— Киты сзади, прямо на корме!

Капитан быстро развернул судно на сто восемьдесят градусов и стал на крыло мостика, чтобы лучше слышать Зарву.

С начала охоты капитан никогда не покидал мостика или штурвальной рубки, согласовывая действия Зарвы с машинным отделением и наблюдая охоту до наступления сумерек.

Как многие моряки курильской китобойной флотилии, капитан отпускал бороду и усы.

Зарва приказал подходить к китам на малых оборотах машин, чтобы их не вспугнуть.

Он стоял у пушки и, повернувшись в сторону китов, махал рукой вправо, предлагая штурвальному поворачивать судно по движению его руки. Он хотел подойти к китам, под углом перерезав их курс.

— Так держать! — кричал он, не отрывая взгляда от приближавшихся фонтанов китов. — Так держать!

Теперь было ясно, что впереди два финвала — самец и самка. Сначала из воды на мгновение показывались их овальные морды, взбивавшие пену и почти одновременно выбрасывавшие стройные фонтаны высотой до восьми метров. Но казалось, что фонтаны поднимались прямо из кипящей пены.

Водяная пыль фонтанов долго держалась в воздухе, отливая на солнце цветами радуги.

Когда морды исчезали, сейчас же показывались горбатые тела китов цвета молочного шоколада. Тела высывались из воды не более чем на одну четверть.

Киты плавно и замедленно переваливали тела, пока не показались их спинные плавники разогнутыми серпами. После этого они уходили под воду, на которой на короткий момент возникали их вертикальные хвосты, похожие на рули самолетов.

Самец был метров двадцати двух, самка чуть поменьше. Самец плыл позади самки. Иногда нагонял ее и шел рядом. Киты появлялись на поверхности воды и исчезали, иногда одновременно, иногда один после другого, через непродолжительные правильные промежутки. Выпустив до шести фонтанов, они занырнули на глубину, прежде чем судно успело подойти к ним на расстояние одного кабельтова.

При заныревании хвостовые плавники китов круче погрузились в воду, и на поверхности образовались водовороты от мощных взмахов их хвостов.

Судно, еще более сбавив ход, продолжало идти по направлению к «блинам».

Справа на большом отдалении был замечен еще фонтан одинокого кита. Потом и этот фонтан исчез, оставив над водой радужную дугу.

Время выжидания, пока снова появятся киты, считалось среди «палубных зрителей» потерянным временем, и повар с огорчением собирался возвращаться в камбуз.

- Ну и громадины! — сказал он восторженно.
- А ты в Москве бывал? — спросил у него моторист.
- Был один раз.
- Колонны Большого театра видел?
- Видел, конечно.
- Ну, так наши финвалы подлиннее тех колонн.

Когда судно приблизилось к «блинам», боцман Лазарев взобравшийся на мачту к бочковому, крикнул сверху:

— Киты ушли вправо!

Лазарев, наблюдая с высоты мачты, лучше других учеников мог по «блинам» определять, в каком направлении под водой ушли киты.

Зарва не однажды проверял его безошибочный глаз и поэтому мог на него положиться. И хотя киты в поисках пищи могли под водой несколько раз после этого менять направление, все же Зарва, обернувшись к штурвальной рубке скомандовал:

— Право руля!

Зарва учил своих учеников идти по предполагаемым следам китов, чтобы ближе очутиться у того места, где они вынырнут.

— Великолепные экземпляры, — сказал Зарва, обращаясь к стоящему с ним рядом Кузнецову. — Только охота на них предстоит трудная: они очень голодны, а потому будут долго пастись под водой и мало держаться на поверхности. Чтобы насытиться, такому великану нужно съесть в сутки до шести тонн мелких рачков.

— Здесь у них, должно быть, обильное пастбище, — сказал Кузнецов. — Они постоянно толкуются против этой бухты.

— Они занырнули метров на двести, — после некоторого выжидания сказал Зарва. — Сколько уже прошло минут?

— Одиннадцать, — ответил Кузнецов, взглянув на хронометр.

Зарва передал на штурманский мостик команду — застопорить сразу обе машины, чтобы шум от работы дизельных двигателей и вибрация корпуса судна не напугали китов при их всплытии.

У китов, в противоположность зрению, очень тонко развит слух, и они могли бы всплыть далеко от судна.

Зарва проверил вращение пушки и ее прицел. Он собирался стрелять на расстояние не далее тридцати метров, хотя стрельба гарпуном считается возможной в пределах семидесяти.

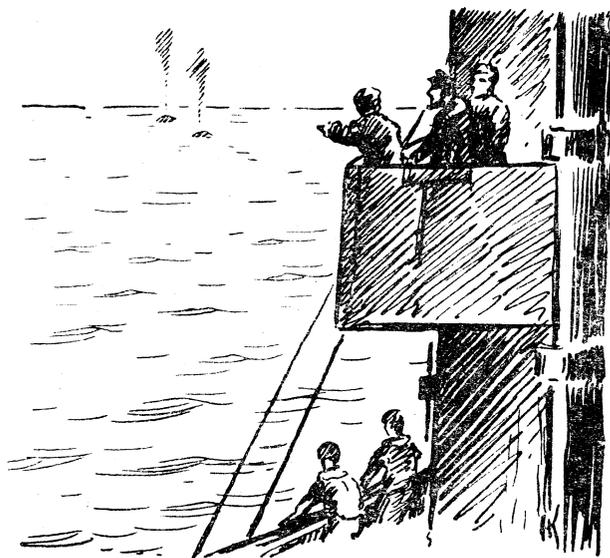
Прошло уже четырнадцать минут, но киты все еще не появлялись.

— В Антарктике вам, Кузнецов, — заговорил Зарва, — нужно будет уметь находить китовые пастбища. Конечно, брать пробу планктона из океана вам не придется, но развивать свою наблюдательность вы обязаны. Тогда вы не станете терять время на поиски китов, понапрасну бить механизмы и жечь топливо. Все китобой записывают в журнал координаты каждого убитого кита и ставят на карте точку в соответствующем месте. Вы видели нашу карту? На ней эти точки расставлены так же кучно, как пули в мишени меткого стрелка. А что это значит? — Зарва взглянул на хронометр. — Это значит, — продолжал он, — что мы не метались вокруг островов и не растягивали территорию промысла.

Его голос звучал твердо, и слова приходили в созвучное равновесие. Это происходило всякий раз, когда учитель в нем брал верх над охотником.

— А почему вы не у пушки? — вдруг спохватился он. — Ведь сегодня ваша очередь.

— Моя... — ответил Кузнецов и замаялся.



...Увидели почти у самого горизонта фонтаны китов.

— Что же случилось?

— Да мы все прослышали... — начал Кузнецов, — что сегодня у вас особенный день...

— Нет, — перебил его Зарва, — сегодня день особенный у вас. Вам встретились отличные киты. Это именно те киты, на которых можно кое-чему научиться. У меня на счету их тысяча, а у вас пока нет ни одного. Извольте же стать к пушке.

Он подвёл Кузнецова к пушке, а сам стал в двух шагах сбоку.

Киты вынырнули на расстоянии двух кабельтовых от судна. Но они оказались бы еще дальше, если бы судно остановилось у «блинов» в ожидании их появления.

Китов уже стало трое: к двум присоединился под водой тот третий, который прежде плыл одиноко. После длительного пребывания без воздуха их первый фонтан был особенно высок, и можно было надеяться, что на этот раз они дольше задержатся на поверхности, чтобы отдышаться.

Но сразу же после первого фонтана среди китов произошло замешательство. Один из них наполовину выбросился из воды, потом вскинул хвост и лопастями своего махала сильно рассек воду. На судне решили, что китов окружило стадо хищных касаток, которые при нападении вырывают из их тела куски мяса. Однако Зарва, рассмотрев в бинокль, установил, что присоединившийся кит был самец и что между ними произошла драка из-за самки.

— Командуйте же, чтобы быстрее подойти к китам, сказал Зарва Кузнецову.

— Средний вперед! — вырвалось у Кузнецова.

Его лицо слегка побледнело.

— Неверно! — остановил его Зарва. Он старался говорить спокойно. — Так вы сразу распугаете китов шумом машин. Начинайте с самого малого хода, а потом постепенно набавляйте.

Но было уже поздно. Заработали обе машины, и гребные винты быстро повели за кормой пенистую дорожку.

Киты стали уходить параллельным курсом.

Приставший самец ушел влево и вскоре сразу запырнул. Остальные два после четвертого фонтана запырнули вместе.

Стоявший на вахте старший помощник Спиридон Севастьянович, уже пожилой человек, вышел из штурвальной рубки с раскрасневшимся лицом.

— Это я виноват, — сказал он громко, не глядя ни на кого, — я! Не нужно было мне слушать всякий вздор, а передать в машинное: «самый малый».

— Конечно, товарищ старпом, — горячо поддержал его молоденький матрос из школы юнг, — это даже понятно самому малому.

— Нет, не выдержит мое сердце, — сказал старший помощник и кинулся обратно в штурвальную рубку.

— Сгорел наш торт, — сказал кто-то из матросов.

— Нет, я не поставил бы Кузнецова на таких китов, — проворчал радист. — Не по его силам.

Ожидая, когда покажутся киты, «палубные зрители» томились. Некоторые спорили между собой — с какой стороны и на каком расстоянии от судна они должны вынырнуть.

Киты вынырнули через семь минут.

— Они мало надышались воздухом, — решил радист.

— Запасы продовольствия прикончили, — сказал завпрод.

— Я говорил, что они вынырнут с левого борта! — радостно воскликнул молоденький матрос из школы юнг. — Верни назад мой десяток папирос! — обратился он к мотористу.

— Лево на борт! — разнеслась по судну команда Кузнецова.

Он резким движением повернул пушку влево.

— Не горячитесь, Кузнецов, — сказал Зарва. — Судно стоит пока на месте и не будет слушать вашего руля. Нужно прежде сдвинуть судно.

Кто-то позади рассмеялся. Зарва обернулся. Смех тотчас же утих.

— Самый малый! — скомандовал Кузнецов.



Кузнецов стал наводить пушку...

«Пассат» круто повернулся влево и под острым углом медленно двинулся навстречу китам.

Теперь киты сами шли на сближение с судном.

— Глупая скотина, — сказал капитан, наблюдая за ними в бинокль, — на такую тушу весом в сто тонн природа отпустила всего лишь три килограмма мозга.

Капитан попрежнему стоял на мостике. От него теперь требовалась особенно четкая согласованность в действиях с гарпунером, потому что нужно было пересечь курс китов обязательно в таком месте, чтобы один из них в тот момент оказался бы на поверхности воды.

Когда Кузнецов опускал предохранитель у пушки, Зарва заметил бледность его лица.

— Смелее, — сказал он ему, — и покажите маневренность.

Киты были уже близко. Уже отчетливо слышалось, как, выбрасывая фонтаны, они тяжело и медленно фыркали. Вслед за струей воды воздух вырывался из их дыхания, как пар из клапана паровоза.

Впереди шла самка. Ее грузное тело, заключающее в себе вес двадцати слонов, плавно показало спинной горб и ушло под воду, с тем чтобы вынырнуть уже под прицел пушки.

— Командуйте, командуйте же, Кузнецов, — не сдерживая себя, закричал Зарва, — иначе мы проскочим, прежде чем вынырнет кит!

— Левая машина стоп! — выкрикнул Кузнецов и замахал рукой вправо.

— Обе стоп! — командовал Зарва и направил руку Кузнецова в левую сторону. — Право не ходить! — кричал он. — Одерживай, одерживай!..

В двадцати метрах от форштевня вспенилась вода, показалась овалнорылая гигантская морда с приоткрытой пастью, густо усаженной роговыми усами, и тотчас же ударил мощный фонтан. Водяная пыль понеслась на палубу, распространяя запах несвежего рта.

— Еще немного.. и мы выпустили бы финвала, — уже овладев своим голосом, сказал Зарва: — он прошел бы у нас под килем.

Морда кита скрылась в сбитой пене, и тогда из воды стало вздыматься лоснящееся на солнце светлокожладное тело гиганта, обтянутое кожей, напоминающей линолеум.

— Цельтесь же ближе к ласту, — снова теряя сдержанность, заговорил Зарва. — Там его сердце!.. Вы убьете наповал.

Кузнецов стал наводить пушку, целясь по линии, где тело кита выступало из воды.

Возле пушки наступила минута безмолвия. В эту минуту Зарва уже не давал никаких указаний ученику и не позволял кому бы то ни было говорить псд руку.

Все, стоявшие на штурвальном мостике, и «палубные зрители» ждали выстрела. Зарва присел на ящик, в котором хранились гильзы, и, не отрывая взгляда от кита, отчаянно взмахнул рукой в тот миг, когда, ему казалось, должен был последовать верный выстрел без промаха.

Но кит ушел под воду, а выстрела не последовало.

Зарва подскочил к пушке.

— Осечка? — с досадой спросил он.

— Нет, Петр Андреевич, — подавленным голосом пробормотал Кузнецов. — Рукой сразу не нащупал спуска... Удустил момент.

— Да не момент вы упустили, — накинулся на него Зарва, — а такого кита! Да, да, такого кита!

Он сорвал с головы кожаный шлем и вытер ладонью вспотевший лоб.

Совершенно близко от носа судна взлетела струя фонтана: вслед за самкой вынырнул самец.

Судно продолжало еще идти по инерции вперед.

Зарва тут же отдал приказание: «полный назад», чтобы не опередить кита и не выпустить его из-под прицела.

Однако стрелять в сердце было уже поздно. Еще более громоздкое тело самца погружалось в воду, поднимая на поверхность хвостовой плавник.

— Цельтесь под воду, — быстро проговорил Зарва, — у вас есть еще время..



Из глубины послышался взрыв гранаты.

Грохнул раскатистый выстрел.

Линь, сложенный петлями под стволом пушки, взвился, разматываясь в воздухе спиралью, и устремился в воду за гарпуном.

На мгновение кит неподвижно замер на поверхности, а потом стремглав занырнул с таким всплеском, будто в воду рухнул обломок скалы.

Из глубины послышался взрыв гранаты, и по звуку каждый понимал, что граната разорвалась не в теле кита, а в воде.

— Промая! — вскрикнул Кузнецов и навалился на пушку животом после ее отката.

Поверхность воды взорвал водоворот бурой жидкости, которую выпускает всякий кит, переживший страх. Вслед за этим забурился второй водоворот яркой кровью. И кровь, быстро расплываясь на гребнях волн, смешивалась с бурой жидкостью.

Тем временем весь гарпунинь ушел под воду и внезапным рывком потянул за собой хамплинь, перекинутый через блок. Блок, подвешенный на стальном тресе к мачте, под натяжением резко опустился вниз и, в свою очередь, потянул за собой другой конец стального троса, который уходил под палубу, где скреплялся с тридцатью тремя соединенными вместе буферами от железнодорожных вагонов. И мощные пружины в этот миг сжимались и скрипели, потому что кит рывком в полторы тысячи лошадиных сил оказывал на них давление весом в сто двадцать тонн.

— Что там, уснул на лебедке? — закричал Зарва. — Травите, травите линь!

Колеса электрической лебедки, вращаясь с предельной скоростью, вытягивали из трюма запасы хамплиня с такой быстротой, что он, выходя из стопора, дымился от трения.

Раненый кит вынырнул на расстоянии трехсот метров от судна и, видимо, намеревался догнать уплывшую далеко самку. Он плыл в том же направлении, что и она, но замедленной, и теперь дольше держался на поверхности воды. И всякий раз, как он выныривал, на его боку показывалась алая струя, которая тотчас же смывалась волной и расплывалась позади него мутнокрасными пятнами.

Через бинокль можно было увидеть, что гарпун пронизал кита насквозь и конец его торчал с другого бока. Поэтому граната взорвалась уже в воде при выходе гарпуна.

Лебедка безостановочно выбрасывала за борт хамплинь, и капитан вел судно полным ходом вслед за раненым китом, мгновенно меняя свой курс при малейшем изменении его, чтобы не допустить обрыва хамплиня. Если бы он не поступал так и хамплинь мог полностью выдержать натяжение кита, то раненый финвал



Из воды показался конец хамплиня.

мог тащить судно со скоростью четырех миль в час и оба гребных винта при этом тормозили бы судно, работая «полный назад».

На носу все были заняты какой-нибудь работой. И даже «палубные зрители», отдышавшие после вахты, из наблюдателей и спорщиков превратились в «авральных китобоев». Промедление или неточность в выполнении приказа капитана и гарпунера на палубе или в машинном отделении грозили потерей кита.

Кузнецов с видом счастливого удачника, не совсем верившего еще в прочность своей удачи, перезаряжая вместе с Лазаревым пушку, торопил его, повторяя:

— Как бы не оборвался! Как бы только не оборвался!

Повар прибежал на нос, чтобы узнать, кто загарпунил кита. Подойдя к Кузнецову, он сказал ему:

— Поздравляю тебя, Петя, с первым китом... Я замесил уже тесто для торта. Знал, что сегодня все равно кто-нибудь да убьет кита. Такая уж у нас традиция — всегда приходиться на базу не с пустыми бортами... Думал испечь торт по случаю тысячи первого кита Петра Андреевича, а вышло по случаю первого комсомольского... Ну, да это все едино: ведь первый кит — тоже юбилейный...

Пушка уже была перезаряжена добойным гарпуном, а кит все еще шел впереди судна, держась на расстоянии более чем полукилометра и оставляя позади себя кровавые «блины». Но плыл он уже медленно.

Со стороны острова прителели чайки и глупыши. Приближаясь к кровавым следам, они описывали над ними круги: чайки — высоко, а глупыши едва не разрезали крыльями воду.

Стоявший у лебедки доложил Зарве:

— Уже четыре с половиной бухты вытянул!

— Трави еще, — сказал Зарва. — Линя хватит.

Зарва, всюду поспевавший на палубе и наблюдавший за всеми, вернулся к Кузнецову.

— Вы прострелили киту кишечник, — сказал он ему. — Поэтому он долго еще нас поводит. Нужно учиться бить наповал. Ну, да это еще придет к вам. — Он хотел похлопать его по плечу, но тут же сдержался. — Самое главное — нужно изучать все повадки китов, да не по Брэму, где кит изображен на картинке, высунувшись на три четверти из воды, а в их подлинной жизни... И еще нужно уметь подходить к ним. Так и запомните. Да, да, так и запомните.

Спустя около часа блок, который то и дело рывками опускался вниз, натягивая стальной трос, поднялся и стал неподвижно на свое обычное место. Кит больше не тянул.

Зарва застопорил лебедку.

Кит остановился и, взмахивая могучим хвостом и петлями изгибая его, хлестал по воде. И казалось, будто он перешибал спинные хребты океанских волн. Кит, повидимому, начинал агонизировать.

Самка уплыла далеко и скрылась из виду.

Судно продолжало итти, и расстояние между ним и китом заметно сокращалось.

Колеса лебедки теперь начали вращаться в обратном направлении, выбирая хамплинь из воды.

Когда до кита оставалось менее ста метров, судно остановилось.

Кит выбрасывал частые и невысокие фонтаны и, взмахивая хвостом, показывал на бок рваную рану, из которой торчал конец гарпуна, опутанный кишками.

Волны слизывали кровь, все время сочившуюся из раны, и омывали кишки, напоминавшие пожарные шланги, только вдвое толще. И вымытые водой кишки выглядели розоватыми и бледнофиолетовыми.

Лебедка продолжала работать, и хамплинь начал подтягивать кита к судну. Нужно было подвести его к пушке на расстояние двадцати или тридцати метров и добить вторым гарпуном.

Кит встрепенулся и, сильно натянув хамплинь, рванул в сторону, делая попытку уйти. Из его раны выхлестнула кровь. Тогда он ослабил натяжение хамплиня и, изменив направление, метнулся в другую сторону.

Кит пошел в сторону судна, и казалось, будто он шел на таран. Немного приподняв голову и рассекая воду, он, как гигантская сигарообразная торпеда, надвигался на борт судна, слегка загребая в бок.

— Полный назад! — кричал Зарва и кинулся к штурвальной рубке.

Но капитан уже опередил его и начал разворачивать судно, ставя его носом к стремительно приближавшемуся киту.

Кит прошел вдоль корпуса судна почти вплотную и, задев его раненым боком, высоко взмахнул хвостом, как огромным молотом, и ударил по борту. Стальной корпус судна загремел от удара, словно в него врезалась тяжело нагруженная деревянная баржа.

— Укритите скорей вашего финвала, — сказал капитан вбежавшему в рубку Зарве, — иначе он потопит нас... Нет, не нравятся мне финвалы. С кашалотами куда меньше беспокойства.

Кит занырнул под кормой. Хамплинь сильно рвануло, и блок опустился, потянув вниз стальной трос.

— Отдавайте, отдавайте ему линя! — разносился с переходного мостика голос Зарвы. — Быстрей, быстрей! Лебедка заработала во всю мочь, снова посылая хамплинь за борт.

Но вдруг блок подскочил кверху и свободно закачался под мачтой. В этот же миг хамплинь перестал подниматься с лебедки на блок и ложился на палубу, заплетаясь свободными кольцами.

— Стоп травить! — приказал боцман и перегнулся через фальшборт, ища глазами в воде оборванный конец линя.

И в том месте, где он перегнулся, вмятина, оставшаяся в борту от удара китового хвоста, отражала солнечные лучи, как в вогнутом зеркале.

Зарва тоже подбежал к фальшборту.

Кит продолжал удаляться от кормы.

— Любуетесь результатом своего небрежного хранения линя? — с трудом сдерживая себя, сказал он боцману. — От сырости, Лазарев, от сырости... не сомневайтесь...

Едва он сказал это, как из воды показался конец хамплиня, который уже вытаскивала лебедка. И тут все увидели, что хамплинь не оборвался, а был перерезан гребным винтом, когда кит нырнул под корму.

Зарва украдкой взглянул на Лазарева. Взгляды их встретились.

— Знаю, что вы про меня сейчас думаете, — сказал Зарва. — После я объяснюсь... а сейчас нужно спасать кита, иначе он утонет, прежде чем мы снова возьмем его на линя.

— Есть, — по-военному ответил Лазарев. — Только, Петр Андреевич, объясняться вам не придется. Те бухты линя, за которые вы меня взгрели, действительно

но валялись на палубе не по-хозяйски. А я коммунист и ошибки свои всегда признаю...

«Палубные зрители» теперь собрались на корме, следя за медленно уходящим китом.

— Кит потерян, — сказал сперрист.

— Нет, — возразил ему молоденький матрос из школы юнг, — еще успеет в него всадить второй гарпун.

— Где же тут успеть? Видишь, он уже поддыхает. Как только агония его кончится, он захлебнется и утонет. Это только убитый кашалот держится на воде: у него сала больше. А финвал пойдет на дно.

— А сколько под ним глубины? — спросил кто-то.

— А что, хочешь за финвалом нырнуть? — усмехнулся сперрист.

— А почему бы и нет? — вмешался третий механик, только что вышедший из машинного отделения после вахты, — ведь под ним глубины-то всего три с половиной километра.

Послышался чей-то смех.

— Что же тут смешного? — сказал сперрист. — Сейчас на дно могут пойти тысячи рублей государственных денег.

На корму вышла буфетчица. Она бросила накрывать на стол к обеду в кают-компании, как только узнала,

— Вахту сдал и пойду полежать, — с волнением ответил старший помощник. — От этих китов я наживу порок сердца.

— Мы зайдем в Найоко, — сказал капитан. — Вам обязательно нужно показаться врачу...

— ...и списаться на берег, — докончил старший помощник, — хватит с меня на старости лет этой охоты...

Кит покачивался почти без движения на плоских волнах мертвой зыби, когда к нему осторожно подходило судно. Он непрерывно выпускал низкие фонтаны, приподнимаясь из воды всем телом и опускаясь при тяжком вздохе и выдохе.

Кузнецов стоял у пушки, готовясь к выстрелу.

Зарва тоже уже стоял рядом с ним и, указывая на кита рукой, говорил спокойно:

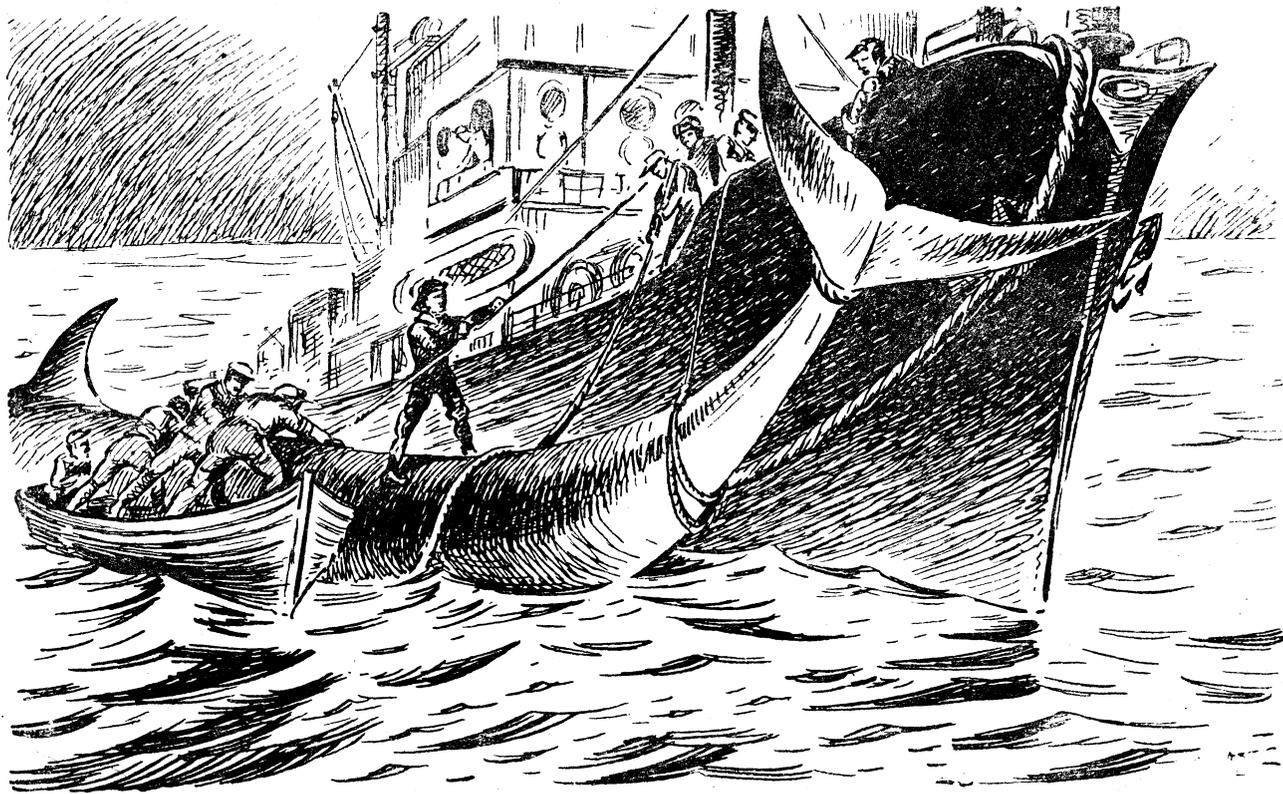
— Цельтесь под ласт. Перед вами уже не кит, а пловучая мишень. Вроде той бочки, на которой вначале вы учились стрелять гарпуном... Впрочем, можете стрелять когда угодно: он и так скоро кончится. Нам нужно только взять его на лить, чтобы не утонул... Кем вы служили на военном флоте?

— Старшим матросом.

— На каких кораблях плавали?

— На сторожевых.

Зарва обернулся к мостику.



На судне с большим оживлением готовили цепи и стальные тросы, чтобы пришвартовать кита к борту.

что кит оборвал лить. Некоторое время она молча глядела на кита, а потом, вздохнув, тихо проронила:

— Ух, зараза!..

— Вот и поздравил Кузнецова с китом, — сокрушенно сказал стоявший за ее спиной повар. — Теперь только осталось тортик ему поднести.

Старший помощник, медленно спускаясь со штурманского мостика, столкнулся на трапе с капитаном.

— Что с вами, Спиридон Севастьянович? — спросил у него капитан. — Отчего вы держитесь за сердце?

— Самый малый! — скомандовал он. — А давно ли вы были дома?

— После демобилизации еще не был.

— Лево руля! Обе машины стоп! — приказал Зарва. — Теперь можете стрелять. Кит ведет себя превосходно. Отличный кит.

Кузнецов тщательно навел прицел.

На выстрел ответило с острова эхо отдаленным раскатом грома.

Взрыв гранаты был глуховат, потому что она разбурчалась в теле кита, внутри легких.

Кит не встрепенулся и не вздрогнул. Он начал только дробно бить хвостом по воде, образуя водовороты, как от гребного винта. Из его бока хлынула кровь. И вскоре вода вдоль одного борта судна покраснела, как при багровом закате. Свыше шести тысяч литров крови, расплываясь по воде, постепенно обхватили судно и с другого борта.

Глупыши опустили на кровавую воду. Их была целая стая. Они сновали возле кита и выклевывали из воды кровавые сгустки.

Кит не оказывал уже никакого сопротивления, когда лебедка стала подтягивать его к борту. Теперь он дышал редко, выбрасывая тонкие кровавые фонтаны, едва поднимавшиеся над водой.

Коснувшись борта, он запрокинулся на бок и, плотно сомкнув круглый голубой глаз величиной с грецкий орех, начал медленно тонуть.

Лазарев, перегнувшись за леерное ограждение, быстро вонзил в его тело длинную острую трубку, соединенную с резиновым шлангом воздушной помпы.

Заработала электрическая помпа, и меньше чем через минуту телу кита вернулась пловучесть. Помпа продолжала накачивать в него воздух, и из его рваных ран, находившихся под водой, стали непрерывно подниматься вверх красные пузыри. Из глубокого прокола, сделанного случайно багром на боку, выступавшем из воды, вырывался воздух, издавая звук, напоминавший иногда тонкий свист, иногда длач ребенка.

Дул свежий ветер. С согленного бока кита быстро испарялась вода, и на гладкой коже собирались мелкие морщины. Вместе с испарявшейся водой с кожи быстро исчезал и золотисто-шоколадный цвет, как пыль-

ца с крыльев бабочки. Кожа сначала серела, а потом становилась еще темней, почти черной.

На судне с большим оживлением подготавливали цепи и стальные тросы, чтобы пришвартовать кита к борту.

Кузнецов сам старался багром подцепить в воде конец троса, чтобы накинуть петлю на хвост кита.

К нему подошел Зарва.

— Отдохните, Кузнецов, — сказал он ему и протянул руку для пожатия: — Примите же и мое поздравление с вашим первым китом.

* * *

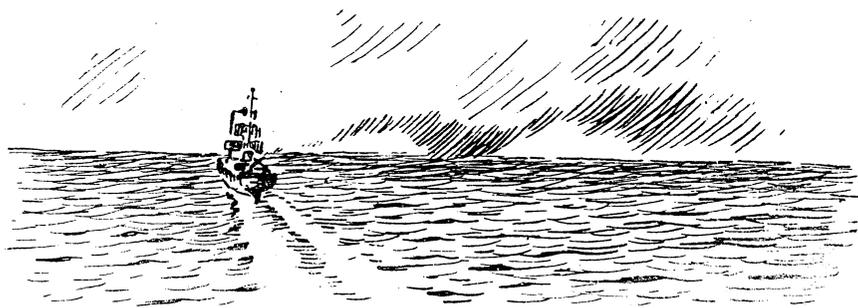
В послеобеденный «капитанский час», во время которого все суда курильской китобойной флотилии переговаривались между собой по радиотелефону, в радиорубку вошел капитан Гринько, и когда наступила очередь «Пассата», радист протянул ему микрофон.

— Китобой, китобой, говорит «Пассат»! — негромко и отчетливо заговорил капитан. — Даю промышленную обстановку. Мои координаты: широта — сорок пять градусов десять минут, долгота — сто сорок восемь градусов тридцать восемь минут. Ветер с зюйд-веста. Зыбь — четыре балла. Вошли в полосу густого тумана. Видимость плохая. Очень плохая, — повторил капитан.

Если меня слушает Найоко, прошу доложить управляющему трестом товарищу Бабаеву, что в Найоко не пойду, потому что мой старший помощник отказывается показаться врачу. Он просил передать, что чувствует себя вполне здоровым.

У борта имею одного кита.

У меня все. Я — «Пассат». Перехожу на прием.



МАМОНТОВО ДЕРЕВО

Миллионы лет назад секвойи, или мамонтовые деревья, населяли Европейскую часть нашей страны, Дальний Восток, Среднюю Азию. С течением времени эти могучие деревья исчезли. Лишь в Скалистых горах Калифорнии на высоте 1 500—2 000 метров сохранились представители этого вида.

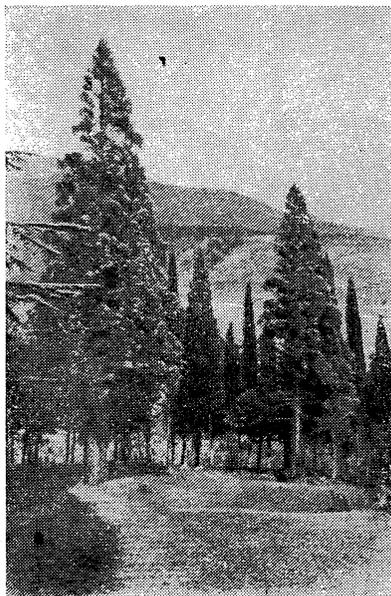
Крупнейшие в мире деревья манили любителей легкой наживы. Ведь древесина одного дерева приносила десятки тысяч рублей дохода! Самые старые обитатели земли, прожившие три-четыре тысячи лет, пали под ударами топоров.

Мамонтовые деревья поражают своими грандиозными размерами. Высоту 25-этажного дома (100 метров) имеет могучий ствол, несущий широкую, разветвленную крону. Крупная секвойя весит 6 тысяч тонн. Чтобы такое дерево перевезти, требуется две тысячи автомашин или 100 большегрузных вагонов.

Древесина мамонтового дерева отличается исключительными качествами: она легка, как осина, и прочна, как дуб. За год дерево наращивает в десять раз больше древесины, чем береза.

Свыше 80 лет назад семена мамонтовых деревьев появились и у нас, в Ялте. Необычная растительность приспособилась к жизни в Крыму. Сейчас на южном берегу растет свыше 100 русских секвой.

Американцы уничтожили секвойевый лес — советские люди стремятся его создать. Для



того чтобы выяснить возможность массового разведения мамонтового дерева, сектор селекции Всесоюзного института лесного хозяйства направил в Крым научного сотрудника, аспиранта В. И. Ермакова.

Оказывается, что секвойя, как дерево гор, лучше всего развивается на высоких, защищенных местах. Ее надо выращивать на склонах южного берега Крыма на высоте от 400 до 1 000 метров. Климат этого пояса соответствует району естественного произрастания секвойи в Калифорнии.

Некоторые лесоводы считали, что семена русской секвойи бесплодны. В. И. Ермаков доказал, что это относится только к деревьям, растущим одиноко. Видимо, растительный организм, предохраняя потомство от вымирания, не опылял цветы своей же пылью. Но там, где деревья росли группой, были и полные семена. Таким образом, посадочный материал имеется у нас в достаточном количестве. Мысль о русском секвойевом лесу уже не мечта. Она претворяется в жизнь. В питомниках Ялтинского и Алуштинского лесхозов выращены первые 30 сеянцев. В этом году сотни сеянцев украсят питомники. В 1950 году их пересадят на склоны гор среди взрослых деревьев — сосны, бука, граба. Спустя 50—60 лет эти породы состарятся, их вырубят, а секвойи останутся. Через 4 тысячи лет, в 4950 году, потомки, любящие гигантскими живыми памятниками нашей героической эпохи, будут с благодарностью вспоминать о лесоводах, вырастивших древний лес на южном берегу Крыма.

А. Корш

В гостях У ДЕМИНЦЕВ



ВИКТОРИН ПОПОВ

Рис. О. Эйгес

Широка приволжская степь. Во все стороны — бесконечный простор. В иных местах земля точно приглажена уголом — ни куста, ни травинки.

Летом воздух раскален и неподвижен настолько, что пыль, поднимаемая лошастью, крутится у нее под брюхом, не поднимаясь кверху. Но когда подует юго-восточный ветер, он вдруг приходит в яростное движение, становится горячим, прерывистым, как дыхание больного лихорадкой. Тогда жар исходит отовсюду разом — от ветра, с неба, из нутра земли.

На пожараемой солнцем равнине главная губительная сила — ветер. Распаханное поле, колея дороги, колодец, вырытый человеком, — все это облегчает работу ветра по развеванию почвы. Горячее его дыхание вырывается из-за Каспия, как из раскаленной печи, и нет ему на равнинном просторе никаких преград. Он иссушает землю, сжигает траву, опалывает хлеба.

И как оградно увидеть молодые рощицы лесных полос на колхозных полях Деминской МТС, той самой передовой МТС, которая уже давно начала на деле осуществлять агрокомплекс Докучаева — Костычева — Вильямса. Именно колхозы Деминской МТС в историческом законе о борьбе с засухой приведены в пример: они получают урожай более высокие и устойчивые, чем их соседи.

Ошибочно иные думают, что жители степей не любят леса. Лес и вода всегда были украшением земли. Первым здесь начал насаживать колхозный защитный лесочек исконный степняк Игнат Степанович Краснов. Это было одиннадцать лет назад.

Краснов и по сей день бесменно руководит лесопосадочным звеном колхоза Деминского. У Игната Степановича есть при доме личный садик, в нем — яблони, вишни, терн. Садик уже почтенного возраста. И что получилось: к старым деревьям своего садика он относится с уважением, к молодым же колхозным посадкам — с горячей любовью. Какое торжественное волнение было на лице старика, когда сорвал он на подезащитной полосе первое яблоко: там, при доме, — личная прихоть, «баловство между прочим», здесь — огромное народное дело. Про Игната Степановича говорят в колхозе: у него, мол, все самолюбие в лесных полосах. И если вдруг отстранить Игната Степановича от колхозных лесонасаждений, он не будет знать, как ему жить, он потеряет мир.

Как не любить зеленую полосу,

если она избавляет хлеборобов от векового страха перед суховеями, если она один из главных элементов в борьбе за изобилие продуктов. Как ее не любить, если жимолость, белая акация, шиповник, груши и яблони зацветают на ней весной красивыми и пахучими цветами, — пчелы набирают мед, в ветвях полет малиновки, а на вечерней заре в траве уютно поскрипывает коростель. А когда зацветает лох, опьяняющий его аромат разносится по всей широкой степи. В деминских лесочках есть уже и спасительная тень, и береговая, как войлок, подстилка, и грибы.

Удивительно: во время войны посадки были без ухода и все же оказались способными противостоять наступлению злостных степных сорняков. Это благодаря хорошему надзору в первые годы их роста.



Ребята с охотой работали по очистке лесной полосы.

Великая это сила — страсть к народному делу. Если она воспламенила сердце старика, то о молодежи говорить не приходится, у молодых в груди огонек, который все зажигает, организует. Во имя устройства новой жизни они готовы на борьбу с самыми титаническими ураганами.

Десять лет назад, когда еще не все в колхозе Деминском прониклись уважением к затеваемым лесным полосам, Игнату Степановичу не всегда давали людей для ухода за лесопосадками, и они зарастали сорняками. Легом в колхоз явилась высокого роста девушка-комсомолка Надя Рамзаева, только что окончившая Саратовский сельскохозяйственный институт по отделению ле-

В сельском хозяйстве и в лесном деле очень важно полнотыство кадров. Деминская МТС, в частности, потому и выдвинулась в число передовых, что работники здесь находятся на своих местах подолгу. П. З. Гвоздиков, в прошлом председатель правления одного местного колхоза, состоит директором МТС двенадцать лет, старший механик С. С. Андреев — более пятнадцати лет. Бригады тракторных бригад обслуживают одни и те же участки по десятку лет. Трактористы, вернувшись с фронта, потребовали машины, которые были у них до ухода в армию. В Деминской МТС, за все время ее деятельности, не списан еще ни один трактор.

всей округи своими глазами поглядеть на их нововведения.

В колхозах Деминской МТС ныне занято лесными полосами более четырехсот гектаров. Молодые лесочки — с березой, дубом, вязом, кленом — поднялись над степью на пять-шесть метров в высоту.

Опыт деминцев наглядно доказывает, как велик эффект от насаждений даже в том случае, когда защитные полосы еще не развились в полную мощь. В очень засушливом 1946 году ячмень в колхозе имени Кагановича под защитой лесных полос дал шесть центнеров с гектара, а в открытой степи — чуть более трех центнеров; в колхозе имени XVII партсъезда яровая пшеница под лесной защитой принесла по восьми центнеров, а в открытой степи — четыре центнера. В 1948 году, тоже изрядно засушливом для Поволжья, хорошо облесенные колхозы Деминский, имени Чапаева, имени Ленина, «Красный путиловец», имени Кагановича получили на своих полях урожай в два с половиной раза больший, чем соседние колхозы, не имеющие лесных полос.

По мере «возмужания» лесонасаждений эффект от них будет все большим. Это и не может быть иначе. Пшеница, растущая в степи за участками подсолнечника, заметно меньше обжигается суховеями, а семенники люцерны лучше себя чувствуют, когда они внутри ржаного массива. Если защитное значение имеют стебли подсолнечника и ржи, то сколь очевидна благотворная роль высоких деревьев, особенно когда они сомкнутся кронами, когда на переднем плане каждой полосы разрастутся кустарники. Горячий ветер, ударившись в лесную полосу, отражается кверху и, перескочив лесную преграду, снова набирает иссушающую силу уже далеко за ней. Кроме того, за зиму у лесных полос наметаются сугробы снега. Под деревьями снег тает весной медленнее, и вода обильней промачивает почву.

Дело, однако, не только в лесных полосах, а во всем комплексе травополья.

Колхоз Деминский за последние восемь лет повысил урожайность своих полей почти на четыре центнера с гектара, по сравнению с тем, что было до введения травяных полей.

За этими цифрами встает иная экономика земледельческого труда. Раньше, при переложной системе, земля пахалась и засеивалась несколько лет подряд, а затем ее оставляли отдыхать на целое десятилетие. Теперь, чтобы восстановить структуру «утомленной» почвы, деминцы сеют люцерну с житняком, и плодородие восстанавливается в два три года. Это и есть по-настоящему хозяйское использование земельных угодий. К тому же травопольный севооборот — кормовая база животноводства: пастбища, сочные корма, сено.

В тот день, когда по радио был пе-



В очень засушливом 1946 году ячмень в колхозе имени Кагановича под защитой лесных полос дал шесть центнеров с гектара.

сомелиорации. Она сразу нашла выход. Увидев ребятшек, собиравших в поле бурьян для коров, Надя позвала их:

— Пойдемте, я покажу, где много травы.

Ребята с охотой работали по очистке лесной полосы все лето. Молодые лесонасаждения были спасены детскими руками. Теперь же, когда та первая полоса выше всех поднялась над деминскими полями и издали привлекает взор своей густой зеленью, эти молодые люди, — а им уже за двадцать лет, — с полным основанием испытывают «соавторскую» гордость: это их лесочки. А Надя, приехавшая тогда из Саратова на короткий срок первой практики, и до наших дней работает в том же районе. Ныне это многоопытный инженер-агролесомелиоратор Надежда Александровна Рамзаева, за достижения деминцев в получении высоких урожаев награжденная орденом Трудового Красного Знамени

2

Деминская земля расположена в северо-западной части Сталинградской области на степном черноземе.

Случается, что здесь не выпадают майские дожди, и тогда поля забиваются сорняками: осот и вьюнок, как усовершенствованные насосы, выкачивают из почвы последнюю влагу. А если и вырастают тучные нивы, их нередко сжигают суховеи.

В дореволюционное время труд крестьянина сводился на-нет. Как бороться со стихией, если ее невзгоды обрели силу закона?

Борьба за устойчивые урожаи стала возможной лишь при колхозном строе. Следуя призыву партии и правительства, деминцы более десяти лет назад начали проводить агромероприятия, которые должны стать обязательными для всего нашего европейского юго-востока. На колхозных полях введены травопольные севообороты, поля обсажены лесными полосами. К деминцам едут люди со

редан текст исторического решения о борьбе с засухой, в Деминскую МТС тотчас съехались представители четырнадцати колхозов. С радостью и гордостью, с праздничным ликованием встретили деминцы величайший план нашей эпохи.

— Колхозы нашего района, — говорили выступавшие на митинге, — должны стать передовыми в деле претворения сталинского плана преобразования земли.

Деминцы имеют основание лелеять такую мечту. Но и для них ближайшие годы будут великой преобразовательной страдой.

Герой Социалистического Труда И. Д. Гусев сказал об этом так:

— Мы лишь открыли семафор для продвижения культуры социалистического земледелия. А теперь скажем сами себе: в добрый путь!

3

На экранах Союза демонстрируется кинокартина «Агроном Сергеев». Это волнующий фильм о передовом агрономе, всю жизнь посвятившем делу преобразования природы в степи.

Перед зрителями плотный, среднего роста человек, с умным, проникновенным взглядом. На голове чуть приметная сединка.

Герой Социалистического Труда Павел Никанорович Сергеев — главный агроном Ново-Анненского района, в который и входит прославленная Деминская МТС.

Двадцать семь лет назад, тогда еще совсем юный, начал здесь борьбу с засухой Павел Никанорович. То, чему научила его советская школа, ему не терпелось поскорее претворить в жизнь. И вот уже двадцать лет он на посту главного районного агронома — бесменно на одном и том же месте. То, что когда-то волновало его молодые мечты, ныне предстало наяву, и сам он — знатный на всю страну человек.

Ему в первую очередь деминцы обязаны своей всеобщей известностью. Это он вел их по пути повышения культуры земледелия изо дня в день, с упорной настойчивостью вкладывая в любимое дело всю страсть большевистского сердца.

Настоящий советский агроном. Большой агроном. Один колхозный бригадир, просмотрев кинокартину, сказал:

— Смолоду Павел Никанорович зарабатывал себе честь, а вот теперь... слава!

Недавно мы побывали у П. Н. Сергеева. Известно, для работников сельского хозяйства зима — передышка. Но в кабинете главного агронома и в эти зимние дни, как в военном штабе перед генеральным наступлением.

На стенах, на столах — карты, схемы, диаграммы. Все тридцать девять колхозов района по очереди проходят через кабинет-штаб с своими оперативными планами.



...травопольный севооборот — кормовая база животноводства: пастбища, сочные корма, сено.

Павел Никанорович за большим столом. Справа и слева от него районные команды сельского хозяйства — агрономы МТС, зоотехник, агролесомелиоратор, землеустроитель, техник-гидролог. Каждый колхоз выкладывает на стол свои карты и схемы с цветными обозначениями полей и севооборотов, уже существующих и будущих лесных полос, водоемов и прудов. Докладов, долгих пояснений не требуется. Для самого Павла Никаноровича достаточно белого взгляда на схему, чтобы ясно представить себе полевую географию данного колхоза. Он хорошо знает историю всех полей своего района, каждый овражек и балку, как отлично знает и людей, выросших в колхозных деятелей на его глазах.

Районный перспективный план уже сверстан. Смысл его — в кратчайший срок завершить внедрение травопольной системы во всем районе. Не в десять-пятнадцать лет, а в два-три года все поля будут окаймлены лесными полосами и освоены полевые севообороты, а к 1955 году будет закончено облесение оврагов, балок и прудов.

План предусматривает огромный объем работ по обводнению и орошению. Уже давно в Ново-Анненском районе придают этому первостепенное значение. В прошлые годы

было сооружено много запруд для сбора «шальной» воды, во многих колхозах имелись орошаемые участки, но во время войны все это было заброшено. А ведь картофель при орошении увеличивает урожайность в шесть-восемь раз, пшеница — вдвое и втрое.

В типичном степном колхозе имени М. Горького есть пруд, по берегам его десять гектаров занято под овощи. Колхоз не только выполняет государственные поставки овощами, не только обеспечивает общественное питание, но излишки продает на сторону.

Отныне каждый колхоз района будет иметь орошаемый участок: в пойме Бузулука у речной воды, в степи у прудов. Орошаемые участки — это гарантия успеха.

Само собою разумеется, на пути осуществления грандиозного плана встречаются препятствия. Но у новоанненцев большой опыт, смелая инициатива; они считают, что препятствия для того и бывают, чтобы их преодолевать.

Потребуется огромное количество посадочного материала для лесных полос — это первое «узкое место». Новоанненцы закладывают свои лесопитомники при каждом колхозе. Этой осенью молодежь уже собрала в пойме Бузулука много желудей.

Второе узкое место — механизация



— Колхозы нашего района, — говорили выступавшие на митинге, — должны стать передовыми в деле претворения сталинского плана преобразования земли.

ция. Новоанненцы сами готовят лесопосадочные машины в мастерских МТС и в колхозных кузницах. В каждом колхозе запланирована своя семенная база трав. Почетный ход дается люцерне, ей — лучшие земли, орошение.

Лесные насаждения надо зорко охранять от потрав и поломок. Комсомольцы ведут среди населения неустанную разъяснительную работу. А райисполком разработал обязательное постановление: виновные в злой порче насаждений подлежат серьезным взысканиям. Это правильная инициатива. У нас есть комитеты по охране памятников старины, имеются разного рода заказники и заповедники. Но этого мало. В заботах о новой, коммунистической жизни мы имеем право быть суровыми по отношению к тому, кто не помогает расцвету природы, а вредит, кто не уважает народного труда.

4

Побывав в деминских колхозах, представляешь себе, как неузнаваемо преобразит обожженная ветрами степь свой внешний облик завтра, когда все поля оденутся в зеленую одежду веселых лесочков, когда от Урала до Каспия и от центра страны до Эльбруса встанут мощные лесные заслоны.

Советский Союз — самая лесистая страна в мире. Но помещики и капиталисты вырубали леса по берегам близких рек, уничтожали то, что было под рукой.

Герой пьесы Чехова с возмущением восклицал: «Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым годом земля становится все беднее и безобразнее».

Накануне революции в нашей стране почти исчезли костромские леса, в свое время описанные Мельниковым-Печерским как непроходимые, сильно поределели леса муромские и брянские, в которых хаживал Илья Муромец, не стало замечательных дубрав между Волгой и Доном.

Советская власть спасла леса нашей страны, нашу гордость. Мы заготавливаем значительно больше древесины, чем до революции, однако это не отражается на ее общих запасах. Мы идем с передовой лесозаго-

товительной техникой на Север, в Сибирь, на Дальний Восток.

Там, где леса регулируют водный баланс, где они защищают поля от губительных ветров или служат зелеными зонами вокруг промышленных центров, рубка строго запрещена.

И вот теперь мы насаждаем леса в оголенных степях. Сто двадцать миллионов гектаров плодородной земли получают надежную защиту от стихийных бедствий. «Лес в степи—



В типичном степном колхозе имени М. Горького есть пруд, по берегам его 10 гектаров занято под овощи.

это счастье», — сказал академик Т. Д. Лысенко. Да, это счастье, которое стало достижимым только после победы социализма, когда люди, по выражению Энгельса, впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы.

Степь разбужена для новой большой жизни. Герои нашего времени не тоскуют по красоте жизни, а делают эту красоту своими руками. Если бы в нашей стране продолжали хозяйствовать капиталисты, то через двести-триста лет Украина, Дон, Кубань, Поволжье — этот крупнейший массив плодороднейшей земли — превратились бы в пустыню как в пустыню превратилась Месопотамия, некогда богатая земледельческая страна.

За ближайшие две-три пятилетки в степных и лесостепных районах Евро-

пейской части Союза будет выращен новый лес на площади в шесть миллионов гектаров. И главной лесосозидательной силой будет наша советская молодежь. Сталинградские комсомольцы уже объявили, что насаждение государственной лесной полосы от Камышина до Сталинграда они берут на себя.

Шутка сказать—шесть миллионов гектаров искусственного леса! Если новые лесопосадки вытянуть в одну линию шириною в двадцать метров, то длина ее будет равна двум миллионам километров. Зеленой полосой можно пятьдесят раз опоясать земной шар. Это романтически масштабно.

Давно передовые русские ученые мечтали о единоборстве со стихией, но она неутомимо наносила неисчислимый ущерб сельскому хозяйству. И вот теперь мы являемся счастливыми современниками такого исполненного плана окончательной победы над засухой, какого не знала история человечества. Никогда человек не дерзал вносить в природу такие перемены. Это одно из величайших чудес социализма.

Несколько лет назад некий американский профессор совершил деловое путешествие по советским республикам Средней Азии в поисках трав и кустарников, пригодных для закрепления почв и песков в Соединенных Штатах, где из-за хищнического отношения к земле происходит в наше время катастрофический упадок плодородия. Этот прогрессивный ученый (на последних президентских выборах он выступал за кандидатуру Уоллеса) с горечью жаловался на невозможность проведения в условиях розни капиталистических интересов каких-либо общих плановых мер. Он завидовал, в частности, успехам нашей борьбы с песками в Каракумах. Как же этот честный американец завидует нам теперь, когда преобразуется лицо советской земли на громадной территории, равной по своим размерам многим европейским государствам, вместе взятым!

В нашей стране, идущей к коммунизму, с каждым годом земля становится богаче и прекрасней. Деминский звеньевой Игнат Степанович Краснов сказал нам:

— Эх, пожить бы подольше.. поглядеть на степные чудеса!





Ю. ДАВЫДОВ

Рис. П. Я. Павлинова

Солнцем нашей поэзии, нашей народной славой назвали Александра Сергеевича Пушкина еще современники. И поныне остался Пушкин нашей народной славой, солнцем нашей поэзии.

В июне 1949 года вся Советская страна будет праздновать 150-летие со дня рождения великого певца земли русской. С признательностью вспомним мы тогда и тех, кто был ему близок и дорог. На жизненном пути Пушкина встречалось немало людей, с которыми у поэта завязались дружеские отношения. Но с особой теплотой, с особой сердечностью относился он к тем, с кем встречался в юности. Среди первых друзей его мы встречаем имя Федора Матюшкина — мореплавателя и путешественника, человека верного сердца и благородной души.

Осенью 1825 года Александр Сергеевич Пушкин написал стихотворение «19 октября». Он помянул в нем тех, кого любил всю жизнь. В «19 октября» есть такие строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полупочных морей?
Счастливым пути!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!
Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечтались тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младай душе носил
И повторял: на долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!

В глуши изгнания великому поэту рисовался могучий океанский простор, белокрылый парусник и на его борту далекий друг — Федор Матюшкин.

У Матюшкина действительно была «блуждающая судьба»...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Впервые он увидел Петербург в 1811 году. Некоторое время Федор прожил с приятелями, тоже приехавшими из Москвы, в номерах Демутсвой гостиницы. Из окон виднелась черная вода Мойки, каменные стены домов и мутное петербургское небо. В коридорах сновали горничные, и сумрачные камердинеры неторопливо чистили господское платье.

В Демуговом трактире жил тогда же поэт Василий Львович Пушкин и с ним курчавый мальчуган — племянник Александр. Дядя привез его в «лицею».

19 октября 1811 года в Царском Селе состоялось торжественное открытие нового учебного заведения. Этой датой в жизни Федора Матюшкина начинаются годы, о которых он с любовью и нежностью будет вспоминать до гробовой доски. Здесь, в лицее, возникли и укрепились дружеские связи его с Пушкиным, Вальховским, Пушиным, Кюхельбекером, Яковлевым и другими участниками «прекрасного союза», не раз прославленного лирой великого русского поэта.

Лицейсты, явившиеся в Царское Село почти мальчиками, оторванные от домашнего круга на целых шесть лет, расцветавшие под сенью царскосельских садов, сделались (конечно, далеко не все) закадычными друзьями. Память о лицее сохранили они на всю жизнь, а предания и легенды о первом пушкинском курсе были священны для последующих поколений лицестов.

История знает немало примеров, когда в лучах славы одного тонули другие. Наоборот, многих лицестов спасла от забвения слава Пушкина. Многие из них вряд ли вспомнили бы впоследствии, если бы они не появились в созвездии, где звездой первой величины сверкал поэт. Конечно, учились на первом курсе и юноши, ставшие заметными деятелями (Пушин, Кюхельбекер — среди декабристов, Горчаков — в дипломатии, Дельвиг — в литературе, Матюшкин — во флоте), но все же имена их не озарились бы для потомства столь привлекательным светом, если б не дружба их с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Жизнь лицейская была привольной. Однокашник Матюшкина Алексей Илличевский так описывал ее петербургскому приятелю Павлу Фуссу:

«...Учимся в день только 7 часов, и то с переменами, которые по часу прерываются; на местах никогда не сидим; кто хочет гуляет; уроки, сказать правду, не весьма велики; ...у нас по крайней мере царствует... свобода (а свобода дело золотое)».

Ежели в письме Илличевского есть некоторая доля мальчишеского хвастовства перед столичным гимназистом, то есть и изрядная доля истины. Лицей в первый период своего существования не отличался строгой дисциплиной. Примечательно, однако, иное: преподававшиеся лицеистам науки — от литературы и эстетики до статистики и финансового права — были пропитаны кригикой деспотизма и крепостничества.

Федя Матюшкин, судя по отзывам воспитателей, был учеником внимательным и усердным. Свободолюбец и философ, профессор политических наук Куницын так характеризует Матюшкина: «Понятен и прилежен, занимается науками с рассуждением. Успехи его становятся время от времени приметнее. В течение прошлого (1814. — Ю. Д.) года он превзошел многих из своих сверстников...» Губернер Пилецкий отмечал: «...весьма благонаравен, при всей пылкости вежлив, искренен, добродушен, чувствителен; иногда гневен, но без грубости». А учитель словесности Кошанский, как сие ни курьезно, считал по степени успехов в русском языке Федора Матюшкина пятнадцатым, а Александра Пушкина — шестнадцатым! И только добродушный старик де Будри, брат знаменитого Марата, хотя и хвалил Матюшкина за любознательность, указывал, что он очень отстал в иностранных языках.

Директор Малиновский приглашал по вечерам нескольких лицеистов к себе. Его дочь Анна поила гостей чаем, а они слушали рассказы директора об Англии и о Турции, где Малиновский когда-то бывал. Чаще других навещались к нему Пушин, Матюшкин, Вальховский. Он любил их,

Под присмотром воспитателей лицейские юнцы, одетые в однобортные темносиние мундиры с красными стоячими воротниками, гуляли в пышных садах Царского Села.

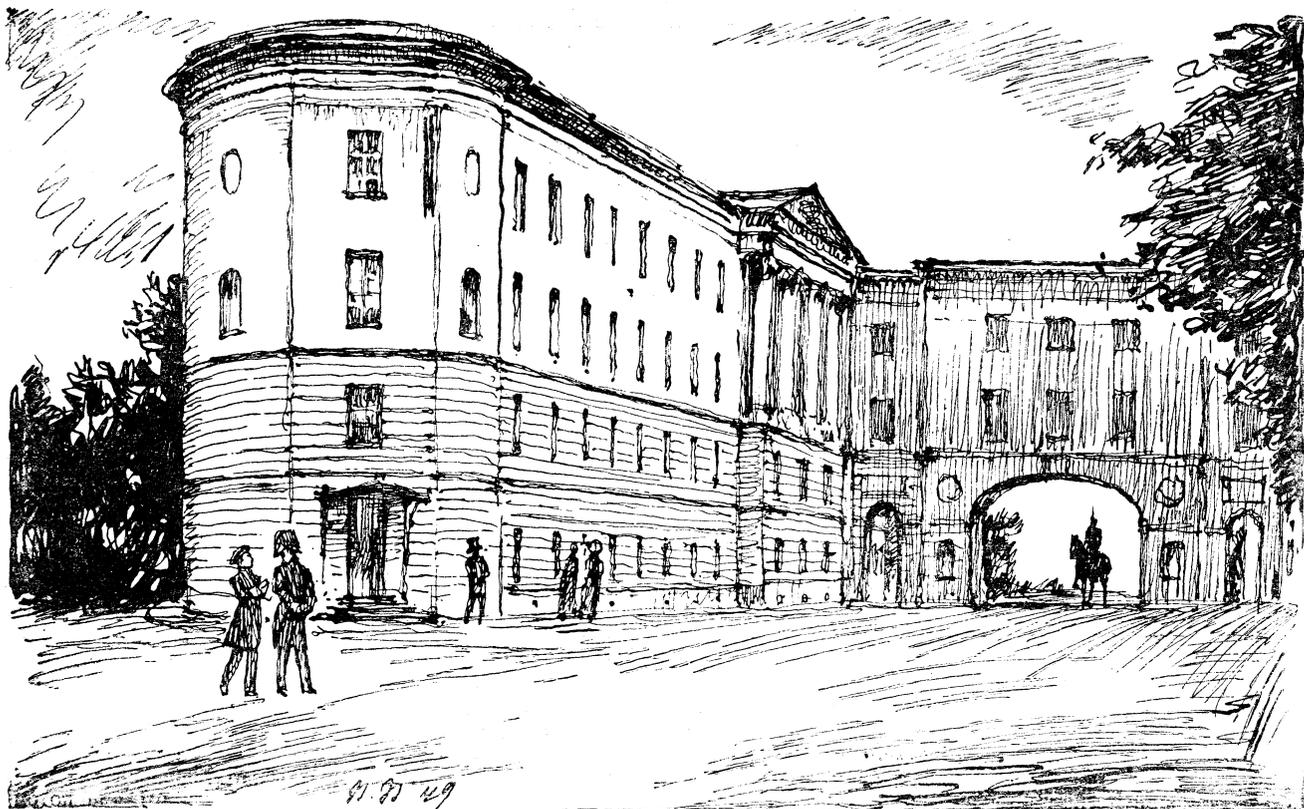
Царскоесельский парк таил в своих кущах немало привлекательного. Были там уголки, где пахло морем и тайной. Кто поручится, что Федя Матюшкин, наслушавшись Малиновского, не убежал помечтать в красное кирпичное зданье, стоявшее на берегу озера? Звалось оно Адмиралтейством, и построили его архитекторы Нееловы — отец и сын. Был там каменный шлюпочный сарай. В сарае отдавало старой пенькой и краской. Прислонившись к подпоркам, стояла здесь модель 70-пушечного корабля «Лейпциг», пирога островитян Южного океана, турецкий каюк, алеутская байдарка, венецианская гондола и индийский челнок.

Не засиживался ли Федор и в низеньком матросском домике, выстроенном еще при Екатерине II? Жили в том домике матросы, присматривавшие за прудовыми ботами и лодками Моряки, верно, были ветеранами и охотно поминали далекие и долгие годы странствий, любили поговорить о бурях и штормах, о низких тучах и громыханье гроз в чужих широтах.

Посреди царскоесельского озера стоял суровый памятник. Пятнадцатилетний Пушкин писал о нем в стихотворении, которое старик Державин слушал на лицейском экзамене:

Он видит: окружен волнами,
Над твердой мшистою скалой
Вознесся памятник, Ширясь крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвилась;
Кругом подножия, шутя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

Когда озеро замерзло, можно было подойти к памятнику вплотную и прочесть на медной, позеленевшей от времени доске длинную надпись. Многословно вещала она о графе Орлове и полуострове Морее, о капитане Долгоруком и Аркадии, о бригадире Ганнибале и



Здесь, в лицее, возникли и укрепились дружеские связи его с Пушкиным, Вальховским, Пушиным, Кюхельбекером, Яковлевым...



Посреди царскоевского озера стоял памятник.

крепости Наварин. Памятник был сооружен в честь победы одержанной некогда русским флотом у берегов Средиземноморья.

Думал ли Федя Матюшкин, что спустя много лет его корабль покажется у тех же скалистых берегов!

Над памятником плыли низкие тучи, и ветер шумел в деревьях парка.

Лето в Царском Селе проходило незаметно. «Описать ли тебе, как я провожу время?» — спрашивал Илларионович Павла Фусса. И отвечал: «Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. И у нас есть вечерние гулянья, в саду музыка и песни, иногда театры... Но осень на нас не на шутку поглядывает. Эта дама так сварлива, что с нею никто почти ужиться не может. Все запрется в дому, разведется — в столицу или кто куда хочет; а мы, постоянные жители Села, живи с нею. Чем убить такое скучное время? Вот тут-то поневоле призовешь к себе науки».

Осенью лицеисты чаще появлялись в галлерее, соединявшей их флигель с фрейлинским. В галлерее была библиотека. Тяжелыми рядами тянулись в дубовых шкапах книги, большей частью географические.

Записки о путешествиях стали в начале XIX века одним из самых распространенных жанров сентиментальной литературы. Следом за карамзинскими «Письмами русского путешественника» появляются «Путешествие в полуденную Россию» Измайлова, «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии» и «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» Сумарокова, «Письма из Лондона» Макарова, «Путешествие в Малороссию» Шаликова. Русская морская библиотека обогащается отчетами о первом кругосветном плавании «россиян», составленными Крузенштерном и Лисянским. Журналы пестрят статьями о мореходах и землепроходцах.

Матюшкин зачитывался этими книгами. Он в своем увлечении не был одинок. Лицейст Пущин не только читал литературу подобного рода, но даже сделал перевод из Лафатера «О путешественниках» и опублико-

вал его в измайловском «Вестнике Европы». Есть свидетельства, что Пушкин в юные лета тоже любил повествования о путешествиях. Пушкинист Грот утверждает даже, что Матюшкин своей страстью к морю обязан поэту. Правда, это утверждение литературоведа кажется нам преувеличенным. Но можно смело предпочесть, что Матюшкин делился с Пушкиным своими мечтами, а последний ярче и сочнее его одухотворял воображением своим обстоятельные и точные страницы географических описаний.

Несмотря на разительную несхожесть характеров, будущего великого поэта и будущего мореплавателя связывала уже в мальчишеские годы сердечная дружба. Непоседливому и резкому, раздражительному и насмешливому Пушкину нравился усидчивый и застенчивый, спокойный и благожелательный Матюшкин.

Вообще же среди лицейских у Пушкина было мало друзей. Александра недолюбливали. «Ему не хватало того, что называется тактом, — объясняет Пущин — это — капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено почти невозможно, при совершенно бесцеремонном обращении, уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни».

Немногие умели распознать истинную натуру Пушкина. Только некоторые — Дельвиг, Пущин, Матюшкин, Вальховский и Яковлев лучше других понимали его, простили ему резкости, и он отзывался на то благодарно и нежно.

Но дело было не только в сердечной склонности этих молодых людей: слагавшиеся в лицее идейные воззрения Пушкина и его ближайших друзей резко расходились со взглядами консервативно настроенных лицейцев.

В комнате Матюшкина допоздна горел свет. Он читал, пока дежурный дядька не задувал свечу. Над дверью его кельи висела черная дощечка с надписью: «№ 12. Федор Матюшкин». За стеной жил Иван Пущин, а через комнату, над такой же точно дверью висела другая черная дощечка: «№ 14. Александр Пушкин». И эту дверь толкал дежурный дядька, и в этой комнате видел он склоненную голову: Пушкин грыз перо и терзался в порывах вдохновения.

В лицее многие увлекались сочинительством. Издавались даже рукописные журналы. Журналов было несколько: «Неопытное перо», «Пловцы», «Вестник», «Лицейский мудрец». Последний журнал долгое время считался утешительным. Полагали, что он пропал с бумагами Корсакова, лицеиста первого курса, умершего в Италии. Впоследствии оказалось, что «Лицейский мудрец» сохранился в архиве Матюшкина.

На страницах «Лицейского мудреца» помещались «Национальные песни». Их сочиняли сообща. Матюшкин стихов не слагал, но в одну из «национальных песен» внес несколько своих строк:

Но кто немецких бредней том
Покроет веной пылью?
Пилецкий, пастырь лучи с крестом,
Иконников с бутылкой!

«Немецкие бредни» — намек на героя песни профессора немецкой литературы, австрийца Гавэншильда. Когда весной 1814 года умер директор лицея Малиновский, Гавэншильд сумел подольститься к министру Разумовскому и временно возглавлял учебное заведение. Воспитанники не любили австрийца.

«Национальная песня», из которой мы привели матюшкинский куплет, пелась в лицее без стеснения. «Первые четыре стиха, — как писал впоследствии лицеист Модест Корф, — пелись *adagio* и *sotto voce*; потом темп ускорялся, а с ним возвышались и голоса, которые, наконец, перешли в совершенно бурю». Так лицеисты издевались над неугодным им профессором.

Большой известностью среди пушкинистов пользуется «матюшкинская тетрадь». Правда сохранилась только ее вторая часть, в которой характерным для Матюшкина угловатым почерком переписаны три-

1 Пилецкий и Иконников — воспитатели.

дцать четыре произведения лицейских стихотворцев. Перу Пушкина принадлежит «Красавице, которая нюхала табак», «Послание к Наталье», «Князю А. М. Горчакову», «Друзьям» и другие. В ту же тетрадь Матюшкин переписал пророческое стихотворение Дельвига на смерть Державина, в котором автор предвещает семнадцатилетнему Александру Пушкину лавры великого русского поэта.

Гроза 1812 года сильно отразилась на лицеистах пушкинского времени. Перед шаловливыми юнцами встала неотступная дума — Россия, родина, 1812 год ворвался в их сознание пожаром Смоленска, горькими вестями об отступлении армии, тревогой газетных листов.

Мимо Царского Села проходили войска. С завистью смотрели лицеисты вслед тем, кто шел на бой. И каждый

Душой торжественной за братьями летел...

«Началось с того,—говорит в «Записках о Пушкине» Иван Иванович Пущин, — что мы провожали все гвардейские полки... Мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечной молитвой, обнимались с родными и знакомыми; усадые гренадеры из рядов благословляли нас... Не одна слеза тут пролила!»

Потом до них докатился грохот Бородина. Бледный Малиновский взошел на кафедру и глухим от волнения голосом прочел реляцию о бородинской победе.

Пожар Москвы потряс их:

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?

И, наконец, — благовестом наступление Кутузова!

Сразились. Русской — победитель!
И всячь бежит надменный галл...

Наступило время побед и ликований. Лицеисты жили реляциями и политикой. «Газетная комната, — вспоминал Пущин, — никогда не была пуста, в часы свободные от классов читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях».

Огонь двенадцатого года озарил их отрочество и заставил думать о многом, о чем не помыслилось бы, не будь войны. Они увидели Россию в новом свете: торжествующую победу, несущую освобождение европейским народам от оккупационного режима Наполеона Бонапарта. Гордость за свою родину, за свой народ наполнила их сердца. И когда Алексей Илличевский писал Павлу Фуссу — «последняя война доставила ему (русскому народу. — Ю. Д.) много славы, и я уверен, что иностранцы, разуверившиеся, что мы варвары, разуверятся так же и в том, что наш язык — варварский; давно пора этому!» — то он, Илличевский, выражал мысль общую лицеистам.

В январе 1816 года на должность директора Царского лицея был назначен Егор Антонович Энгельгардт. В марте он приступил к исполнению директорских обязанностей.

Энгельгардт был человеком образованным, сердечным, гуманным. Обладая большим педагогическим тактом, он сумел быстро завоевать симпатии воспитанников. Со многими из них Егор Антонович навсегда сохранил дружеские отношения. Он вел обширную переписку со своими питомцами, и его письма, составляющие большую коллекцию, дали исследователям обильный материал для изучения пушкинского окружения.

Наиболее сердечные и близкие отношения установились у нового директора с Федором Матюшкиным. Квартира Энгельгардта в Царском Селе была для Матюшкина отчим домом. Там он провел не один час, с жадностью слушая рассказы Егора Антоновича.

Энгельгардт увлекался географией и путешествиями, собирал коллекцию русских видов, был коротко знаком со многими мореплавателями. Крузенштерн и Головин слыли его добрыми приятелями. Он много читал, много знал, был в курсе всех новшеств, связанных с открытиями и дальними вояжами. Внимание Матюшкина ему нравилось. Скромный юноша, наделенный живым умом и пылким воображением, слушал его, широко открыв темные задумчивые глаза.

Наступила весна семнадцатого года, последняя весна, проведенная Матюшкиным в лицее.

Май ознаменовался выпускными экзаменами. Близилось прощание с Царским Селом. «Разлука с товарищеской семьей была тяжела, — рассказывает Иван Иванович Пущин, — хотя ею должна была начаться всегда желанная эпоха жизни, с заманчивою, незнакомою далью. Кто не спешил, в тогдашние наши годы, соскочить со школьной скамьи; но наша скамья была так заветно приветлива, что невольно, даже при мысли о наступающей свободе, оглядывались, мы на нее. Время проходило в мечтах, прощаньях и обетах, сердце дробилося!»

В эти дни Энгельгардт хлопотал о Матюшкине. Василий Михайлович Головин собирался в кругосветное плавание. Федор мечтал участвовать в нем и молил Егора Антоновича о протекции. Исполнить просьбу Матюшкина было нелегко. Моряков, желающих отправиться в столь интересное плавание, было, конечно, предостаточно. И они имели на то более оснований, чем Матюшкин, заканчивающий гражданское учебное заведение. Но Энгельгардт хлопотал.

9 июня состоялся выпускной акт. Он не был похож на торжественное открытие лицей. Лицеисты собрались в том же зале, где шесть лет назад стояли мальчиками посреди блестящей толпы великосветских гостей. Теперь их посетили двое: император Александр I и министр народного просвещения Голицын.

Директор прочитал отчет о шестилетнем обучении. Кунцын объявил постановление о выпуске. Воспитанников одного за другим представили Александру.

Во внутренних комнатах был полнейший беспорядок, как бывает в квартире, когда хозяева готовятся съехать навсегда. Птенцы оперились и вот-вот должны были разлететься.

Итак, они прошли — лета соединяя;
Итак, разорван он — наш братский верный круг!

Обнявшись, брели они тенистыми аллеями старого парка, грустно глядели на знакомые пруды и мраморных



Пушкину нравился усидчивый и застенчивый, спокойный и благожелательный Матюшкин.

дев. В Царском Селе раздалась песня, сочиненная Антоном Дельвигом:

Шесть лет промчались, как мечтанье,
В объятиях сладкой тишины,
И уж отчества признанье
Гремит нам: шестуйте, сыны!
Простимся, братья! Рука в руку!
Обнимемся последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, породила нас.

На следующий день после выпуска Федор Матюшкин сообщил московскому приятелю Сергею Сазоновичу: «...Директор наш Е. А. Энгельгардт, о котором я писал тебе уже несколько раз, обещал доставить мне случай сделать морское путешествие. Капитан Головин от-



Наиболее сердечные и близкие отношения установились у нового директора с Федором Матюшкиным.

правляется на фрегате «Камчатка» в свое второе путешествие кругом света, и я надеюсь, почти уверен, идти с ним. Наконец мечтанья мои быть в море исполняются. Дай бог, чтобы ты был так же счастлив, как я теперь. Одною мне недостает — товарищей: все оставили Царское Село, исключая меня; я, как сирота, живу у Егора Антоновича. Но ласки, благодеяния сего человека, день ото дня, час от часу, меня более к нему призывают: он мне второй отец. Не прежде как получу известие о моем счастье (ты меня понимаешь), не прежде я оставлю Царское. Шестилетняя привычка здесь жить делает разлуку с ним весьма трудною. Прощай, любезный Сазонович, до радостного свидания...»

Томительно идут дни в притихшем лицее. Решения Головина все еще нет. И снова Федор берется за перо, делясь своими мыслями и чувствами с москвичом:

«...Теперь я хожу один, задумываюсь, мечтаю. Каждое дерево, каждая беседка рождает тысячу воспоминаний счастливого времени, проведенного в лицее».

Наконец сбылось: Головин позволяет Матюшкину присутствовать ему на борту «Камчатки». Федор решает ехать в Москву обнять на прощанье матушку (отца у

него давно уже не было, он умер, когда Федор был еще совсем маленьким). Матюшкин побывал в Петербурге, достал подорожную, отпускную бумагу и собрался в путь.

Федор начал было тогда свой дневник, который, как говорит предание, он собирался вести по совету и плану Александра Сергеевича Пушкина. К сожалению, записи его оборвались описанием первых дорожных впечатлений. Федор не охот был писать.

После Москвы у него оставались считанные дни до ухода в плавание. Он еще раз побывал в любезном Селе.

В большой алфавитной книге Энгельгардта воспитанники оставляли несколько прощальных слов. Написал их и Матюшкин. Под текстом он изобразил корабль, идущий полным ветром: символ его дум, его чаяний.

Жребий был брошен. Отныне дорога Федора Матюшкина лежала в морях и странствиях.

Вильгельм Кюхельбекер преподнес ему на прощанье стихотворение:

К МАТЮШКИНУ

Скоро, Матюшкин, с тобой разлучит нас шумное море:
Челн окрыленный помчит счастье твое по волнам!
Юные ты племена на брегах отдаленной чужбины,
Дикость узришь, простоту, мужество первых времен;

Но не забудешь друзей! нашей мольбою храним, —
Ты не нарушишь обетов святых, о Матюшкин! в отчизну
Прежнюю к братьям любовь с прежней душой принесешь!

«Челн окрыленный», на котором Матюшкину предстояло впервые отправиться в плавание, был военным шлюпом «Камчатка». Корабль, строенный охтенскими мастерами, величиной своей походил на фрегат и нес на борту двадцать восемь пушек.

Кругосветные плавания были по тем временам предприятиями опасными и тяжелыми. Готовились к ним всегда долго и тщательно. Трюмы «Камчатки» были загружены доотказа. Одних съестных припасов корабль принял более пяти тысяч пудов.

Большинство русских кругосветных плаваний первой половины прошлого века субсидировалось Российско-Американской компанией. Официально компания родилась в 1799 году. Но еще в 60—90-х годах XVIII столетия русские добытчики пушнины часто появлялись на берегах Северной Америки и близлежащих островах. Их влекли сюда соборы, чернобурые лисицы, бобры, котики. Поселения и крепости отважных «проводывателей» возникали там довольно быстро. С их помощью Россия перешагнула Тихий океан, распространив свое влияние далеко за пределы Сибири. Более всего хлопот доставляла компанейским людям транспортировка драгоценной «мягкой рухляди». Вести ее приходилось по нескончаемым сибирским дорогам, пролегавшим в дремучих таежных дебрях. Компания терпела от того немалый убыток, а промышленники испытывали зачастую острую нужду в хлебе, соли, порохе. Улучшить положение мог лишь морской путь — через два океана, вокруг света. Правда, и этот маршрут был не короток, но обходился дешевле.

В 1803 году компания снарядила поход от берегов Балтики к берегам Тихого океана. Тогда ушли в первое русское кругосветное плавание корабли Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского. Открылась эпоха дальних вояжей «россиян». С той поры они совершались почти ежегодно.

Русские военные моряки охотно ходили в кругосветные плавания на компанейских судах. К чести флотских офицеров нужно отнести то, что они рассматривали эти плавания не только и не столько как коммерческие предприятия, а как средство расширить научные, военно-морские и географические познания как возможность воспитать в дальнем и трудном плавании новые кадры военных моряков. Это было разумное и дальновидное устремление лучших людей флота, направленное против политики Аракчеева и французского проходивца — морского министра в российском правитель-

стве — маркиза де Траверсе, стремившихся развалить русские военно-морские силы.

Капитан Головнин так определил задачи, стоявшие перед его экспедицией:

«При назначении сего путешествия, правительство имело три предмета в виду: 1) доставить в Камчатку разные морские и военные снаряды и другие нужные для сей области и для Охотского порта припасы и вещи, которые по отдаленности сих мест невозможно, или крайне трудно, перевезти туда сухим путем; 2) обозреть колонии Российско-американской компании и исследовать поступки ее служителей в отношении к природным жителям областей ею занимаемых и наконец 3) определить географическое положение тех островов и мест российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами...»

Экипаж «Камчатки» состоял из ста тридцати человек. Возглавлял его, как мы уже говорили, капитан 2-го ранга Василий Михайлович Головнин, человек, соединявший в себе ясный ум, твердую волю и богатый морской опыт.

Матюшкину повезло с первых же шагов флотской службы. Находиться под начальством такого офицера, каким был Головнин, значило пройти настоящую школу морской выучки, значило научиться по-настоящему любить море и тяжкий труд морехода. Матюшкин всю жизнь питал к Василию Михайловичу чувство глубокой благодарности, уважения и привязанности.

Внешне Головнин не располагал к себе: суровое лицо, нахмуренный лоб, сжатые губы, серьезный и строгий взгляд. Перед уходом в плавание на «Камчатку» он казался еще более замкнутым и недоступным. Головнину нелегко было на этот раз покидать берег. В Петербурге осталась его невеста, молодая девушка, дочь небогатого тверского помещика, Евдокия Степановна Лутковская. На корабле Головнина отправлялся в плавание ее брат — гардемарин Феопемт Лутковский, ставший впоследствии близким товарищем Федора Матюшкина.

Мы не станем упоминать лейтенантов «Камчатки», ибо ни один из них не занял видного места ни в истории флота, ни в биографии нашего героя. Зато в числе других соплавателей Матюшкина был мичман, которому выпало на долю и то и другое. Им был Фердинанд Петрович Врангель. С нем нам придется еще не раз вспомнить: Федора связали с Врангелем годы последующих крупных путешествий.

Шел на «Камчатку» еще один мичман, также ставший впоследствии знаменитым географом и мореплавателем, — Федор Петрович Литке.

В автобиографических заметках Врангеля опубликованных на немецком языке в Штутгарте в 1940 году, говорится, что на «Камчатке» только двое (исключая, конечно, самого Головнина) вели дневники: он и Литке. Матюшкин, стало быть, наказ лицейского товарища не выполнил.

Толстая врангелевская тетрадь, к сожалению, погибла при пожаре его дома в 1827 году. Бумаги Литке сохранились, но изданы они не были так как после книги Головнина о плавании «Камчатки» мичманские записи не представляли интереса. Зато в своих воспоминаниях, написанных в 1865—1868 годах, Федор Литке оставил несколько довольно любопытных заметок. Вот как характеризовал он капитана Головнина: «В его глазах все были равны... Ни малейшего ни с кем сближения. Всегда и везде командир; steif (непреклонный и недоступный) донельзя... Все его очень боялись, но вместе и уважали, за чувство долга, честность и благородство». И далее о его морских качествах, его правилах морской службы: «Его система была думать только о существе дела, не обращая никакого внимания на наружность (это во времена аракчеевых и вахт-парадов! — Ю. Д.)... Шегольства у нас никакого не было ни в вооружении, ни в работах, но люди знали отлично свое дело, все марсовые были в то же время и рулевыми, меняясь через склянку, и все воротились домой здоровее, чем пошли... Я думаю, что наша «Камчатка» представляла в этом отношении странный контраст не только с позднейшими николаевскими суда-

ми, но даже и с современными своими. После того, что я сказал о характере нашего капитана, излишне упоминать, что на «Камчатке» соблюдалась строгая дисциплина. Капитан первый показывал пример строгого соблюдения своих обязанностей. Ни малейшего послабления ни себе, ни другим. В море он никогда не разведывался. Мне случалось даже на якоре, приходя рано утром за приказаниями, находить его спящим в креслах, в полном одеянии».

Таков был моряк, под командованием которого отправлялись они в дальнее плавание.

15 августа 1817 года корабль вышел из гавани на Кронштадтский рейд.

На шлюпе делались последние приготовления.



«Время проходило в мечтах, прощаниях и обетах, сердце дробилось».

С палубы «Камчатки» оглично был виден угрюмый Кронштадт. Сколько парусов побывало у причалов его! Сколько кораблей взяли отсюда свое «отшество» от берегов отечества! Сколько прощальных слез пролито было на его пристанях и сколько приветственных криков раздалось под его небом!

26 августа, верно, навсегда запомнилось Федору Матюшкину, как запоминается любому моряку то мгновение, когда впервые чувствует он под ногами дрогнувшую палубу и видит первый бурун, закипающий у форштевня его корабля.

Но двадцать шестое число памятно было всем. Ведь то был день Бородина. В славный для России день выбрала «Камчатка» свои якоря и окрылялась парусами. Счастливая примета!

Свежий северо-восточный ветер наполнил паруса шлюпа. Поплыли назад приземистые строения Кронштадта, уменьшились стоящие на рейде корабли, закатотали у деревянных бортов шлюпа волны Финского залива, и уже увязались за кормою «Камчатки» неугомные чайки.

Утонула в волнах каменная баранка Кронштадта. Чуть видной стала массивная башня Толбухина маяка,

где со времен Петра горел, указывая путь мореходам, огонь «великой и высокой».

Дальнее плавание началось.

И вот тогда-то лицейского птенца, вырвавшегося из гнездышка сразу же в неведомый водяной простор, вот тогда-то Федора Матюшкина посетило мелодушие. «Боже! — писал он потом Энгельгардту, поминая первые дни путешествия. — Как мог я решиться оставить друзей, отечество, оставить все дорогое и близкое душе».

А тут еще присгала к коллежскому секретарю мучительнейшая болезнь, хорошо знакомая людям, непривычным к морю. Равномерный размах судна, равномерные взмахи моря, качанье, словно огромных маятников, корабельных мачт — все это кружило голову, вызывало одурь и совершенно лишало аппетита, и все это звалось морской болезнью.

Морской офицер декабрист Д. Завалишин в своих записках отмечает: «Человеку, не моряку, очень тяжело быть на корабле, когда он нисколько не понимает того, что происходит вокруг него, а должен спрашивать о том других».

Матюшкин кое-что все же знал, знал по книжкам да рассказам Малиновского и Энгельгардта. Но ни книга, ни разговоры не могли, конечно, сообщить ему обо всех многочисленных подробностях корабельного быта и корабельной службы.

«Камчатка» меж тем продолжала путь. До 5 сентября над морем стояли туманы. Шлюп шел валко и медленно, осторожно и робко.

Море постепенно, как бы нехотя, открывало перед Матюшкиным свои красоты.

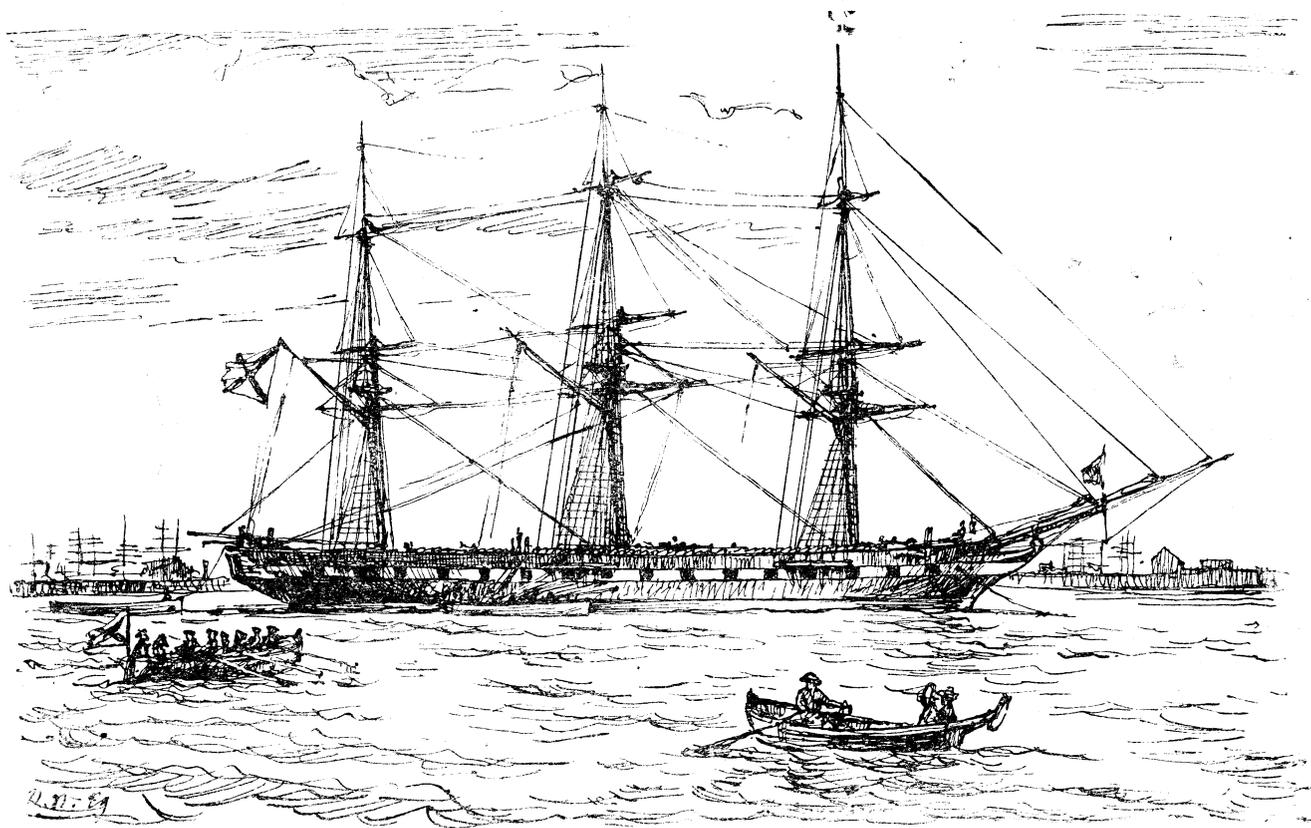
«Камчатка» проходит остров Борнгольм, овеянный сказаниями древних скальдов, знакомый Матюшкину по описаниям чувствительного Карамзина. Он писал лицейскому директору: «Вид его (острова Борнгольм — Ю. Д.)... высокие горы, покрытые зеленью и испещренные деревушками и сельскими увеселительными домиками, лежащими на скате гор, представляют приятное зрелище усталым глазам мореходца, которой утомился

вечным однообразием шумящих волн и туманного неба; чем более мы подвигались к западной оконечности острова, тем природа становилась мрачнее, горы выше и круче, сельские домики исчезали и на вершине горы мы увидели памятник времен рыцарства; гордо возвышались башни разрушившегося замка, кто часто читал Карамзина, тот должен знать историю сего замка... Через несколько часов увидели мы тот остров, где жил преобразователь практической астрономии, один из величайших наблюдателей природы. Здесь Тихобраге занимался в продолжение 15 лет; замок Ураниенбург, построенный для него датским королем, служил ему обсерваторию...»

В начале сентября Матюшкин увидел столицу Дании. Копенгаген был обычным местом якорной стоянки русских кораблей, плывущих к дальним берегам. В Копенгагене опытные скитальцы морей всегда запасались величайшей одеждой, которая была здесь и добротнее и дешевле, чем в Англии. Отсюда же, по обыкновению, русские путешественники отправляли с оказией первую почту на родину. Оказия нашлась и на этот раз: из Копенгагена уходил в Кронштадт фрегат «Поллукс».

Стоянка была недолгой. Головин повел «Камчатку» далее. В ночь на 10 сентября его корабль прибыл в Портсмутскую гавань. При швартовке экипаж был весь на ногах и перед «усталыми глазами мореходца» Федора Матюшкина замерцали огни на пристани портового города. На соседних кораблях время от времени раздавалось хрипкое «All's well!» — «Все в порядке!» — английских вахтенных матросов. Матюшкин был в Англии.

За время стоянки в Портсмуте Головин успел съездить по делам в Лондон, взяв с собою Лутковского и Матюшкина. А так как последний часто читал Карамзина, то и тут он припомнил, вероятно, страницы из «Писем русского путешественника»: «Верст за пять увидели мы Лондон в густом тумане. Купол церкви св. Павла гигантски превышал все другие здания... От-



15 августа 1817 года корабль вышел из гавани на Кронштадтский рейд.

крылось потом и Вестминстерское аббатство». Но столица Великобритании была окутана не только туманом атмосферным, но и липким туманом алчного торгашеского города. И это куда лучше Карамзина подметил русский моряк Юрий Лисянский, побывавший в Лондоне лет за двадцать до Матюшкина. Лисянский записал тогда в своем дневнике: «Народ, с которым мы теперь имеем дело, весьма просвещен в денежных обстоятельствах и к карманному величию имеет безмерную почтительность».

20 сентября отпуска на берег прекратились. После полудня «Камчатка» принимала дополнительный груз: крепко сбитые бочки с ромом и водкою,—припасы, совершенно необходимые в длительном плавании.

Англию оставляли на расвете. Засвистала дудка, боцман Герасим Евдокимов подал команду зычным, как и приличествует боцману, голосом, и матросы принялись выбирать якорь. Они налегли на вымбовки, шпиль пошел скрипя, а «служители» — тогдашнее на-

звание матросов, — топая ногами, хором выкрикивали распространенную в парусном флоте «шпилевую» при- сказку:

Пошел шпиль — давай на шпиль,
Бросай все — пошел на шпиль,
Становися вкруговую,
На вымбовку дубовую,
Грудь упри — марш вперед!
Топай в ногу, давай ход!
Разом встанет якорек,
Знай посвистывай, свисток!

И боцманский свисток посвистывал с переливами, пока не поднялся якорь, принесся со дна гавани какую-то отвратную гниль.

При свежем ветре и ясном небе послушная лодману «Камчатка» вошла в Английский канал. За кормой оставалась Европа. Впереди гремела Атлантика.

«Приветствую тебя, свободный океан!»

(Продолжение следует)

Советскими географами за последнее время сделано много очень ценных находок, связанных с жизнью, деятельностью и открытиями знаменитых русских мореплавателей.

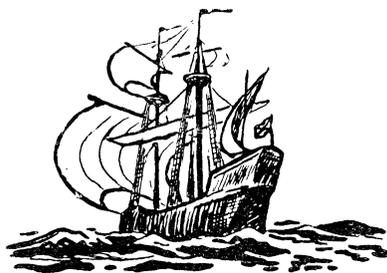
Одной из наиболее важных в ряду этих находок является собрание рукописных карт первых русских кругосветных мореплавателей—Ивана Крузенштерна, Фаддея Беллинсгаузена и их спутников.

Составленные на основе этих карт «Атлас путешествия вокруг света» и «Атлас Южного моря» и раньше были известны географам, но оригиналы их и топографические съемки считались утраченными. Недавно собрание этих карт было обнаружено в Ленинграде действительным членом Всесоюзного географического общества А. И. Дьяконовым. Всего в нем 22 карты крупного масштаба. Все они подписаны или носят собственноручные пометки Крузенштерна и Беллинсгаузена. Среди этих пометок имеются, в частности, предложения дать русские названия вновь открытым экспедицией землям. Так, например, два мыса они предлагали назвать именами Алексея Чирикова и Михаила Кутузова.

Для Всесоюзного географического общества и научных организаций, ведущих вместе с ним работу по восстановлению на картах крупнейших географических открытий русских названий, эта находка представляет особый интерес.

* * *

Найден и впервые стал достоянием географов путевой журнал колымского купца Бережного, достав-



РУССКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

ленный из Якутии в Ленинград. Бережной участвовал в экспедиции знаменитого русского путешественника Врангеля, во время которой была произведена съемка побережья полярных морей. Участвовал Бережной и в поисках неизвестной земли в северо-восточной части Ледовитого океана. Поход был совершен по льду на собачьих упряжках. Записи в свой журнал Бережной заносил ежедневно, начиная с марта 1821 года. Они представляют собой ценный материал по истории исследований Крайнего Севера.

* * *

В Центральном военно-морском архиве обнаружены новые документы, связанные с жизнью и деятельностью одного из руководителей Великой северной экспедиции — путешественника и мореплавателя Алексея Чирикова. В декабре 1948 года исполнилось 200 лет со дня смерти Чирикова. Лейтенант русского фло-

та, он был ближайшим помощником капитана Беринга и главным научным руководителем его обеих экспедиций к берегам Камчатки. Во время первой экспедиции 1725—1728 годов под руководством Чирикова были нанесены на карту Камчатка, Алеутские острова и азиатское побережье Берингова моря. Во время второй экспедиции Беринг и Чириков во главе двух ее отрядов достигли Северной Америки. По смерти Беринга (в декабре 1741 года) Чириков принял на себя руководство экспедицией. На картах Чирикова, подводящих итоги русским открытиям на Тихом океане, впервые нанесены некоторые пункты побережья Северной Америки, до него науке не известные. Эти ценнейшие карты и были найдены в архиве членом-корреспондентом Академии наук СССР А. В. Ефимовым.

* * *

В научной библиотеке Казанского Государственного университета хранятся две рукописи профессора И. М. Симонова, читавшего в университете лекции в начале XIX века. В 1819 — 1821 годах Симонов участвовал в качестве астронома-наблюдателя в первой русской экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева в Антарктику на шлюпах «Восток» и «Мирный». Экспедиция исследовала Южный Ледовитый океан и южную часть Великого океана. Обе рукописи посвящены подробно описанию плавания шлюпов и сделанным экспедицией открытиям. Во второй из них рассказывается также об исследованиях русских мореплавателей времен Петра I и Екатерины II, открывших новые северные и восточные морские пути вокруг Азии и берегов Сибири.



ЗЭ КУРАУ В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

ОТАВИО БРАНДАО

Рис. В. Алфеевского

Отавио Брандао — бразильский писатель и журналист. Он родился в 1896 году в штате Алагоас на северо-востоке Бразилии и является потомком индейцев кабоккло.

В 1914 году О. Брандао начал свою литературную деятельность, опубликовав несколько стихотворений и исследований об истории штата Пернамбуко.

Двадцати лет он совершил большое путешествие по северо-востоку Бразилии. Результатом этого путешествия явилась книга «Каналы и лагуны».

В год, когда в России совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, О. Брандао вступил на путь революционной борьбы.

Позже в городе Рио-де-Жанейро он читает книги Ленина и в 1922 году становится членом коммунистической партии Бразилии. По ее решению в 1925 году он основывает газету «Рабочий класс».

В жестокой борьбе с реакцией О. Брандао в 1928 году побеждает на выборах в муниципальный совет города Рио-де-Жанейро. Трудящиеся избрали его своим депутатом.

За свою революционную деятельность он был пятнадцать раз арестован и в 1931 году выслан из Бразилии вместе с женой и детьми. О. Брандао приехал в Советский Союз. Здесь он участвовал в социалистическом строительстве, помогал советскому народу ковать победу в дни Великой Отечественной войны. Отавио Брандао награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.».

В 1946 году он вернулся на родину. Трудящиеся Рио-де-Жанейро снова избрали его одним из своих депутатов. Но через год реакционное правительство Дутры лишило всех депутатов-коммунистов мандата.

В настоящее время О. Брандао в рядах коммунистической партии, возглавляемой Престесом, продолжает борьбу за мир, свободу и независимость Бразилии, против фашизма и империализма.

Зэ Курау родился на северо-востоке Бразилии, в местечке, затерянном в просторах штата Пернамбуко. Настоящий кабоккло, в чьих жилах смешалось несколько капель крови белого и очень много индейской крови, он был скорее индейцем, чем метисом. Смуглым индейцем, крепким и коренастым.

Его худое лицо, опаленное солнцем, и уверенная поступь говорили о том, что жизнь научила этого человека переносить страдания.

Зэ Курау — погонщик скота. Целый день, одетый в куртку и штаны из кожи, верхом на горячем коне скачет он по необозримым сертаун (внутренние засушливые районы Бразилии), продираясь сквозь колючие заросли и листву, которая рассекает кожу, словно бритва. Немного муки с распадурой (плитки неочищенного сахара) заменяют ему обед.

Он охраняет и растит скот своего сеньора, и каждый четвертый теленок должен итти ему. Но болезни и падеж скота превращают в пыль мечты и надежды Зэ Курау.

Ему двадцать лет, но уже с раннего детства он познал горечь жизни: скот не его, земля не его. Лошадь, на которую он садится, и хижина, в которой он живет, ему не принадлежат. Ему принадлежит только душа его, большая душа кабоккло, верящая в добро, по-детски наивная, временами настороженная, но всегда смелая и непокорная!

Пришла засуха и, действуя заодно с сеньорами, сделала жизнь совершенно невыносимой.

Зэ Курау покинул высокие плоскогорья. Бежал. Ни-

что не удерживало его на этой земле. Он жаждал увидеть мир, побродить по стране и, главное, сделать свою жизнь лучше, избавиться от нищеты и невежества, от гнета помещиков. Он хотел свободы, хотел быть счастливым в своей родной стране.

В Парайбе Зэ Курау поступает работать на маленький сахарный завод.

Как прекрасна природа вокруг, как красивы заросли сахарного тростника! И каким счастливым должен быть человек, трудящийся на такой щедрой земле!

Но заработок на заводе ничтожен. Зэ Курау работает много, но еще быстрее растут долги, которые невозможно уплатить. Из-за них он превращается в полукрепостного. Зэ Курау не может уйти, не уплатив всего, что должен. Он не может даже выбрать себе нового хозяина.

Жизнь тяжела, но у Зэ Курау есть утешение. Смуглянка Амалия очень красива! Как хороши ее черные волосы и как блестят ее темные, полные жизни глаза!

Она работает здесь же, на отжимке сахарного тростника.

Так мало получает Зэ Курау за свою работу, но рядом с подругой жизнь кажется ему песней.

Неподалеку от завода в ромашковых полях мчится река. Цветы повсюду. Кусты жасмина горят золотым огнем. Падают алые лепестки мулунгу, и розовым дождем осыпаются сапукаи¹. Жизнь полна красоты. В воскресный день Амалия и Зэ Курау под дождем из ле-

¹ Мулунгу, сапукаи — названия местных цветов.

пестков, взявшись за руки, идут среди лугов, напоенных ароматом. Жизнь прекрасна...

Зэ Курау размечтался о счастье: он будет много работать, заплатит долги, и они поженятся. В тот день счастье, казалось, было рядом.

Но у хозяйина был сын — Сеу Шикиньо. Ему приглянулась Амалия, а она, счастливая, не замечала, что надвигается беда. Однажды Шикиньо притаился между деревьев. Было тихо, и только река катила ревущие воды. Ничего не подозревая, Амалия шла через лес и пела о своей любви. Слово бешеный тигр, кинулся из засады Шикиньо. Амалия защищалась как могла; наконец, доведенная до отчаянья, она вонзила в грудь Шикиньо нож и бросилась в бурный поток.

Обезумев от горя, Зэ Курау бежит. И снова тягостное одиночество и еще более тягостное воспоминание.

Катится время...

Зэ Курау попадает на хлопковые плантации и опять, желая обрести свободу, становится рабом. Он издолжник и должен платить ренту хлопком. Целая половина урожая идет сеньору. У Зэ Курау нет своей земли, она, как и прежде, хозяйская. Нет ни хижины, ничего. Его старая одежда, и та изорвалась в клочья.

Видения больших городов манят Зэ Курау. Он слышал от людей, что там повсюду изобилие и роскошь, там можно легко заработать на жизнь. Зэ Курау колеблется, но нищета заставляет его решиться.

Невыносимо тяжел труд на плантациях, а результаты ничтожны. Земля без удобрений, без полива приносит мало хлопка, и рента становится непосильной. Вот и теперь, угрожая смертью, сеньор требует отдать ему весь урожай. Что делать? Ночью Зэ Курау поджигает свой участок и исчезает.

Он бежал с плантаций сахарного тростника, теперь он бежит отсюда...

Уйти, уйти как можно дальше! Зэ Курау чувствует себя чужим на родной земле и — что хуже всего — чувствует себя изгнанныком на своей родине.

Его ничто не удерживает. Земля и участок принадлежат сеньору. Невеста? У Зэ Курау нет невесты. Осталась только тоска, которая гложет ему сердце. И ведь так повсюду. Молодые девушки, работающие на плантациях, должны сносить все унижения и подчиняться желаниям сеньора, его сыновей и приспешников.



Зэ Курау работает много.

У Зэ Курау нет ничего, и он бродит по огромной Бразилии, по всей Бразилии из конца в конец, без крова, без хлеба, без работы, с единственной «свободой» — умереть от голода на большой дороге.

Он приходит в Натал — столицу штата Рио Гранде де Норте. Ему, сыну пустынных плоскогорий, Натал кажется огромным городом. Кабокло никогда в жизни не видел самолета. Как он красив! Зэ Курау идет по полю аэродрома. Над одним из домиков огромная надпись: «Панаир» (Панамериканская воздушная линия). Он прислушивается: люди кругом говорят на незнакомом языке. Ему так хочется посмотреть самолет поближе, но сторожа со злобой кричат: «Убирайся вон, бродяга!» На его руках не блестят драгоценные перстни, на нем нет элегантной соломенной шляпы и костюм у него рваный. Он просто нищий, а раз так, то нечего ему глазеть на самолет.

Понурился, бредет Зэ Курау по улицам Натала. Его обступают угрюмые кварталы. И здесь грусть — та же грусть, что и в сердце кабокло. Кривые улицы, глинобитные лачуги и низкие душные дома, оставшиеся от далеких времен колонизации. Повсюду витают запахи плесени и тлена. Зэ Курау вспоминает случаи на аэродроме, и горечь обиды наполняет ему душу:

«Где же я нахожусь? В Бразилии. А язык чужой, чужие замашки. Почему бедного бразильца гонят, как собаку?»

Он останавливается у дворца губернатора. Дворец поражает его своим величием. Зэ Курау входит. В приемной огромная очередь. В ожидании кабокло садится на стул и осматривается. Кругом такие же, как он. Ждут, полные надежд... Проходит час... второй. В зал входит разодетый сеньор, и аромат его сигары сразу наполняет всю комнату. Общее оживление в зале: «Кто это? Кто этот господин?..» И вот один из служащих, подняв указательный палец левой руки к небу и зацепившись большим пальцем правой за отворот жилета, внушительным тоном объясняет:

— О! Это глава американской фирмы господин Клайтон. Он несет прогресс народу Рио Гранде де Норте. Он один будет покупать у нас хлопок и построит фабрики для его переработки. Он наш истинный друг и благодетель.



Какие виды!..

В этот момент появляется секретарь и, изогнувшись в поклоне, говорит:

— Мистер Клайтон, будьте любезны войти, губернатор жаждег вас видеть.

Через минуту, обернувшись к толпе, он спрашивает:

— Что вам здесь нужно?

— Работы!

— Его превосходительство очень занят и потом... дворец губернатора не приют для нищих!

Повернувшись спиной, он приказывает двум солдатам вытолкать безработных в шею. Толпа в молчании покидает зал. Гнетущая тишина. И эта тишина — словно ночное затишье перед бурей.

Не найдя работы в Натале, Зэ Курау решает отправиться в Масейю, где живут его родственники. Может быть, они смогут ему чем-нибудь помочь? Чтобы уехать, Зэ Курау пытается наняться матросом, но это ему не удается. Кругом глухая стена. Тогда он идет на станцию английской железной дороги «Грет Уэстер» и, изумленный, отступает, — плата за проезд чудовишна. Что делать? Итти пешком?.. И, следуя изгибам побережья, Зэ Курау совершает огромный путь.

Натал... Кабеделло... Бразильцы, утопая в грязи лагун, работают на постройке порта Кабеделло. Дело нужное, но прибыль пойдет в кассу Филиппа Холзман, во Франкфурте. Остановившись, Зэ Курау смотрит на своих братьев, вязнущих в иле.

Игуазу, Олинда, Ресифе, Рио Формозо, Жапаругуба, Риашо Доусе... Какие виды! Изумрудно-зеленые волны океана, сочная зелень кокосовых рощ и белоснежный песок побережья. Извиваясь в прозрачной глубине, плывут водоросли. Дюны уводят взгляд к горизонту. А вокруг, покрывая склоны широкими листьями и пурпурно-фиолетовыми цветами, стелются выюны. Прячась в кокосовых рощах, жмутся одна к другой хижины рыбаков. Ветерок шелестит в пальмовых листьях, а под ними, в тени, оборванные дети играют перламутровыми раковинами.

Плывут, уходя в открытое море, рыбацьи лодки, и свежий ветер наполняет их паруса.

Необозримый простор океана открывается с этих берегов, но для тех, кто здесь трудится в поте лица, жизнь лишена перспектив.

Гигантскими ступенями поднимается земля, уходя от моря в глубь страны. А оттуда, навстречу, катятся реки, низвергаясь с высоких гор в прибрежные низины.

Зэ Курау переплывает потоки, держа над головой свою старую одежду из кожи, и снова пускается в путь, все дальше и дальше по берегу океана. Чтобы утолить голод, он ест мякоть кокосовых орехов.

Под вечер, обессилев, кабокло стучится в дверь рыбацьеи хижины. Там только женщины с истощенными, желтыми от лихорадки лицами. Они радушно принимают его и даже дают на ужин несколько сухих рыбешек. Ночью, подвесив гамак между пальм, Зэ Курау засыпает, убаюканный морским бризом. И снова сны его полны надежд. Скорей бы попасть в Масейю! Счастье — там.

Утро — и снова в путь. Дальше, дальше, и земля катится под его ногами.

Недалеко от Масейю мертвыми скелетами поднимаются нефтяные вышки. Молчат буровые машины. Кабокло спрашивает у рабочих:

— Если здесь нефть, так почему вы не сверлите землю, чтобы достать ее?

— Тише! Англичане и американцы не хотят этого.

— Почему?

— Не знаем.

Зэ Курау идет дальше. Непонятно! Кругом творится какая-то чертовщина. В Натале американцы выгнали его с аэродрома. На английской дороге дерут такие деньги за проезд, что пришлось тащиться пешком. В Кабеделло немцы гонят рабочих в грязь. Здесь, в Риашо Доусе, янки не хотят, чтобы народ имел дешевый керосин. Почему все это?



Рабочие устраивают забастовку.

Вот и Масейю! Великолепные виллы в Алто де Фарол и лацуги в Леваде.

Откормленные иностранцы, с розовыми, как ростбиф, щеками плещутся в прозрачной воде, а рядом простой люд утопает в грязи Левады и низинах лагуны Мундау. Голодный, оборванный, бредет Зэ Курау по дороге. Он так измучился за время своих странствий, но все-таки дошел до Масейю. Его счастье здесь.

Скорей в Леваду! Где-то там в трущобах живут его родные.

После долгих поисков он находит, наконец, соседку, старуху Игнасию. Она рыбацка и весь день проводит на берегу лагуны, вылавливая из ила раков, а под вечер тащится на рынок, чтобы там отдать половину выручки сборщикам налогов. Хорошо еще, что они берут только половину, а не две трети.

Старуха рассказывает, что один из его родственников ушел в солдаты.

— Почему? — спрашивает Зэ Курау.

— Да никак не мог найти работы.

— А другой?

— Умер от туберкулеза.

— Почему?

— Этот слишком много работал и мало ел.

Зэ Курау идет в порт. Ему везет. Нанявшись грузчиком, он таскает на склады герра Борестелман тяжелые кули с сахаром, взваливая на спину по 60 килограммов. Говорят, что немец хороший хозяин. «Хороший?» — недоумевает кабокло. — «Что-то уж очень мало платят за работу все эти «хорошие» иностранцы».

Но вот из-за океана приходит что-то страшное. Все говорят — кризис. Зэ Курау начинает понимать значение этого слова, когда его гонят с работы. Немцу больше не нужны грузчики. Сейчас невыгодно торговать, можно обойтись и рентой.

Недвижно стоят в порту корабли. Мертвой грудой высятся на причалах мешки с сахаром. Жизнь замирает. Что делать? Покориться судьбе и умереть с голоду? Но кабокло не так-то легко сломить. Он охотится за всякой случайной работой. Таскает дрова на Бокэ да Левада, плетет циновки, чтобы выручить за них несколько грошей.

Каждый раз, когда ему нужен тростник для циновок, Зэ Курау отправляется в плавни реки Сумаума.

Как здесь хорошо! Черная река катит свои воды сквозь буйные заросли шиповника, пенится, разбиваясь на тысячи струй среди белоснежных лилий и лиловых цветов речной красавицы. Но вот, вырвавшись, наконец, на свободу, стремительно мчится агатовый поток и, увлекая за собой зеленую паутину водорослей, низвергается в прозрачные воды ла-



Нанявшись грузчиком, он таскает тяжелые кули.

гуны. Чудесный, сказочный пейзаж. Но красота обманчива. Здесь царство желтой лихорадки. Вместе с голодом бродит она вокруг бедняцких лачуг и убивает... убивает...

Зэ Курау тоже попадает к ней в лапы. Несколько дней мечется он в горячке. Но крепкий организм выдерживает и это.

Обессиленный, возвращается кабокло в Леваду. В одной из хижин негры танцуют «ханго» — древний священный танец, привезенный с берегов Нигера. Под грохот квадратных бубнов льются таинственные звуки. Льются, сплетаются, и вот уже грустная, полная тоски мелодия дрожит в воздухе. Все сильнее грохот бубнов, разрастается, гремит песня. Но является полиция и разгоняет негров. Почему же говорят, что в Бразилии негры, как нигде, свободны?

После долгих мытарств Зэ Курау находит работу в американской трамвайной компании. Плата ничтожна, и рабочие устраивают забастовку. Американские хозяева нажимают на губернатора, и тот посылает солдат. Отряд загоняет рабочих в депо. Зэ Курау сопротивляется, и офицер из военной полиции приказывает схватить бунтовщика.

На следующий день газета «Жорнал де Алагоас» под огромным заголовком сообщает, что арестован «агент Москвы». В камере Зэ Курау показывают эту газету. Он в недоумении:

— Агент Москвы? Почему меня называют агентом Москвы?

Тюрма в Масейо. Старый дом с темными, как колодец, камерами. Отсюда не убежишь! Слово каменные глыбы, сдвинулись вокруг черные стены. На обед — вода и фасоль. Только через два месяца выходит Зэ Курау с тюремного двора, такой худой и желтый, что на него страшно смотреть. Но зато теперь кабокло кое-что понимает в политике.

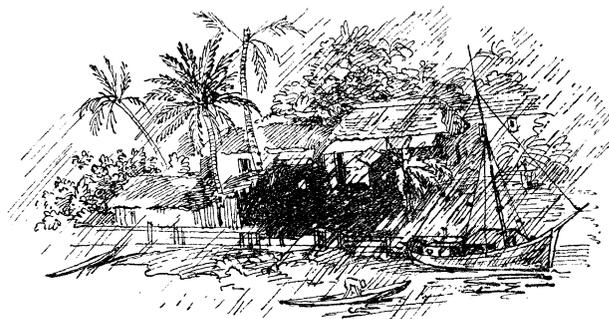
Родная земля становится ему мачехой. У него нет ни участка, ни хижины, ни жены. Ничего! Слово утренний туман на горе Бананал, развеялись его мечты о счастье в Масейо.

И снова бредет кабокло, но теперь не берегом океана, а по шпалам английской дороги, уходя все дальше и дальше в глубь страны.

Бебедууро, Флешал...

И здесь несчастные люди топчутся в грязи лагун, вылавливая раков, чтобы накормить голодных детей. Фернаун Вельо...

Высоко к небу поднимаются пустынные плоскогорья, исхлестанные солнцем, а под ними внизу искрится голубая лагуна. Повсюду аэродромы иностранных компаний. Вдали, на плоскогорьях, в зарослях стелющихся



Хижины сползают к воде.

растений разбросаны текстильные фабрики. Дымят трубы, обещая каждому работу.

Хижины, сгрудившиеся у берега, сползают к воде.

— Скажите, какой здесь заработок? — спрашивает Зэ Курау у группы рабочих.

— Полторы-две тысячи рейсов. Видно, издалека, раз спрашиваешь?

— Да, из Масейо. А почему здесь килограмм хлеба?

— Тысяча рейсов.

— Значит, его нельзя купить?

— Мы и не покупаем.

— Как же вы живете? Только раки питаются илом.

— Э, дружок, днем работаем, а ночь рыбачим в лагуне.

Не дослушав, кабокло уходит. Везде одно и то же.

Дальше, дальше...

Муриси, Униаун, Палмарес, Катенде...

Он идет среди бесконечных сахарных плантаций. Голод становится нестерпимым. Вынув свой нож, кабокло хочет срезать несколько тростинков, но, почувствовав на груди дуло винтовки, отскакивает в сторону.

Капанга — наймит из охраны — кричит ему вслед:

— Убирайся вон, иди грызть тростник в чумном доме, сын бродяги!

Сжав зубы, мучимый голодом, кабокло идет дальше.

Ресифе, Олинда... Все так же жжет солнце. Все так же шумит зеленое море. Все так же спокойно синее небо. И все та же горечь на душе у Зэ Курау.

Олинда...

Он проходит мимо полуразвалившейся церкви Кармо. Потемневшие своды и капители еле держатся. Буйная зелень ворвалась через окна и двери и, запустив свои крепкие корни между каменных плит, разрослась по всему храму, утверждая победу природы над людскими суевериями. Ветви журема тянутся к древним могилам. Воздух напоен ароматом древесных соков, запахом влажной земли. Зеленая жизнь бьет ключом — вот она, вечно молодая бразильская земля!

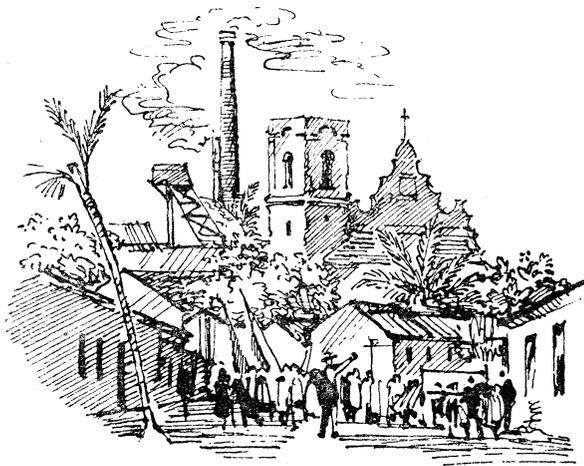
Немного дальше развалины незуитского монастыря. Широкая лестница ведет к собору, и грандиозная панорама открывается путнику с этих ступеней. С одной стороны — камни старых храмов, руины огромных, похожих на крепости казаронис — домов времен колонизации, — прах прошлого. А рядом дымят фабричные трубы. Новые силы движут миром.

Зэ Курау находит приют в заброшенной хижине, рядом с одинокой церквушкой. Спускается ночь. Колокола звонят к вечерне. В сгущающихся сумерках злобеще кричит ночная птица бакарау; кабокло долго не может заснуть.

Через несколько дней Зэ Курау становится рабочим на текстильной фабрике. Заработок грошовый, но ведь так повсюду... Опять забастовка, и снова кабокло вышвыривают на улицу.

Он идет в Ресифе и находит приют в трущобах Афогадос.

Как великолепен Ресифе и как ужасно выглядит Афогадос!



С одной стороны — камни старых храмов. А рядом дымят фабричные трубы.

«Нужно, — думает Зэ Курау, — чтобы правительства разрушили все Афогадос мира и поселили бы таких, как я, в пустующих квартирах больших городов».

Да, Ресифе поистине прекрасен! Прозрачные воды омывают город со всех сторон. Он, словно Венеция, частью лежит на островах. Между ними вьется река, а над искрящейся водой, перекидываясь с острова на остров, повисли кружевные арки мостов.

Парки, сады, нахлынув, затопили город, и над этим зеленым морем гор поднимают разрезные кроны пальмы макаибас.

Зэ Курау идет улицей Фого. Это рынок человеческого мяса, изъеденного страшными болезнями. Всюду лица, покрытые гнойными язвами.

На углу подрались двое. Один выхватывает нож и всаживает его сопернику в живот. Тот издает слабый стон и падает. Внутренности скользят на тротуар. Уличный пес слизывает кровь с камней.

«Почему, — думает Зэ Курау, — парни из народа убивают друг друга, убивают даже из-за огрызка сигары?»

У театра святой Изабеллы два щеголя ведут беседу.

— Здесь Кастро Алвес читал свои стихи.

— А кто этот Кастро Алвес?

— Был такой поэт, который боролся против рабства. Но все это — дело прошлого.

Взбешенный последними словами, Зэ Курау кричит им: — Да что вы, слепые, что ли, оглянитесь: вокруг вас рабство!..

Озадаченные, смотрят они на широкую спину кабоккло, уходящего прочь.

Авенидо Рио Бранко. Там, где раньше спали под тяжестью веков огромные низкие дома времен колонизации, тянутся к облакам небоскребы.

Зэ Курау смотрит на вывески: «Панамерикэн банк», «Лондон банк», «Вильсон компани», «Сити банк оф Нью-Йорк»...

Эти надписи режут ему глаза.

«Где я, чорт возьми? В Бразилии? Так почему эти воры с иностранными именами живут в наших домах, а я захлебываюсь грязью в Афогадос?»

Трамвайный билет стоит слишком дорого, и Зэ Курау тащится обратно пешком. Он опаздывает. Луна льет призрачный свет над болотами. Начинается прилив. Болота вспучиваются и, поднявшись, заливают пространство вокруг лачуг. Гнилая вода издает зловоние. Зэ Курау в нерешительности: попытаться пройти, рискуя утонуть в этих бездонных болотах, захлебнув-

шись теплой грязью, скользкой, словно куча улиток, или ждать отлива?

Ждать приходится долго. Наконец вода спадает, и из каждой хижины высыпают мужчины, женщины, дети. Их десятки, сотни, тысячи. Это бедняки, которые, чтобы утолить голод, ночью, в холод, ловят в грязи и тине раков.

Тьма окутывает хижины. Тучи mosкитов поднимаются над Афогадос. Спотыкаются и падают в грязь истощенные голодом люди, валяются в болото пьяные. Вот оно, счастье!

Зэ Курау каждый день ходит в Жабоати, там иногда удастся найти случайную работу. Однажды, проходя мимо бумажной фабрики, он попадает на митинг. Говорит молодой парень. Он то и дело употребляет незнакомые слова: «компартия», «национально-освободительный альянс», «общий фронт», «фашизм», «империализм».

«Что все это значит?» — думает Зэ Курау, и только он начинает внимательно вслушиваться, как налетает полиция и выстрелами разгоняет толпу.

Беспокойство носится в воздухе. Сгущаются тучи, вот-вот грянет буря. Газеты много пишут о компартии, об альянсе, о Престесе. Зэ Курау начинает понемногу разбираться в обстановке.

Утро. Кабоккло смотрит из окна на тысячи хижин, утопающих в грязи Афогадоса.

Вдруг выстрелы рассекают воздух. Со всех сторон слышится стрельба. Она усиливается. Зэ Курау бежит туда, где кипит бой. Несутся крики: «Долой! Долой!»

Негры, кабоккло, мулаты — весь этот голодный люд Афогадос поднялся наконец. Развернув знамя, восставшие врываются на улицы Ресифе. Зэ Курау с ними. Кипит уличный бой, борьба становится все более и более ожесточенной. Авиационные бомбы, ружейный и пулеметный огонь правительственных войск — все это обрушивается на восставших, и они отступают к Жабоатаун. А бомбы все падают, сея вокруг смерть. С группой товарищей Зэ Курау, отбиваясь, уходит в глубь страны. Герои уходят, унося боевое знамя.

Жжет солнце, шумит зеленое море. Улицы залиты кровью.

Теперь Зэ Курау знает, кто его враг.

А таких, как Зэ Курау, миллионы, и им принадлежит будущее!

Перевел с португальского З. Чернов



Развернув знамя, восставшие врываются на улицу.



Через Белореченский перевал

А. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

Фото Н. Немнова

Прошло два года со времени моей последней поездки в Кавказский заповедник. И вот я снова в пути, и ближайшая цель моего путешествия — Гузерипль, «столица» заповедника, где находится его управление.

Со мной едет заместитель директора и секретарь партийной организации заповедника Николай Феофанович Федоренко. С ним я уже встречался в Тебердинском заповеднике накануне войны.

Великая Отечественная война застала Федоренко на посту директора заповедника. Во время оккупации гитлеровцами Теберды он воевал против немецких захватчиков в партизанском отряде, действовавшем в скалистых ущельях Гуначхира и Домбая. С ним вместе была и вся его семья: жена, Наталья Степановна, семилетний сын Олег и четырехлетняя дочь Ляля. Первый бой с фашистами партизаны вели в альпинистском лагере на Гуначхире. Ночевали они в пещерах. Под вражеским огнем и бомбежками с воздуха не раз, по пояс в ледяной воде, переходили вброд бурные горные реки. Во время этих переходов с боями Наталья Степановна несла на руках четырехлетнюю Лялю. В этом же партизанском отряде находились научные работники заповедника и среди них — бывший старший лесничий Кавказского заповедника Владимир Николаевич Степанов, командовавший одной из групп партизанского отряда, его жена, Зоя Владимировна Ломкина, по мирной

своей специальности — энтомолог, и комсомолка Мария Валентиновна Курапова — охотовед.

ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ ВИДОВ

До Гузерипля не далеко, и я беседую с Федоренко о жизни заповедника за последние годы. Николай Феофанович говорит:

— Вся наша научная работа сейчас направлена на то, чтобы восстановить естественные богатства заповедника, очень пострадавшие от руки гитлеровцев, увеличить их и помочь государству в социалистическом преобразовании природы путем глубокого изучения ее жизненных процессов, в первую очередь в области растительного мира.

Растительность гор Западного Кавказа — основа жизни животных этих районов. Вместе с тем она дает ценнейшую древесину и охраняет воды, задерживая снег, предотвращает смывание и сползание почвы, регулирует режим огромных речных бассейнов: Белой, Большой и Малой Лабь, Мзымты, Головинки (Шахе).

Уже почти полностью обследованы наши высокогорные луга. В 1949 году будет завершено обследование высокогорных лугов последнего восточного района.

Закончен многолетний труд ботаника Веры Натановны Альпер — описание высших растений. Эта работа не прерывалась и во время Отечественной войны. Альпер найдено много неизвестных на Западном Кавказе

видов. В настоящее время список растений заповедника, без Хостинской рощи, насчитывает 1 500 видов вместо 1 372 в 1939 году. Флора заповедника очень богата эфирносомами и медоносами, дубильными, лекарственными и декоративными растениями. Изучается бересклет и отбираются наиболее гуттаперченосные кусты. В 1947—1948 годах найдены бересклеты на полянах Гузерипль и Сенная, в обходе кордонов Цице, Киши и Бабук-Аул. Все они занумерованы. С их стволов и особенно с корней взяты образцы коры и подвергнуты микроанализу. С наиболее гуттаперченосных кустов собраны семена и высеяны в питомнике для дальнейшего наблюдения за сохранением и развитием гуттаперченосности в потомстве. По словам Николая Елизаровича Лаврентьева, работающего старшим лесничим заповедника четырнадцать лет, среди кустов европейского бересклета встречаются рекордисты, дающие до тридцати процентов гутты.

В заповеднике, по почину известного зубоведа Михаила Александровича Заболоцкого, проводится интереснейшая работа — выведение чистопородного кавказского зубра из стада зубро-бизонов. Это единственный в мире опыт возвращения к жизни путем ингабитации полностью исчезнувшего с лица земли вида животного.

Стадо зубро-бизонов уже достигло двадцати голов. За последние восемь лет к фауне заповедника добавилось четыре новых вида: зубро-бизон, зубр,

уссурийская енотовидная собака и алтайская белка, выпущенные в Тебердинском заповеднике года за три до войны. Появление в заповеднике этих видов говорит о громадной роли человека в направленном изменении природы.

Наблюдатель гузерипльского кордона Алексей Федотович Циркунов подтверждает появление в Кавказском заповеднике также барса. Осенью 1947 года Циркунов слышал его рев на горе Джуге.

ВСТРЕЧА С МЕТЕОРОЛОГАМИ

Сеет мелкий дождь. Вскоре он зачастил, и мы надели плащи. Заповедник обязательно встречает меня дождем!

Сквозь дождевую сетку синеют ущелья, встают все выше зелено-коричневые хребты. Дождь превращается, и миллионы сверкающих капель дрожат на хвое и листе столетних деревьев. Гремит, роя каменные теснины, река Белая. Грохот ее кажется весенним громом, и воздух влажен и свеж, как весной.

Мы проезжаем мимо кордона Лагерная. Рядом с пепелищем прежнего дома наблюдателей, сожженного фашистами, возвышается срубленный из еще белых, слезящихся смолой стволов новый просторный дом. Раны войны залечиваются. Большинство кордонов, превращенных в черные головни и золу, уже отстроены. Расчищены подорванные, минированные, перекрытые завалами и ставшие непроходимыми горные тропы.

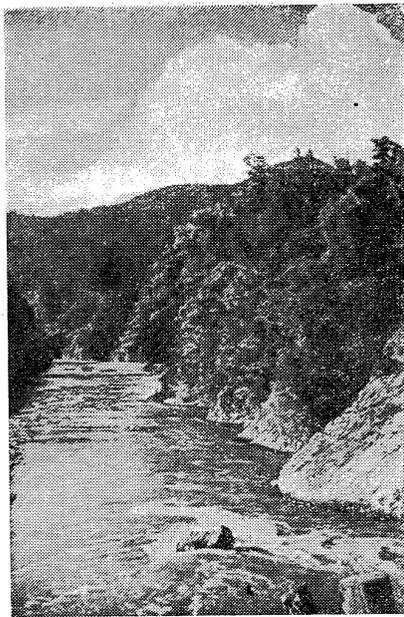
Над горами, обступившими Гузерипль, клубятся тучи. Колеса простучали по новым мостам через Белую и Малчепу. Мелькнула справа под крутым берегом Малчепы белая бревенчатая башня только что построенной гидроэлектростанции, за ней — также свежеструганная, дощатая, разбитая упорами и креплениями на звенья двухсотдвадцатиметровая змея лотка, огибающая у самой воды сланцевый выступ берега, и мы остановились под знакомыми древними дубами на дворе усадьбы заповедника.

Жители Гузерипля спешат нам навстречу: газеты и письма доставляются сюда регулярно, и все же живые впечатления побывавших там, за хребтами и лесами, как будто приближают Большую землю, делают ее осязатее.

Метеоролог Иван Андреевич Никитин пригласил нас к себе.

В чисто убранной комнате по углам в кадках — фикусы, посредине — накрытый белой скатертью стол. Нас встречает пожилая женщина, такая же маленькая и приветливая, как и Никитин, — его жена Мария Васильевна.

За чаем Иван Андреевич и Мария Васильевна рассказывают о своей жизни на Гузерипле. Иван Андреевич двадцать один год заведует метеоро-



Река Белая в районе Гузерипля.

логической станцией, и все это время Мария Васильевна является его верным помощником (она штатный заместитель Ивана Андреевича). Более двух десятков лет в суровых условиях горно-лесной обстановки эти советские труженики ведут свою незаметную, но плодотворную работу. Двадцать долгих лет, буквально из часа в час они, сменяя друг друга, следят за погодой, днем и ночью беспрестанно проверяют показания измерительных приборов, шлют телеграфные сводки. Несколько раз Мария Васильевна и Иван Андреевич чуть не замерзли во время зимних снегопадов, сбившись с тропы к измерительным приборам, которые установлены в самом конце Гузерипльской поляны. Большую помощь своей работой в окруженном немцами Гузерипле чета Никитиных оказала нашей боевой авиации. Иван Андреевич и Мария Васильевна по заслугам награждены медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Отечественной войне 1941—1945 гг.».

ВОЙНА СОСНЫ И ВЕЙНИКА

Я устроился в комнате для приезжающих во втором этаже дома на «новом» Гузерипле.

В соседнем доме живет Леонид Иванович Соснин. Я зашел к нему и застал его за письменным столом. Комната была загромождена папками с бумагой и досками-зажимами для гербария, образцами срезов древесных пород и разными предметами бивуачного обихода.

Леонид Иванович заканчивает сейчас большую научную работу, обобщающую многолетнее изучение им лесов заповедника. Тему своего труда Соснин определяет в точной науч-

ной формулировке так: «Современное развитие лесной растительности Кавказского заповедника и перспективы заповедного режима».

Но едва Леонид Иванович начинает рассказывать о содержании своей работы, как кажущаяся сухой и скучной скупая научная формулировка расцветается всеми красками живой жизни.

— Я исследую, — говорит Леонид Иванович, — условия естественного восстановления ценных древесных пород заповедника: пихты, сосны, бука, ели и березы. До сих пор думали, что с установлением заповедности здешние леса вернут свои позиции в течение каких-нибудь двадцати лет, но на деле все это оказалось далеко не так. Вот взгляните на эту фотографию, которую я заснял, изучая восстановление кавказской сосны на Пшекише.

Леонид Иванович протягивает мне фотографию, взятую им из папки, лежавшей на столе.

— Снятая на ней верхняя опушка соснового леса — это живая диаграмма естественного восстановления леса. У нас есть две твердые отправные точки, взятые из истории хозяйственной деятельности человека в этих горах. Они позволяют безошибочно судить о действительных сроках и быстроте восстановления леса: первая — завоевание Кавказа восемьдесят четыре года назад и вторая — создание здесь заповедника двадцать четыре года назад.

Как известно, черкесы из года в год выпасали скот на верхней границе леса и сильно лес снизили. Но вот после завоевания Кавказа выпас скота здесь был прекращен, и лес начал восстанавливаться. Затем снова сюда пришли люди, снова начали выпас скота, и снова прекратилось восстановление лесов. Наконец был создан заповедник. Казалось бы, теперь уже ничто не мешает возобновлению леса и продвижению его до своей естественной опушки.

Это и отражает фотография. Относительная высота леса за разные исторические периоды показана на ней тремя уступами, снижающимися к верхней границе. Первый уступ, самый высокий, — это трехсотлетние сосны, не затронутые выпасами черкесского скота; следующий за ним, значительно более низкий, — это лес, возобновившийся за 84 года после черкесов, и третий, еще более низкий лес, выросший в условиях заповедника за 24 года. Но дальше вы видите сплошное море травы — горного вейника и отдельные, тонущие в нем, забиваемые им карликовые деревца — подрост сосны. Горный вейник нашел наиболее выгодную среду для своего развития в условиях, созданных выпасами.

Эта поразительно стойкая, густая трава сплошь завоевала позиции, которые когда-то занимал здесь сосновый лес, и теперь отражает его контрнеступление, угнетает попадающие в его гущу молодые сосенки; они хиреют, чахнут, поражаются грибом, желтеют и усыхают сверху.

Вот взгляните на образчик сосны, взятый из этого моря вежника на верхней опушке соснового леса: по кольцам на срезе — ему не меньше десяти-пятнадцати лет.

Я с удивлением вижу в руке Соснина жалкое, хилое, будто тундровое растение не больше двадцати пяти—тридцати сантиметров в высоту, с пожелтевшей, явно больной верхинкой.

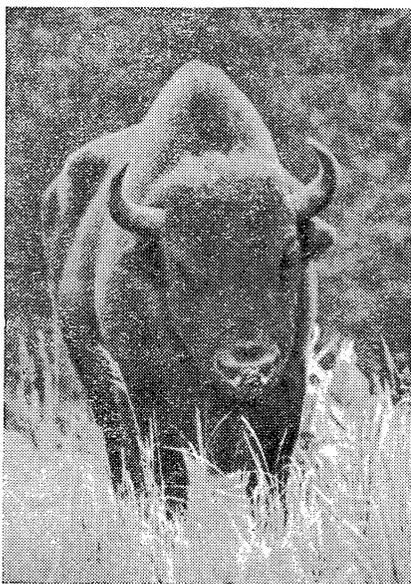
— Конечно, — продолжает Леонид Иванович, — лес упорно пробивается вверх до своих естественных пределов. Разбрасывая миллионы семян, он цепляется за каждую «латку», вспаханную кабаном, добывающим корневища иван-чая. Медведи, в поисках клубней и личинок, перевертывают камни, оголяя землю. Муравьи, землеройки, кроты, прометеева мышь обнажают от травы и рыхлят почву. Вода, ветер и смена температур разрушают камень скалы и создают условия для прорастания семян. За все это с необычайной настойчивостью и цепляется лес.

Семена деревьев далеко рассеивает ветер, еще дальше уносят их звери и птицы. Сойки распространяют семена самшита. Кунца вместе со сладким околоплодником поедает семена тиса и разносит их.

Я очень жалею теперь, что до сих пор сам недостаточно занимался зоологией. Это совершенно необходимо. В жизненном процессе природы огромную роль играют условия среды, взаимосвязь и взаимодействия всех явлений живой и мертвой природы, внутривидовая взаимопомощь, сознательное и бессознательное сотрудничество.

СВЕТ В ГОРАХ

В сопровождении наблюдателя Ильи Семеновича Дементеева отправляюсь по маршруту через Белоре-



В Кавказском заповеднике можно встретить бубра.



Медведь — обитатель заповедника.

ченский перевал на Бабук-Аул, по другую, южную сторону хребта. На час раньше по этому же пути вышла в горы экспедиция Леонида Ивановича Соснина.

При въезде на мост через Малчепу я оборачиваюсь и в последний раз окидываю взглядом закрывающий усадьбу заповедника поросший вековым лесом склон и излучину реки, мчащейся под нами в теснинах сланца. На крутизне склона, среди открытой поляны, высится тяжелой грудой серых плит гузерипльский долмен, а внизу, на одной линии с ним, легко поднимается над гремячей водой белая башня гидроэлектростанции: древнему долмену как будто противостоит эта сияющая на солнце башня. Мертвый, грузно осевший в землю памятник тысячелетий, дошедший из тьмы времен, и разливающая свет в горах, мчащаяся вперед бессмертная жизнь: сегодня вечером — я не смогу уже увидеть этого — вспыхнут цепью белых огней электролампочки, заговорит радио. До сих пор ток подавался с той стороны Белой, из поселка леспромхоза, но там не стало излишка. Теперь Малчепу, впервые взнузданная рукой человека, помчит всю силу бешеного своего напора по коленчатой змее лотка к лопастям гидротурбины и дальше — по тонким нитям проводов.

Вчера я видел в дальнем конце лотка направляющую плотину, оседлавшую Малчепу: два ступенчато расположенных вала зелено-прозрачной и на взгляд стеклянно-неподвижной, а на самом деле стремительно льющейся воды. Перекатываясь через плотину, всплескивают серебряными искрами форели. Охотясь за ними, куцехвостые, коричневые оляпки ныряют в застывшее стекло водопадов.

...Километра полтора-два мы поднимаемся в горы по полотну узко-

колейки леспромхоза, проложенной вдоль ущелья реки Желобной. Вокруг высятся старые многообхватные пихты. Стволы их испятнаны узорами лишайников, а с ветвей свисают седые клочки мха.

Вскоре мы сворачиваем влево от узкоколейки и поднимаемся все выше по рекам Медвежке и Шумной. Отсюда начинается очень крутой, хотя и сравнительно короткий подъем.

Моему спутнику больше пятидесяти лет, но он идет легко и быстро. Его невысокая, худощавая, ловкая фигура мелькает между стволов, опережая меня, хотя я еду верхом. То и дело Илья Семенович на ходу взмахивает топориком, отсекая ветку, не к месту нависшую над тропой, или, приостановившись на мгновение, двумя-тремя быстрыми и сильными ударами перерубает упавшую поперек тропы валежину. Откинув обрубку прочь, он снова легко и ловко движется вперед, и снова то там, то здесь взлетает и падает его неутомимый топорик. Заметив в стороне вывороченную с корнем сосну, Илья Семенович сошел с тропы, отколол от самого корня толстую, маслянисто-желтую щепу и аккуратно, хозяйски спрятал ее в карман рюкзака.

— Ночевать будем на Партизанной, под пихтами; теперь есть чем разжечь костер, — удовлетворенно объявляет он.

Работая топориком и отшвыривая прочь камни, о которые конь может споткнуться на крутизне подъема, Дементеев все время зорко приглядывается к смоченной недавним дождем черной ленте тропы.

— Босой лесник прошел, — говорит он в одном месте, показывая топориком на отгиск пятипалых медвежьих подошв на влажной земле внизу. Следы действительно похожи

на человеческие, только короче и шире.

На половине подъема мы догнали ушедших впереди нас Леонида Ивановича Соснина и его спутника. Они ведут в поводу лошадей, навьюченную прессами для гербария, рюкзаками и предметами лагерного обихода.

После короткой передышки мы уже вместе двинулись дальше. Чем ближе к Партизанной поляне, тем мощнее и дремучей пихтовый лес и все больше видно на тропе звериных следов. Здесь прошли два матерых волка и кабаней гурток. Тут отпечатались совсем свежие следы волка и медведя, а дальше снова потянулся крупный волчий след.

Вот и Партизанная. Уже темнеет. На фоне темносиних молчаливых пихт глаз успокоенно останавливается на светлом овале широкой поляны. Она вся поросла густой травой и огромными зонтичными толщиной в руку и выше всадника на лошади.

Через полчаса к месту ночевки под старой пихтой подтащен достаточный запас обломков сушняка и ветровала для костра на всю ночь и из стожка неподалеку добыто несколько охапок сена. Сено разложено у костра с подветренной стороны, чтобы не загорелось, — это постели.

Пожунивав, укладываемся спать. Мы ложимся вместе с Леонидом Ивановичем на сене под плащ-палаткой. Илья Семенович решительно отказался от нашей постели, заявив, что он привык спать у костра летом и зимой, не укрываясь.

Согретый теплом костра, засыпая, я вижу заглаввший горы неподвижный сизый туман, звездное черное небо над ним и высоко-высоко маленький золотой осколок нижнего края ущербленной луны. Невидимые, над нами проносятся стаи перелетных птиц, и отдаленное серебряное курлыканье льется с темной вышины, как тихая музыка.

Пущенные в траву, всхрапывают и, передвигаясь, топчут во мраке за желтым кругом костра стреноженные лошади.

МЕЖДУ ФИШТОМ И ОШТЕНОМ. ПАМЯТНИКИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ КАВКАЗА

Рано встав, мы вышли в дорогу в семь часов утра. Миновали истоки реки Гузерипль и Яворовую поляну, окруженную широковершинными горными кленами яворами и сплошь заросшую гигантским лопухом-белокопытником. Заросли лопухов вдоль и поперек исхожены и местами совершенно приняты вплотную к земле медведями.

За Яворовой поляной перед нами открылся широкий простор Армянского хребта. На его склоне столпилось в защищенном от ветров затишке десятка два домиков из драни. Этот высокогорный летний поселок называют Армянскими балаганами. Здесь живут пастухи армянских кол-

хозов, пригоняющие скот с Черноморского побережья на альпийское пастбище.

Слева от Армянского хребта уходят вдаль волнами синие и бирюзовые горы. Справа высится отвесная, розовато-белая на солнце известняковая стена плоскогорья Лагонак.

...От Армянских балаганов мы движемся каменистой тропой по альпийскому лугу, усеянному голубыми, синими и огненно-желтыми поздними цветами. Нас далеко сопровождают плосковершинные, розовеющие в бирюже неба известняки Лагонак.

Уже при самом выходе с Армянских балаганов в лицо дует холодный, знобящий ветер. Он гонит с моря густой туман и тучи. С каждым километром ветер все усиливается.

Мы проходим через узкий перевесек между горой Гузерипль слева и Ошгеном справа. Гигантский отвесный гребень Оштена, вздымающийся в неоглядную голубизну, стремительно заволакивает наплывающие с юга высокие слоистые облака. С этих немислимых круч, иссеченных трещинами и изломами, легкими скачками спускаются серны и перебегают на гору Гузерипль: там находят их естественные солонцы. У подножья Оштена громоздятся каменным морем огромных валунов и целых скал синие осыпи. На ребристых боках каменных обломков пронзительно выделяются пятна совершенно черных лишайников.

На камнях, как стражи этих пустынных высот, неподвижно сидят сарычи.

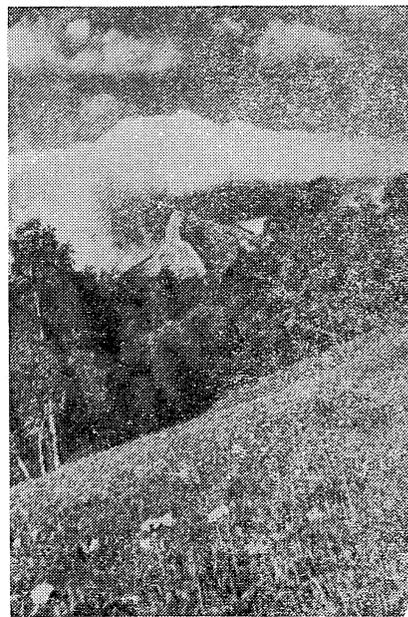
Дальше за Ошгеном, еще не затянутым наплывающим туманом, который стер только самый высокий угол хребта, встает в желтовато-белых и розовато-фиолетовых тонких тенях и бликах двугорный массив Фишта. В огромной чаще его центрального цирка тускло блестят ледники, сползающие очень низко — почти до верхней границы леса.

Мы спустились к верховьям Мутного Тепляка и перевалили Армянский хребет. Здесь затишье. Прекратился ветер, который до этого хлестал в лицо и заставлял коченеть все тело.

Отсюда открывается особенно широкая панорама густой сини и зелени и всех оттенков голубизны и лазури волнообразных горных цепей. Параллельные гряды их уходят вдаль и на горизонте сливаются с туманом и облаками.

Тут мы расстаемся с Сосниным и его спутником. Они поворачивают налево, к темнохвойной гриве Черкесского хребта, а мы с Ильей Семеновичем по склону реки Белой, оглябая Фишт, идем к главному Белореченскому перевалу.

Наш путь лежит мимо зеркально-неподвижных, сказочно-синих альпийских озер, через прозрачные гремучие ручьи и изумрудную зелень лужаек альпийки. Над нами и под нами — полосы и пятна не растаявшего за лето снега в каждой трещине и морщине горных склонов. По горбам гулких сугробов, как по мостам, мы



Альпийский луг с цветами.

переходим потоки. Высокие леса здесь непривычному взгляду представляются в каком-то застывшем вечном движении. Сосны на скалистом уступе над бездной ущелья как будто откинулись назад в испуге. Буковый лес изогнут у основания, и кажется, что и сейчас, напряжён и выгнув грудь, он удерживает на плечах гигантскую толщу зимних снегов.

Я несколько раз спрашиваю Илью Семеновича, когда же начнется спуск с перевала. И всякий раз Илья Семенович, виновато улыбаясь, отвечает:

— А вот как кончится Фишт, тут и будет спуск.

Но Фишт не хочет кончаться. Скалистая мощная стена его неотступно сопровождает нас справа. У ее подножья и дальше, загромаждая всю широкую долину перевала, торчат высоко над землей и громоздятся причудливыми грудами обломки и скалы выветрившейся пепельно-сизой губчатой породы, похожей на излившуюся и застывшую лаву.

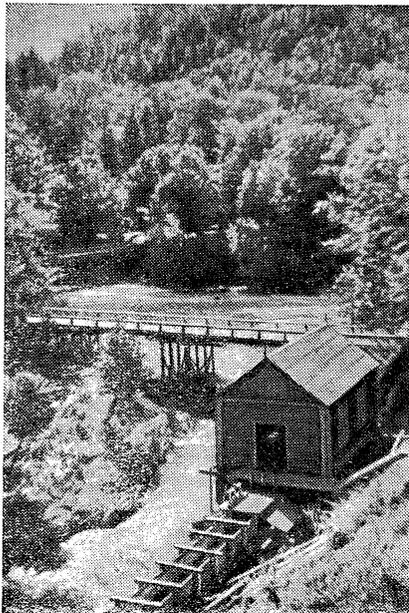
Удары пронизывающего ветра все сильнее. Тут тяга, как в трубе.

С глухим, скрипучим криком взлетели две пары огромных воронов. Паря на широких угольно-черных крыльях, они, очертив полукруг, спускаются к пихтовому лесу в налитом синим туманом ущелье.

И снова на пепельно-сизых глыбах то там, то здесь, не шевелясь, что-то сторожат сарычи.

Илья Семенович говорит, что много сарычей остается зимовать и выдерживает до весны. Это те, которые не смогли вовремя улететь. Только на зиму они спускаются ниже, в лесную зону.

Наконец мы обогнули Фишт. Вот и спуск. На склоне перевала чернеют землянки. Здесь стоял штаб



Электростанция и новый мост в Гузерипле.

частей Советской Армии, защищавших в Отечественную войну перевал от фашистов. Выше по хребту всюду были наши минометные и пулеметные точки. Особенно упорные бои велись на перешейке гор Гузерипль и Оштен. Потом врагу удалось выйти между Фиштом и Оштенем к Белореченскому перевалу. Но дальше его отборным горным частям из дивизии «Эдельвейс» прорваться не удалось. Они были прижаты по ту сторону перевала, и отсюда мы погнали их на запад.

Такие же, осевшие под дождем,

снегами и ветром, землянки и почерневшие балаганы — памятники героической защиты Кавказа — встречались нам по всему пройденному пути: на реке Шумной, на Партизанной поляне, на спуске с Армянского хребта к истокам Белой и на перешейке Гузерипля.

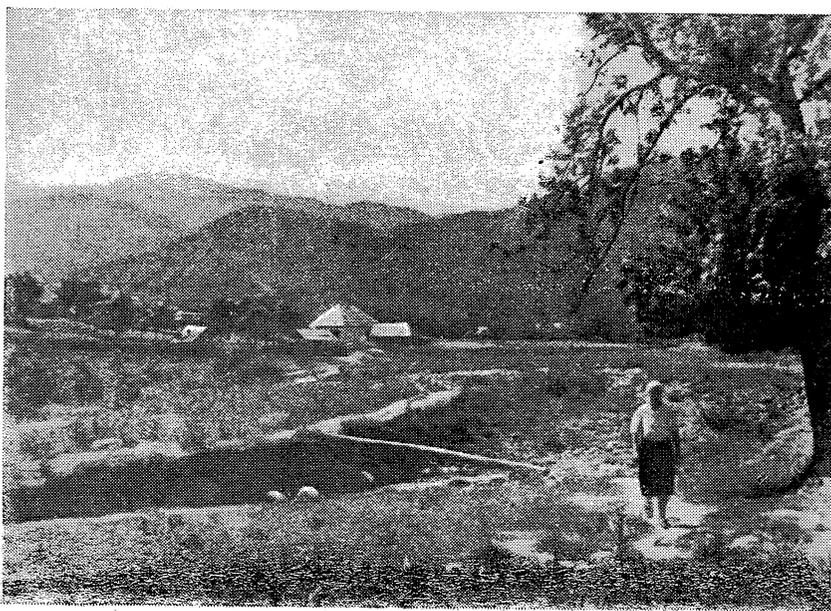
...Не только людям, зверям и птицам известны перевалы. Знают их и ветры и поднимающиеся с моря туманы и облака. Тут, на высшей точке перевала, ледяной ветер захватывает дыхание. Синеву и бирюзу гор заволокло свинцово-серым давящим туманом. Туман сгущается в низкие, хмурые тучи. Черно-дымными валами, громоздясь друг на друга, они перекатываются через хребет. День померк. Начинается дождь. При холодном резком ветре в это время он легко может перейти в снег или ледяную крупу — тогда горы себя покажут! Я вижу, с какой суровой угрозой они теперь обступают нас со всех сторон. Они коварны, и чтобы знать их коварство, горы надо видеть не в ясную, солнечную погоду, а в дождь, и туман, и снег.

Чем ниже мы сходим по южному склону хребта, тем реже сетка обложного дождя, тем выше и светлее облака. Угрюмые нагромождения туч и дымное курево туманов зацепились за самые вершины гор, уже оставленных нами далеко позади.

Старая военная дорога ломается и круто вьется среди похожего на парк леса двадцатиметровых, изогнутых у основания буков.

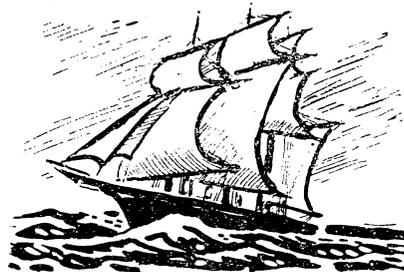
Дождь прекратился. Тучи рассеялись, и над нами в темной синеве вечеряющего неба загораются звезды.

Сделав с утра больше сорока километров, мы спустились в Бабук-Аул.



Станица Хамышки.

На парусах



по океанам

Большой океанский рейс из портов Балтики в моря советского Дальнего Востока совершают парусно-моторные шхуны «Звезда», «Блеск», «Омар» и «Глобус». Переход посвящен XI съезду Всесоюзного ленинского комсомола.

Шхуны прошли уже несколько тысяч миль. Они пересекут Атлантический океан и через Панамский канал выйдут в Тихий океан.

* * *

Такой же рейд из Ленинграда во Владивосток совершила парусно-моторная баркентина «Секстан». Эта шхуна шла на Дальний Восток несколько иным путем. По выходе в Атлантический океан она взяла курс на юго-восток и, миновав Гибралтар и Суэцкий канал, вышла в Индийский океан. После продолжительной стоянки в Коломбо (Цейлон) шхуна обогнула Малаккский полуостров, зашла в Гонконг, а оттуда прибыла во Владивосток. Весь рейс был завершен в шесть месяцев.

Всего шхуна прошла под парусами 14,5 тысячи миль, пересекла три океана и девять морей. Команда шхуны в большинстве состояла из молодежи, еще не плававшей на парусных судах, но прекрасно справившейся с заданием.

* * *

Кроме парусных судов, на Дальний Восток вышел из Ленинграда небольшой, малотоннажный пароход «Кильдин». Маршрут парохода: Лепая (Латвийская ССР), Копенгаген (Дания), Руан (Франция), Плимут (Англия) и далее к Гибралтару. Судно пройдет через Средиземное море, Индийский океан, зайдет в Сингапур и Гонконг. Во Владивосток «Кильдин» придет в конце апреля или в мае.

ПУГОВИНКА ФИОЛЕТОВАЯ



ВАДИМ ОХОТНИКОВ

Рис. Г. Балашова

Рассказ

Густой лес. Солнечные лучи, пробирающиеся сквозь листву, ложатся на траву в виде маленьких расплывчатых пятен. Громко щебечут птицы. Я сижу на зеленом бугре и думаю о странной случайности, выпавшей на мою долю.

Всего лишь несколько минут назад я сделал замечательную ботаническую находку — открытие необыкновенное, идущее наперекор известным законам природы, причудливое и удивительное явление, которое должно поразить всех ботаников мира!

В руках у меня вещественное доказательство — маленькая веточка с широкими остроконечными листьями, очень похожими на кленовые.

Но это не клен. И не какое-либо другое известное растение. Чтобы убедиться в этом, достаточно иметь самые элементарные познания в области ботаники. Скажите, где, в какой части света можно встретить дерево, у которого древесина была бы окрашена в яркофиолетовый цвет? Ведь, правда же, не существует таких растений! А вот я, студент первого курса химического техникума, представьте себе — открыл...

Может быть, вы подумаете, что эта ботаническая находка была мною сделана в какой-либо далекой глуши, в неисследованной части нашей необъятной страны? Нет! Всего лишь в полутора километрах от территории большого целлюлозного завода, куда я только вчера приехал на практику.

Возможно, что для истории будут важны подробности этого замечательного события в ботанике? К сожалению, никаких ярких подробностей нет. Все дело в чистой случайности.

Шел по лесу. Остановился, машинально протянул руку и отломил маленькую ветку. (Скверная привычка, за которую меня часто ругали в детстве.)

Вот с этого и началось. Сломал еще несколько ветвей — там также древесина фиолетовая! Срезал кору терочинным ножом — фиолетовая древесина! Так что же это за дерево?..

Немного взволнованный, я быстро зашагал домой.

* * *

Николай и Валя, товарищи-однокурсники, с которыми мы вместе приехали на практику, сразу заметили, что со мной творится что-то неладное.

— Что с тобой? — тревожно спросила Валя, когда я вошел в комнату.

Стараясь быть как можно более спокойным, я внимательно оглядел своих друзей.

Вот Николай, широкоплечий, приземистый, вечно сосредоточенный и потому немного рассеянный. Вот светловолосая Валя, шутница и хохотушка. Да подозревают ли они хоть в малейшей степени о моей необыкновенной находке?..

— Кажется, сделал открытие... — наконец проговорил я.

И, видя, что это сообщение несколько не ошеломило товарищей, сухо добавил:

— В области ботаники.

— Какое?.. — еле сдерживая смех, спросила Валя.

«Буду я еще говорить о серьезных вещах, когда они смеются», — подумал я, но не утерпел и выпалил:

— Мною обнаружено явление, еще не известное в науке. Я нашел растущее дерево, у которого внутренность, то есть древесина, фиолетового цвета. Как вам это нравится?

Вместо ожидаемых возгласов удивления послышался такой звонкий смех Вали, что, как мне показалось, слегка задребезжали оконные стекла.

— Это ты серьезно говоришь? — чуть улыбаясь, спросил Николай.

Меня окончательно взбесили недоверие и шутки друзей.

— Вот смотрите... любуйтесь!.. — проговорил я, быстро вынимая из кармана смятую ветку. — Чего смеетесь?

Лицо у Вали, как это у нее часто бывает, мгновенно стало серьезным.

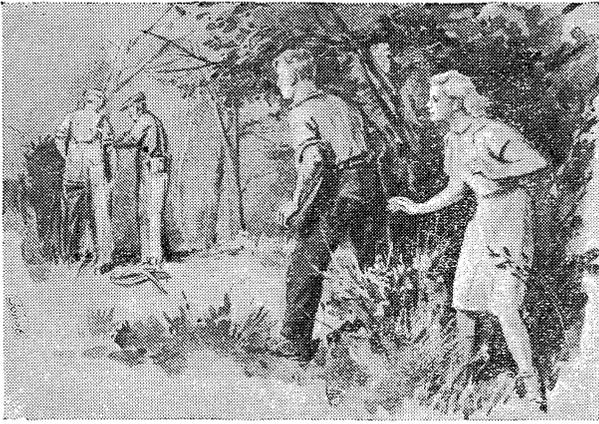
— Саша! Дорогой! — сказала она, поднимаясь со стула. — Разве мы смеемся над твоим открытием? Разве мы можем сомневаться и не верить тебе? Ну-ка, дай веточку... Ну да... Так оно и есть! Все верно... Действительно, ты открыл никому не известное растение!

— Быть тебе почетным членом ботанического общества. — со вздохом произнес Николай, надламывая ветку и внимательно ее разглядывая.

— Ты не сердись на нас, — сказала Валя. — Видишь ли, в чем дело... Ведь мы вправе даже обидеться на тебя! Разве так приходят к друзьям с радостной вестью? Сделал открытие и — сразу загордился!

— А химия куда интереснее, чем ботаника... — буркнул Николай, возвращая мою находку.

— Всему свое место: и химия нужна, и ботаника нужна, — вступилась за меня Валя.



Торопливо раздвигая ветви, я выскочил на полянку.

— Химия лучше... — явно на что-то намекая, продолжал Николай. — Химическим путем все, между прочим, можно окрасить... в любой цвет.

— Только не живое растущее дерево, — непоколебимо возразил я.

Николай собрался еще что-то возразить, но Валя энергично вмешалась и прекратила наш спор.

Да, признаться, мне и некогда было спорить. Осталось всего два дня до начала практики. За это время я должен как следует оформить свое сообщение. Надо сфотографировать дерево, описать прилегающую местность, подготовить листья, ветки и кусочки древесины для отправки в соответствующее научное учреждение.

* * *

На следующий же день я убедился, что вокруг «фиолетового» дерева творятся непонятные и очень странные вещи.

— Как же ты назовешь свое растение? — интересовалась Валя, когда мы, вооруженные фотоаппаратом, ножницами и запасом бумаги, приближались к лесу.

— Ученые что-нибудь придумают, — ответил я.

— Уж не латинским названием, конечно. А обязательно в честь твоего имени!

Тут только я сообразил, что фамилия моя в этом отношении оставляет желать много лучшего. Меня зовут Александр Ермолаевич Пугов. И следовательно, только что открытое на земной поверхности новое растение должно называться не иначе, как «пуговка» или «пуговинка».

«Неблаговучно как-то...» — подумал я, но не высказал вслух своих соображений.

Мы торопились, Солнце было на склоне, и до наступления темноты оставалось мало времени.

Вот тропинка, которую запомнил я, возвращаясь. Сворачиваем в сторону и пробираемся сквозь густой кустарник. Скоро должна быть и знакомая полянка.

Внезапно впереди послышались чьи-то голоса.

Мы остановились. Сомнения нет! Сквозь густое сплетение веток я с трудом, но все же достаточно отчетливо различаю дерево. Мое дерево! Возле него стоят два человека, одетые в темносиние рабочие комбинезоны.

— Тут ждате нечего... — тихо проговорил один из них. — Будем ждать — только время потеряем!..

— Пожалуй ты прав. Придется дать телеграмму, — задумчиво ответил второй низким и густым басом.

Мое сердце учащенно забилось. Эти двое только что подошедшие, тоже обнаружили дерево и... уже собираются куда-то телеграфировать! Но ведь я обнаружил его первым! Ботаническая находка принадлежит мне!

Я быстро принял решение. Надо немедленно зафиксировать время. Торопливо раздвигая ветви, я выскочил на полянку.

Люди, одетые в рабочие комбинезоны, оглянулись и посмотрели на меня с удивлением.

— Вы только что сюда пришли? — обратился я к ним.

Видно, я сильно волновался, так как незнакомцы продолжали рассматривать меня молча, с нескрываемым любопытством.

— Только что... — ответил, наконец, обладатель густого баса.

— А вы не скажете, который теперь час?

Обладатель баса, мужчина богатырского телосложения, принялся шарить в кармане.

— Извините, но при мне нет часов, — проговорил он, разглядывая Валу, выходящую из-за кустов.

— А вот у меня есть! И у моей спутницы тоже есть. Правда, Валя? — выпалил я.

Бас уставился на меня строгим, испытующим взглядом.

— Так зачем же вы спрашиваете, молодой человек, если у вас столько часов?

Незнакомцы вскинули на плечи маленькие котомки и молча, не обращая на нас никакого внимания, углубились в чащу.

— Саша, что с тобой? Мне стыдно за тебя... — тихо сказала Валя.

Я посмотрел на девушку и понял, что она не шутит. Признаться, мне самому было как-то не по себе.

— Ты ведешь себя глупо, — не унималась Валя. — Давай поговорим серьезно. Предположим, что ты работаешь над решением какой-нибудь научной проблемы или изобретением. И вот кто-то пытается присвоить себе честь сделанного тобой открытия или изобретения. Тогда — другое дело! А то какая-то случайная находка... Ведь ты даже толком не знаешь, что это такое! А уже волнуешься: «Первый!.. первый!» Да не все ли в данном случае равно — ты обнаружил фиолетовое дерево или кто-либо другой?!

Она резко повернулась ко мне спиной и ушла. Я достал бумагу, карандаш, вынул из футляра фотоаппарат. Но работа у меня что-то не клеилась.

* * *

Я уже возвращался домой по примеченной тропинке, когда на опушке леса, возле молодой липы, снова увидел своих «соперников». Лежа на животе, один из них сверлил большим буравом отверстие у самого корня дерева.

«Сок добывают!» — мелькнуло у меня в голове.

Я перепрыгнул через овражек, отделявший меня от незнакомцев, и строго спросил:

— Зачем дерево портите?

— Как портим дерево?... — немного растерявшись, произнес человек, лежавший на животе.

— Мы не портим, а работаем, — степенно пробасил его спутник.

— Бросьте шутки! Я студент химического техникума и вчера приехал сюда на практику. Да на моем месте и всякий понял бы, что вы собираетесь делать, — закончил я, указывая на стеклянную бутылку и резиновую трубку, лежащую на земле.

Мой собеседник широко улыбнулся и, видимо, собрался возразить, но я не дал ему раскрыть рта.

— Вот еще какое у меня к вам дело, — продолжал я сухо. — В этом лесу я обнаружил необычное дерево с фиолетовой древесиной. Но вы, кажется, нашли его тоже и, насколько я понял из вашего разговора, собираетесь куда-то об этом телеграфировать. Прошу вас учесть, что у меня уже готово описание этой выдающейся находки, я также сделал фотоснимки, как с самого дерева, так и с окружающей местности. Для обстоятельного научного сообщения все это может пригодиться...

Человек, лежавший на земле, приподнялся на локте и посмотрел на меня с необыкновенным удивлением. Обладатель баса также уставился на меня, как-то естественно мигая глазами.

— Вы химик, говорите?... Ну, что ж! Это очень хорошо! Вы, конечно, немного ошибаетесь... Знаете что? Заходите сегодня вечером ко мне на работу. Там я вам все объясню, и мы договоримся. Согласны?

— Давайте адрес, — ответил я.

Когда я вернулся домой, в комнате никого не было. На столе лежала большая картонная коробка. Мне сразу бросилась в глаза надпись на крышке, сделанная фиолетовыми чернилами:

Тов. Пугову — ботанику.

То, что я обнаружил внутри коробки, было в высшей степени странным. В ней оказались тоненькие, еще живые, древесные веточки с листьями. Станным же было то, что изломы веток были самых различных цветов: зеленые, синие, красные и, уже знакомые мне, фиолетовые. Листья были кленовые, ольховые, дубовые и других хорошо всем известных пород..

* * *

В тот же вечер я пришел к инженеру Захарову. Он принял меня в своем рабочем кабинете. На Захарове уже не было комбинезона, одет он был в обыкновенный темнокоричневый костюм.

— Очень рад... Очень рад... А я уже думал, что вы не придете! Знаете, вы очень меня удивили, и я, признаюсь, растерялся..

Еще в прихожей мне сразу бросился в глаза маленький столик, на котором стоял телефон. Он был сделан из отлично отполированного красного дерева. Но то, что я увидел здесь, окончательно поразило мое воображение.

Панель из накладного дерева, проходившая вдоль нижней половины стен кабинета, удобные кресла с округлыми спинками и главное изогнутыми подлокотниками, блистающие лаком книжные шкапы — все это было сделано из разнообразных сортов цветного дерева, подобранных в гармоничных, радующих глаз сочетаниях. Только люстра из пластмассы, прозрачной и светлой, как стекло, да хрустальная чернильница на письменном столе составляли исключение. Свет лампы дробился в их гранях, отражаясь, как в зеркале, на тщательно полированной поверхности стола, сделанного из прекрасного темновишневого цвета дерева, удивительно похожего на красное.

— Нравится? — спросил инженер, любуясь моим замешательством. — Это плод нашего труда — продолжал он. — Труда моего и моих товарищей. Это опытные образцы мебели, изготовленные в наших мастерских. Много ходит нелепых легенд о счастливой случайности или случайной находке в научных открытиях и изобретениях. Грош им цена! Глубокие знания, тщательные наблюдения и упорная работа хорошо слаженного коллектива — вот что приводит к открытию или изобретению. А люди, рассчитывающие случайно раскопать какой-либо научный клад..

Инженер, улыбаясь, посмотрел на меня, не закончив фразы. Да и не нужно было. Мне и без того все было ясно. Повидимому, слова Захарова целиком отнормировались ко мне.

— Зайдите-ка сюда, — сказал вдруг инженер, открывая дверь в соседнюю комнату.

Он включил свет, и мне сразу бросилось в глаза множество высоких цилиндров-мензурок, наполненных разноцветными растворами на редкость сильных, чистых и сочных тонов. Мы были в лаборатории. Ровный свет, похожий на дневной, струился из невидимого источника. На стенах лаборатории было развешено множество цветных таблиц и картин; почти все они напоминали хорошо сделанные иллюстрации из учебника ботаники. Чаще всего встречались здесь изображения различных растений, отличающихся своеобразной формой стебля. На фоне бесплодной африканской пустыни распластала свои жесткие, кожистые листья приземистая вельвичия. Стройные калифорнийские секвойи поднимали к небу прямые высокие стволы. В углу, под портретом Тимирязева, висела полка с моделями, изображающими в разрезе стебли различных растений с их сложной системой сосудов. Их длинные, похожие на столбы тела заставили меня вспомнить о том, что именно древесные стволы послужили когда-то человеку прообразом античной колонны.



Лежа на животе, один из них сверлил буровым отверстие у самого корня дерева.

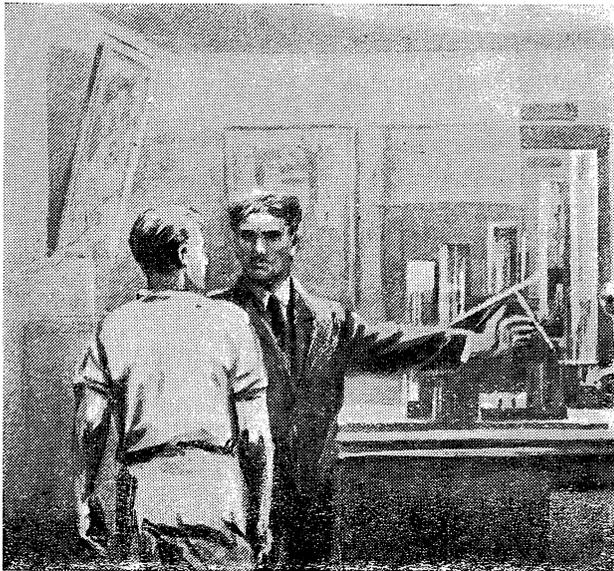
В лаборатории было еще много каких-то тонких физических приборов, назначение которых мне было тогда непонятно. Позже я узнал, что это были приборы для изучения явлений диффузии.

После небольшой паузы инженер принялся рассказывать мне о своей работе.

Это был замечательный по своей простоте и получаемому эффекту метод окраски живорастущих деревьев на корню. Как известно, в стволе каждого дерева имеются тончайшие капиллярные трубки, по которым от корня вплоть до самых листьев подымается сок, добываемый растением из влажной почвы. Для того чтобы окрасить дерево, достаточно просверлить вблизи корня небольшое отверстие и вставить в него резиновую трубку, через которую из резервуара, подвешенного на этом же дереве, постукает специальный красящий раствор. Состав этого раствора — одна из основ изобретения. Растительный сок, поднимающийся по стволу, захватывает краску и несет ее кверху. Никаким другим способом нельзя распределить краску так равномерно по всему телу дерева. Ведь растительный сок — это кровь растения. Без него не может существовать и развиваться ни одна, даже самая отдаленная от корня часть дерева. Сок расходится всюду, попадает во все мельчайшие растительные клетки, а вместе с ним попадает сюда и краска. Она как бы органически связывается с клетчаткой древесины и держится там настолько прочно, что удалить ее оттуда, не разрушив древесину, почти невозможно. Вот почему многие деревья из числа видов, растущих в нашей стране, могут быть окрашены таким способом в любой нужный цвет. При этом по внешности и по многим внутренним качествам эти искусственно окрашенные деревья ничем не должны отличаться от драгоценных пород красного или черного дерева, растущих, как известно, только в жарких странах.

А сколько экономических преимуществ представляет этот способ! Обычно, после того как спилит дерево, его надо длительное время сушить на воздухе или в специальных сушилках. При этом в нем часто появляются трещины, потому что сушка протекает неравномерно. Скорее сохнут наружные слои, в то время как внутренние еще остаются сырыми. Древесина неравномерно уменьшается в объеме, подучаются механические напряжения, а за ними и трещины. Иногда очень большой процент древесины вследствие этого уже не годится для обработки.

Совсем иначе получается при окраске дерева на корню. К красящему раствору добавляется небольшое количество ядовитого вещества. Оно также вместе с краской равномерно распределяется по всему телу растения. Дерево начинает сохнуть. Но насколько качественнее оно высыхает здесь, чем в сушилке! Ведь испарение влаги происходит через те же капиллярные трубки, соединенные с листьями. Широкая поверхность листьев служит прекрасным естественным испарителем. Равномерно, из любой точки ствола, постепенно исче-



Мы были в лаборатории.

зает влага, и к тому времени, когда дерево можно спилить, оно оказывается готовым для любой, даже самой тонкой, поделки.

Много работал коллектив химиков под руководством инженера Захарова, прежде чем им удалось получить удовлетворительные результаты. Большие участки в лесу были предоставлены для экспериментальной работы. Теперь, может быть, и недалеко то время, когда способ окраски дерева на корню получит массовое распространение. В городских квартирах, в домах колхозников, в рабочих клубах появится новая, красивая и прочная мебель. Да и не только для украшения будет служить искусственное красное дерево. Как очень стойкое и прочное, оно окажется незаменимым при изготовлении футляров и ящиков для различной аппаратуры и тонких приборов.

— Вспомните про замечательных русских художников-краснодеревцев, — восторженно продолжал инженер. — Ведь какие чудесные вещи они делали! Помню, мальчишкой я как-то побывал в одном старинном подмосковном дворце. Там было много прекрасных вещей, но больше всего поразил меня столик для нот, сделанный крепостным мастером Никифором Васильевым. Крышка этого столика представляла художественную мозаику из драгоценных пород дерева. Какую тонкость вкуса проявил в этой работе простой русский человек, крепостной художник екатерининского вельможи! Теперь представьте себе, что красное дерево будет у нас «расти», станет предметом обихода, доступным каждому. Ведь возродится у нас и прекрасное искусство краснодеревцев.

Инженер мечтал, вкладывая в это дело большую страсть. А я слушал его и представлял в своем воображении что-то еще более красивое, сказочное, способное еще больше украсить нашу жизнь.

* * *

В тот вечер я поздно пришел домой.

Когда я вошел в комнату, Николай, лежавший на диване, нехотя повернул ко мне голову и сказал, зевая:

— А-а-а! Исследователь дикой флоры?.. Видел мой подарок? Это я в лесу собрал для тебя... Окрашено на корню! Чудак ты, право. Неужели перед отъездом на практику ты ничего не слышал об опытах инженера Захарова?

— Ничего, зато теперь буду знать, — весело ответил я.

— Ну, а как твоя «пуговинка фиолетовая»? Уже нашел ей место в общей классификации растительного мира?

— Представь себе, что нашел. Она занимает замечательное место.

Николай поднялся с дивана и посмотрел на меня с удивлением. В дверях появилась Валя.

— Может быть, ты думаешь продолжать свои... так сказать... исследования? — пробормотал Николай.

— Не продолжать, а начинать, — гордо ответил я. — С инженером Захаровым уже договорился. Дело настолько интересное, что есть полный расчет посвятить ему часть своей жизни.

По родной стране

В Ленинград вернулась экспедиция Всесоюзного института «Гипролестранс», вылетевшая в мае 1948 года на двух специально оборудованных самолетах на Сахалин. Экспедиция производила изыскания и проектировала новые механизированные леспромхозы, которые должны обеспечить древесной бумажную, деревообделочную, угольную и рыбную промышленность Сахалина.

Необычно рано начавшиеся на Сахалине снежные бураны застали один из отрядов экспедиции на берегу Татарского пролива. Катерам «Ермак» и «Надежный» лишь на четвертые сутки удалось подойти к причалу и снять отряд.

Участники экспедиции с восторгом рассказывают о быстром расцвете сурового, еще недавно малообжитого Сахалина. В самых отдаленных районах острова возникли хорошо оборудованные клубы, школы. Выросли десятки колхозов.

★

Министерства сельского хозяйства и лесного хозяйства СССР организовали шесть экспедиций, которым поручено провести отвод земель под крупные государственные защитные лесные полосы.

В задачу экспедиций входит сбор и изучение всех имеющихся планово-картографических и обследовательных (почвенных, геоботанических и пр.) материалов для участков, по ко-

торым намечена закладка государственных полезащитных полос. На основании этих материалов будут составлены проекты отвода земель, а затем произведены работы по отводу.

Объем предстоящих экспедиционных работ очень велик. Полезащитные полосы пройдут через 204 района, по 2 279 землепользованиям (колхозов и совхозов), границы должны быть закреплены на протяжении 5,5 тысячи километров. Все эти работы должны быть закончены в 1949 году.

★

Цитрусовые культуры начинают широко распространяться на Украине, в Молдавии, Крыму, Дагестане, Узбекистане, Таджикистане, Туркмени, Краснодарском крае, Азербайджане. Всего в текущем году будет посажено в новых районах 400 тысяч саженцев цитрусовых, по преимуществу лимонов, и 300 тысяч эвкалиптов. В 1950 году будет высажено до 1 миллиона цитрусовых и около 2 миллионов эвкалиптов, в 1951 году — до 1 400 тысяч цитрусовых и свыше 5 миллионов эвкалиптов.

★

Восстанавливается Пулковская обсерватория, разрушенная в дни Великой Отечественной войны фашистскими захватчиками. Работы в Пулковской обсерватории возобновились вскоре по окончании войны во временных помещениях.

В октябре 1947 года во временном павильоне начал работать первый зенитный телескоп. Теперь уже закончена постройкой и вступила в строй двухэтажная круглая башня, предназначенная для переносных инструментов. В ней временно установлен нормальный астрограф, предназначенный для фотографирования небольших светил, полностью восстановленный ленинградским заводом имени ОГПУ. Диаметр его объектива — 33 сантиметра.

★

В ста километрах от Москвы, недалеко от Петушков, организована экспериментальная зоологическая база, где собрано много разных зверей — волков, медведей, лосей, енотов, — а также птиц. Все это — своеобразные артисты, участвующие в разных «ролях» в картинах, выпускаемых Московской студией научно-популярных фильмов. Здесь снимается, в частности, фильм «У истоков истины», популяризирующий учение академика И. П. Павлова о рефлексках.

Многие звери, доставленные на базу сосунами, прижились здесь, привыкли к людям и забыли многие из своих наследственных повадок. Корова, вышедшая из леса, приводит в ужас... волка.

База создана по инициативе лауреата Сталинской премии, художественного руководителя студии — режиссера А. М. Згурини.



БАНДИТЫ — БИЗНЕСМЕНЫ

СЕРГЕЙ КОЗЕЛЬСКИЙ

На чикагском кладбище Маунт Оливет из земли вылезает нечто похожее на голову огромного черного спрута. Это надгробный памятник семейства Капоне и его «знаменитого» последнего отпрыска — сверхбандита Альфонса Капоне, по прозвищу «Ал-со-шрамом-на-лице». Ал умер в 1947 году, через четырнадцать лет после того, как отмена запрещения спиртных напитков Рузвельтом положила конец его бурной и кровавой карьере.

«Царство» Ал Капоне в Чикаго и его окрестностях длилось примерно с 1925 по 1932 год. За это время в Чикаго было совершено 418 убийств членов враждовавших между собой банд. Сам Капоне в то время разъезжал по городу в бронированном лимузине, который везил семь тонн.

В те дни излюбленными «орудиями производства» были у бандитов «обрез» (срубленный дробовик), ручной пулемет, ручная граната и, когда нужно было «мокрое дело» (то есть убийство) провести бесшумно, сицилийский стилет. Среди чикагских гангстеров было много выходцев из Сицилии, в том числе и сам Ал Капоне и его знаменитый адвокат Либонати.

Кстати, о Либонати. Его карьера является ярким примером того, насколько хваленая американская демократия развращена погоней за долларом.

Молодой адвокат Роланд Либонати был юрисконсультом Ал Капоне во время расцвета деятельности этого сверхбандита. Как адвокат гангстера, он, конечно, тоже был гангстером. Либонати сам не стрелял и не убивал, но организовывал убийства и защищал убийц, когда они по неосторожности попадали под суд. Потом Либонати был адвокатом или «рупором», как выражаются гангстеры, другого знаменитого бандита — Моррей Хомфреса. С годами Либонати пополнил, поседел, и сейчас вы можете его увидеть в зале заседаний сената штата Иллинойс. «Сенатор-

демократ» Роланд Либонати, годами подкупавший политиков, полицейских судей и сенаторов от имени своих подзащитных гангстеров, сейчас сам стал одним из тех, кого подкупают.

Во времена Ал Капоне ручной пулемет прозвали «чикагской пишущей машинкой», до того он вошел в повседневный «бизнес» города. Стаккато очередей «машинки» раздавалось ежедневно на самых людных улицах столицы среднего Запада.

Гангстеры вели между собой войны, практиковали своего рода «кровавую месть», отбивали друг у друга клиентов по поставке запрещенных напитков, формировали, разбивали, вновь формировали «синдикаты» по эксплуатации игорных домов и других притонов, поддерживали республиканских и демократических кандидатов на выборные должности от сенаторов и городских голов до тех скромных должностных лиц, в обязанности коих входит ловля бродячих собак.

Гангстеры, как правило, пользовались почти полной неприкосновенностью, местная администрация — полиция, суд — были ими подкуплены. Попадались они обычно лишь тогда, когда совершали «тактический промах», лишавший их покровителей возможности их спасти, или в периоды, когда политическое положение в Вашингтоне заставляло федеральное правительство принимать периодические меры к «умиротворению» банд. Так, Ал Капоне, совершивший сотни уголовных преступлений, в конце концов был посажен в федеральную тюрьму Алькатрас за... неуплату федерального подоходного налога. Об убийствах и грабежах ни слова сказано не было!

Годами под эстакадами железной дороги в Чикаго сновали, как хорьки, темные автомобили, из окон которых брызгали пулеметные очереди или раздавался гулкий лай «обрезов». На тротуарах и мостовых оставались трупы людей, чем-либо не

удовивших той или иной банде. В «День св. Валентина» в 1927 году в Чикаго одна банда ворвалась в гараж, служивший штабом другой банде, и расстреляла из ручных пулеметов всех, кто там находился. Этот случай вошел в историю города под названием «Резня св. Валентина».

На первый взгляд может показаться непонятным — как это в стране, постоянно хвастающей своей «законностью и порядком», возможен бандитизм, существующий в Чикаго, Сен Луисе, Питсбурге, Детройте, Мемфисе, Джерси Сити, Канзас Сити и других крупных центрах?

Причина такого явления кроется в тайном союзе между преступниками, полицией и местными политиками, членами демократических или республиканских «аппаратов», разных Келли, Пендергастов, Крампов, Хэйгов, Гранди, во власти которых находится общественно-политическая жизнь большинства больших и малых городов Америки.

Всех этих «союзников» обуревают жажда легкой и быстрой наживы. В конечном счете «царь Доллар» правит всем.

Гангстеры загребают деньги нарушая закон, полиция и политики потворствуют этому и прикрывают преступников.

Молодой эмигрант из Италии, Ал Капоне к 30 годам был абсолютным «боссом» города Чикаго с его 4,5-миллионным населением (включая пригороды). Его банды брали с населения Чикаго дань в размере 100 миллионов долларов в год с продажи спиртных напитков, с притонов разного вида, всех видов азартных игр и, наконец, за «охрану» предприятий от других банд.

Когда, например, в городе открывался новый ночной ресторан, к хозяину прежде всего являлся представитель банды и говорил: «Позвольте познакомиться. Я ваш новый компаньон... Да, вы мне будете платить такой-то процент с вашей прибыли,

а за это я гарантирую, что ваш ресторан не подвергнется «ремонту» со стороны некоторых безответственных элементов...»

Отказ от такой «охраны» был равен молчаливому согласию на разгром ресторана. Такой данью и поныне облагаются почти все коммерческие предприятия города.

Фабрики «охраняются» бандитами от саботажа. Магазины — от «случайного» кирпича, брошенного в зеркальное окно, притоны и игорные дома — от налетов полиции, газетные киоски — от поджога. Наконец, сами владельцы этих предприятий — от членовредительства.

Само собою разумеется, что в большинстве случаев гангстеры «охраняют» предпринимателей от самих себя. Иными словами, если хозяин откажется от «покровительства» банды, то сама эта банда причинит ему убыток (или увечье). «Рэкет», как в Америке называется противозаконный бизнес гангстеров, является в данном случае простым вымогательством.

Естественно, напрашивается вопрос: где же закон, полиция и весь государственный аппарат? Ответ очень прост: в стране, где почти все можно купить или продать и где нажива является всеобщим стремлением, закон имеет лишь ограниченную силу. Но полиция и суд либо назначены политическим аппаратом, работающим в союзе с бандитами, либо «избраны народом» при помощи подкупов и запугивания со стороны тех же «аппаратчиков» и стоящих за ними бандитов. Обывателю действительно податься некуда, ибо он, обыватель, не организован, а бандиты строго организованы. Обывателя полиция оштрафует или посадит в кутузку за пустячное нарушение правил автомобильного движения или за другое «преступление» подобного порядка, а бандит или политикан, совершивший убийство или вооруженное ограбление, останется безнаказанным, ибо начальник полиции и судья зависят от политиканов, а также от бандитов. Вель и сам политикан, известный населению как жулик и мздоимец, может быть избран только при помощи предвыборного террора.

Из треугольника — бандит—полицейский—«аппаратчик» — обывателю вырваться трудно...

Сейчас в Чикаго — мы берем в виде примера Чикаго потому, что этот город является наиболее типичной бандитской вотчиной, — население ежегодно проигрывает «заочно» на скачках и других азартных играх около миллиарда долларов. Огромная доля этих денег идет в карманы бандитов. Сотни миллионов получают гангстеры от различных приносов.

От «рэкета» по части спиртных напитков с отменой «сухого закона» остались лишь рожки да ножки, но и здесь бандиты не зевают, ибо, на их счастье, есть еще несколько «сухих» штатов, куда выгодно ввозить виски и пиво из «мокрых» штатов.

* * *

Расцвет реакции в Америке весьма благотворно отразился на благосостоянии гангстеров, которые неизменно стоят на ее стороне. Борьба предпринимателей против профсоюзов представляет широкое поле деятельности для «запленных дел мастеров». Убийства неподкупных профсоюзных деятелей (в большинстве случаев — коммунистов), «выборы» реакционных профсоюзных лидеров под угрозой расправы над выборщиками, протаскивание провокаторов и шпиков в профсоюзы — все это прибыльная «работа» для наследников и подражателей Ал Капоне.

Крупнейшие бандиты за последние годы начали отдавать предпочтение «законному» бизнесу перед бандитизмом. Они многому научились. Например, они знают, что если исправно платить подоходный налог, власти будут сквозь пальцы смотреть на остальное.

Сейчас эти господа предпочитают работать вместо ручного пулемета счетной машиной. Грабить свои жертвы они стараются как можно более вежливо и в строгих правилах «законности». Они «вращаются» в бизнес, помещая свои капиталы в «честные» предприятия. Это явление само по себе бросает яркий свет на состояние капиталистического общества, которое само настолько загнило, что вращание в него бандитов проходит незаметно и безболезненно. Бандиты в бизнесе не чувствуют себя посторонним телом.

У большинства крупных бандитов имеются роскошные виллы, поместья, богатые фермы, яхты, городские особняки.

Возьмем, например, бандита Рикко, по прозвищу «Официант» (он начал свою деятельность со скромной должности официанта в ресторане). Он почти четыре года просидел в федеральной тюрьме в Атланте за миллионный шантаж, которому он подверг киноиндустрию несколько лет назад. Будучи выпущен на поруки задолго до истечения срока, Рикко истратил 20 тысяч долларов на свадьбу своей дочери. У него в Индиане роскошное имение, которое оценивается в 150 тысяч долларов. Не менее, а зачастую и более богато живут другие капоновские «последыши» — Фуско, Гринберг, Малоней, брат Капоне «Ботльс», Фискетт Кампанья и другие. У Кампанья роскошный особняк в Бервине (штат Иллинойс). Красивые, необычные формы жалюзи, которыми, как опущенными веками, прикрыты окна, сделаны из броневой стали. Бандит, очевидно, не уверен, что его коллеги навсегда отказались от огнестрельного оружия как делового «аргумента»...

Сейчас в Чикаго наблюдается картина, которая непочтительно представляется, как начало эры «честного городского самоуправления». Аппарат демократической партии посадил мэром города, повидимому (пока!) «че-

стного бизнесмена» по фамилии Мартин Кенелли и поддержал кандидатуру такого же бизнесмена Адлей Стивенсона в губернаторы штата Иллинойс.

Но уже сейчас гангстеры и друзья гангстеров (среди них почти все местные политиканы, как и во всех городах США) поднимают вой. Они жалуются, что партийное казначейство опустеет, если слишком прижимать людей, зарабатывающих деньги «на демаркационной линии между законом и беззаконием».

Чикагская полиция, набранная во времена царства гангстеров, остается все той же полицией, ибо, согласно правилам «гражданской службы» («сivil сервис»), этих полицейских можно снять только по суду. Кенелли в наследство остался главный комиссар полиции Джон Пендергаст (не смешивать с другим бандитом Пендергастом из Канзас Сити, о котором написана целая книга), во времена Ал Капоне «покрывавший» все его делишки.

В Чикаго имеется специальный суд для «рэкета». Этот суд действует весьма оригинально. Если полицейский хочет честно прикрыть, скажем, игорный дом, он не может этого сделать, так как если он войдет туда без ордера суда на обыск, суд просто откажется разбирать дело. Если же полицейский потребует у судьи ордер, то не успеет он дойти до места, как владельцы притона будут предупреждены самими судьями о готовящемся обыске...

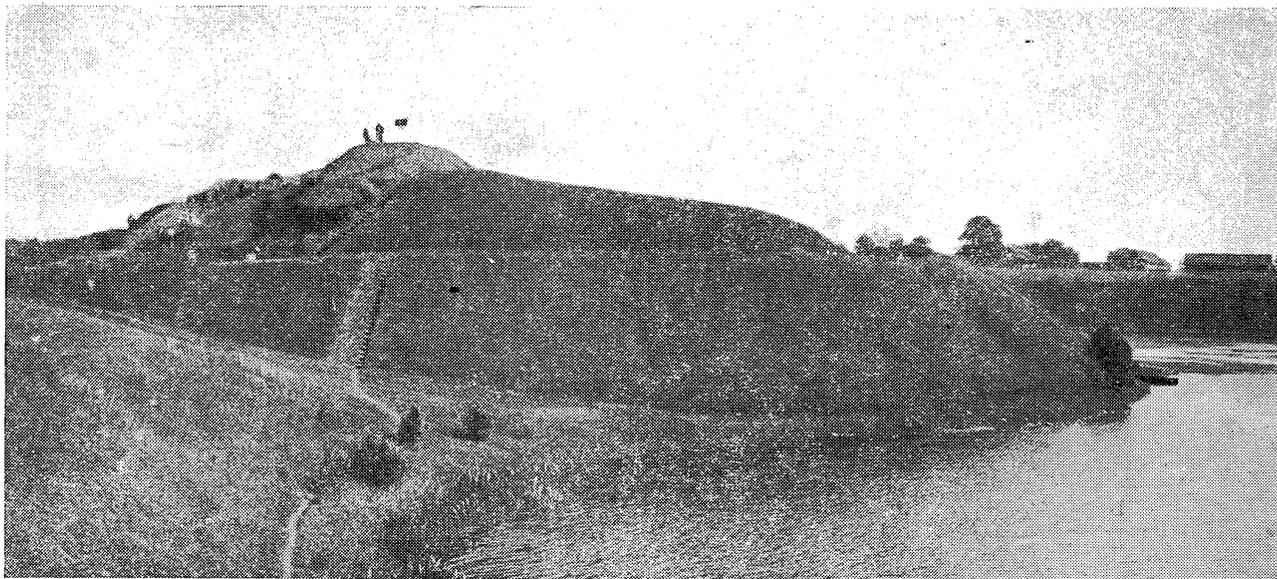
Казалось, газеты должны были бы помочь общественности в ее борьбе с вымогательством. На деле выходит несколько иначе. Например, совсем недавно херстовская газета «Геральд америкэн» наняла в качестве репортера ряд полицейских, которые своими связями с бандитами и поддержкой, оказываемой им, ухитрились нарушить даже и без того «либеральный» этический кодекс политического управления города Чикаго.

В предместье Чикаго, Сисеро, которое являлось цитаделью Капоне, начальником полиции вновь состоит Мартин Войцеховский, старый соратник Ал Капоне. Войцеховского бандитам бояться нечего...

* * *

Таковы нравы «демократии», которая весь мир собирается учить, как следует жить.

В современном капиталистическом обществе политические нравы настолько развращены, что бандиты могут не только безнаказанно заниматься своими грязными делами и непосредственно влиять на работу «демократических управлений», но даже при желании «вращать» в так называемое приличное общество, которое принимает их как равных, потому что само мало чем от них отличается.



АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ЖЕМАЙТИИ

Живописны и увлекательны памятники глубокой старины, сохранившиеся на территории Литовской республики.

В «мельжикописах» — курганах богатейшей — и «сянкописах» — древних могильниках — спят вечным сном славные герои литовского народа, сложившие головы в борьбе с иноземными захватчиками. Они погребены вместе со своим оружием и боевым снаряжением, изучение которых представляет огромный интерес для археологов.

На западе Литвы сохранилось много остатков оборонительных линий из укрепленных рвами и валами холмов, которые служили древним литовцам опорными пунктами в их многовековой борьбе против немецких захватчиков-крестоносцев. Эти «пилякальни», или городища, обычно располагались на высоком берегу речной излучины. С незащищенной рекой стороны они укреплялись искусственным земляным валом с деревянным частоколом поверху и рвом. В дни вражеских нашествий сюда стекались жители окрестных поселений. Здесь находились и ремесленные мастерские и торги.

В центральной Литве, на высоких холмах и на островах среди глубоких озер, сохранились древние замки, служившие в старину торговыми, административными и культурными центрами. В самом Вильнюсе — древней столице республики — высоко над городом расположен замок Гедимина — основателя Литовского государства. Стены этой могучей цитадели, равно как башни Тракайского замка Кейстута, являются шедеврами средневекового военно-оборонительного зодчества литовцев.

На восток и на юг тянутся торговые пути на Русь, вдоль которых археологи находят многочисленные городища со смешанными литовско-русскими памятниками материальной культуры, литовские и русские монеты, славянскую керамику и другие предметы, указывающие на древние экономические связи и дружбу литовского и русского народов.

В июле прошлого года экспедиция Академии наук Литовской ССР начала свою работу по составлению археологической карты Литвы, приступив к разведке западной части республики — Жемайтии. Экспедиция продолжалась полтора месяца. Руководил ею научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии наук СССР Г. Б. Федоров и ученый секретарь Института истории Литвы Академии наук Литовской ССР Пранас Куликаускас. В экспедиции участвовали литовские историки, этнографы, студенты Вильнюсского университета и работники четырех литовских музеев.

Литовцы, особенно жемайтийцы, живущие среди густых лесов, издавна славятся своим искусством резьбы по дереву. Домашняя утварь, ложки, миски, ступки, детали ткацких станков, наличники окон, карнизы домов и множество других бытовых и производственных



Начало раскопок кургана. V — VI века до н. э.

предметов в Жемайтии неизменно украшаются тонким и чрезвычайно красивым резным орнаментом. Оригинальная деревянная обувь жемайтийцев — «клубасы» — также богато орнаментирована. На дорогах и при усадьбах часто встречаются великолепные многокрасочные резные фигуры. Древнейшие из них посвящены религиозным сюжетам, навязанным католицизмом; однако и в них сквозит формально-религиозную оболочку ярко проступает чисто народный характер изображений.



Резная полихромная деревянная скульптура.

Своеобразны карнавальные народные маски, всевозможные вышивки, многоцветные узорчатые варежки и носки.

Сегодня в рисунках, узорах и валянии народных мастеров Литвы отражены те грандиозные перемены, которые произошли в Литве с ее вступлением в братскую семью республик Советского Союза. Все это делает этнографические памятники Литвы интересными и важными объектами исследования.

Этнографы экспедиции доставили в Этнографический музей Академии наук Литовской ССР большое количество ценных экспонатов, среди которых много образцов деревянных предметов с виртуозным резным орнаментом и 46 полихромных скульптур по дереву.

Археологическая разведка прошла по западному району Литвы между литовско-латвийской и литовско-калнинградской границами. Экспедиция обследовала 175 археологических памятников, в том числе многие доселе неизвестные науке, составила их подробное описание с фотографиями и планами.

Большую помощь экспедиции оказало местное крестьянство. Любовь литовцев к славным страницам исторического прошлого своей родины, высокая сознательность и стремление содействовать развитию отечественной науки нашли свое выражение в десятках добровольных приношений музейного характера. Во время сельскохозяйственных и строительных работ крестьяне нередко находят в земле различные древние предметы. Эти остатки старины бережно хранятся ими — иногда в течение нескольких десятилетий. Сейчас эти предметы становятся достоянием советской науки.

В 1949 году экспедиция продолжила свою работу в следующем районе, а именно в Аукшгенти — восточной Литве. Этот район интересен для исследования как местонахождение древнейших памятников каменного века и многочисленных смешанных литовско-русских памятников, особо ценных для археологов и историков: эти памятники должны сыграть основную роль при изучении глубоких корней дружбы русского и литовского народов.

Буржуазные правители Литвы и польские паны, под властью которых находилась часть восточной Литвы до 1939 года, всячески затрудняли проведение здесь объективных археологических исследований, и значительная часть восточной Литвы в археологическом смысле является «белым пятном». Лишь после того как литовский народ, опираясь на помощь и поддержку народов Советского Союза, провозгласил Литву Советской Социалистической республикой, перед литовскими археологами, работающими ныне в тесном сотрудничестве со своими русскими товарищами, открылись неограниченные возможности всестороннего исследования тех памятников, которые раскрывают картины прошлого литовского народа и его связей с Русью.

РАСТЕНИЕ в борьбе С ЗАСУХОЙ

Подсчитано, что для образования 1 килограмма зерна растение должно выпить около тонны воды.

Зачем ему столько воды? Ведь это в несколько тысяч раз превышает количество воды в зерне.

Такой вопрос стоял перед учеными прошлого века. Ответил на него Климентий Аркадьевич Тимирязев в 1892 году в своей знаменитой публичной лекции «Борьба растения с засухой». Он указал, что вода требуется растению для транспортирования пищи из почвы; вода служит средой, в которой происходят химические превращения минеральных солей, поступающих из почвы в органическое вещество растения. Вода участвует также и в образовании этого нового вещества. Кроме того, растение еще испаряет громадное количество воды. «Вот эта-то расхожая вода, — писал Тимирязев, — только проходящая через растение, и составляет источник всех бед для растения и стоящего в зависимости от него человека». Ни для питания, ни для своего роста растение не нуждается в том, чтобы испарять такое количество воды. Испарение зависит от поверхности листьев: чем больше воздушная поверхность, тем больше и испарение. Большая же поверхность нужна растению для того, чтобы получить в достаточном количестве углекислоту.

Таким образом, с одной стороны, большая поверхность обеспечивает растению лучшее питание, а с другой — требует очень много лишней воды на испарение.

В процессе эволюционного отбора растение выработало замечательные приспособления, позволяющие экономить расход воды.

Таким приспособлением являются еще различимые глазом волоски на поверхности листьев, как бы микроскопический «лес», который задерживает движение ветра и, кроме того, своей «тенью» умеряет действие света.

Это приспособление не ослабляет, однако, воздушного питания растения. Взгляните на поверхность листа, она кажется идеально гладкой. На самом же деле микроскоп показывает на ней миллионы дыхательных устьиц. Эти отверстия есть своего рода предохранительные клапаны, регулирующие испарение влаги.

«Только выработав аппарат для автоматического возмещения испаряемой влаги, — пишет Тимирязев, — выравшееся на сушу растение могло смело подняться в воздух, протянуться к солнцу, пройти все те стадии совершенствования, которые отделяют приземистый мох от великана эвкалипта, узколистный плаун от широколистного платана, ищущий влажности и тени папоротник от смело бросающегося с засухой и зноем сложноцветного».

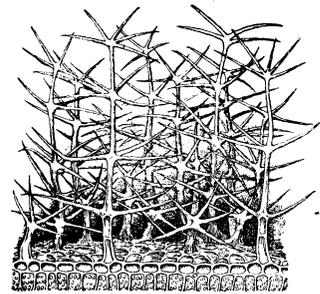
Глубочайший анализ водного режима растений сделал Тимирязев. Тончайшие механизмы растений, выработанные в борьбе с засухой, раскрыл он. А противоречия между процессом углеродного питания и испарения воды привели Тимирязева к пересмотру понятия о засухоустойчивости растения.

До него эту проблему рассматривали лишь с точки зрения водного режима. Тимирязев впервые в науке указал, что засухоустойчивыми следует считать не те растения, которые снижают испарение влаги, обрекая себя на верный голод, а те, которые способны развиваться при значительном недостатке воды.

Тимирязев предложил ввести отбор засухоустойчивых сортов культурных растений. Большое значение он придавал также планомерному воздействию на водный режим в степях путем лучшей обработки почв и искусственного орошения.

С позиций своей науки — физиологии растений — К. А. Тимирязев пришел к тем же выводам, какие были сделаны другим великим русским ученым, котлом науки о почвах, В. В. Докучаевым. Но только в наше время мечты русских ученых о создании полезащитных полос в степях и мелноративных мероприятиях в целях борьбы с суховеями нашли свое воплощение в сталинском плане преобразования природы.

А. Буянов



Микроскопический «лес» на поверхности листа.

СААМСКАЯ ЛЕГЕНДА

Их называли раньше лопарями, а еще до того, при московских царях, «лопы». Сами себя они всегда именовали саамами, народом саами.

Саам пел:

— Прилетели лебеди — первые птицы весны, я пойду за ними на охоту. Лебедь — один, он кричит по целым дням, зовет подругу. Лебедь плавает в порогах бурной реки. Лебедь чуток, взор его остер. Лебедь осторожен и никого не подпускает. Но я буду охотиться за лебедем. Я знаю, как опасно к нему подкрадываться: может соскользнуть с камня в бурный поток. Я подкрадусь к лебедю на выстрел, я перехитрю лебедя и убью его... Но я знаю, что назад мне не вернуться: я погибну в бурных потоках реки. Соберутся мои родные, станут искать меня и не найдут; найдут лебедя, и лебедем все вместе будут угощаться. Буду вспоминать меня — охотника, который перехитрил лебедя и добыл его для весеннего пира племени. Пусть я погиб, но люди съедят птицу и станут сильными. Они скажут: «Был охотник хитрее лебедя. Мы съели лебедя, чтобы охота этой весны была удачливой».



Наскальные изображения Беломорья и Онежского озера. Лебедь и охотник, поймавший лебедя.

II

Эту песню-сказку рассказал мне в белую мурманскую ночь Яков Алексеевич Комшилов.

На столе стоял крепкий чай. Лимонно-желтая морошка в вазочке пахла прозрачной водой горного озера, и ягода была свежа, как холодок, всегда живущий в этих заполярных пространствах. Странная коллекция чего-то, чему нет названия, была вытянута в один ряд на кушетке вдоль стены.

Иногда это были химеры, вырезанные из дерева: женская фигурка с головой ласточки либо нечто среднее между тюленем и царевной-лягушкой. Но вот и вовсе какой-то зигзаг на

постаменте или деревянные бусы, вытянутые горизонтально и увенчанные треугольником. Что-то очень первобытное, очень древнее, как эти воды и скалы, которыми полон край.

Но это не остатки изувержского культа; сам Я. А. Комшилов — художник и фольклорист — сработал всю эту компанию псеглавцев, иероглифов на подставках и шарикоподобных существ с ухватками человека. Это вместе с тем и не плод разгоряченного воображения. Это результат кропотливой работы исследователя, долгий путь поисков, приведший, повидимому, к чаемой цели.

Еще в годы гражданской войны вместе с Красной Армией пришел Я. А. Комшилов на Север, в онежские и беломорские края. Он полюбил эту величественную страну. В Мурманск он приехал двадцать восемь лет назад и собирал морошку там, где теперь семиэтажные дома, асфальт и универмаги. Он был одним из строителей новой жизни в этом сказочно выросшем городе и теперь никуда отсюда не хочет. В тихие солнечные дни, столь редко выпадающие здесь на долю человека и растения, Якову Алексеевичу как-то не совсем по себе. Его стихией стало пасмурное небо, ветер с моря и гул, сбегающий в город по уступам скал.

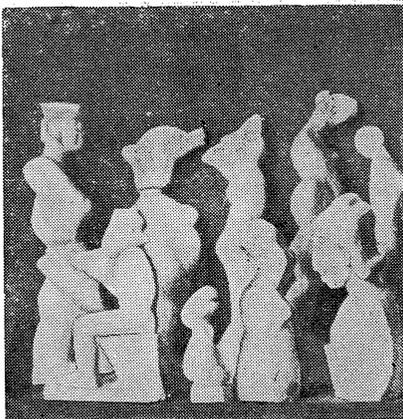
Точно хребет земли, чуть выступают древние камни на поверхность, а потом вздуваются гигантскими горбами. И в иных местах, по Онег-озеру и Беломорью, на скалистых утесах, по склонам и обломам — силуэты непрочитанных писем.

Был 1920 год, когда по беломорским скалам бродил человек в буденновке — художник Яков Комшилов. Он хотел разобраться в этих каменных рунах отдаленных предков народа саамы, бережно хранившего на своем неприветливом историческом пути свое заветное наследие: свое понимание мира, свою мораль, свои сказания о человеке и природе. Но саамы двадцатого столетия уже ничего не в состоянии были рассказать о наскальных изображениях, выбитых в ущельях их древней родины.

Изучением этих изображений давно занимался один ленинградский ученый. Он описал много изображений, некоторые из них пытался расшифровать, но работы до конца не довел. Своим путем к решению этой задачи подошел Я. А. Комшилов.

Художник по образованию и гравер, он знал, что одним из сложнейших видов графики является как раз выразительный силуэт. Начертание силуэта не представляет, однако, затруднений, если сделать это по тени, отбрасываемой предметом. Тогда Я. А. Комшилов начал экспериментировать. Одна за другой появлялись из-под его резца «химеры» его коллекции, и тень, отбрасываемая каждой фигурой, совпадала с тем или иным силуэтом из наскальных изображений древних, еще досаамских художников. И при этом, конечно, оказалось, что объемная фигура может поведать о себе много больше, нежели схематический силуэт. Все же задача была решена этим только наполовину.

Но Я. А. Комшилов не только художник и не только — в недавнем прошлом — работник Мурманского областного суда, применивший упорство, много терпение и догадку следователя для расшифровки загадочного документа. Собирателем и знатоком преданий саамского народа, Комшилов вскоре убедился, что наскальные изображения Беломорья — это не что иное, как иллюстрации досаамских художников Севера к эпическим сказаниям, которые донесли до нас именно саамы. Сказания эти всецело владели воображением саама от колыбели и до конца его дней, они давали ему возможность самопознания и вооружали его тем, что необходимо было в то время человеку как общественному существу. Удивительно, как отчетливы в некоторых саамских сказаниях мотивы самопожертвования для блага народа. И сказка о лебедь, рассказанная приветливым хозяином заезжему гостю, — она из этого же цикла. Вот почему художники древнего Севера, плененные ее прозрачным колоритом и значительным содержанием, украсили силуэтами лебедей каменные страницы своей книги бытия.



Объемная фигура может поведать о себе много больше, нежели схематический силуэт...

Я. А. Комшилов взял с кушетки деревянную фигурку, и тень женщины пала на стену. Потом Яков Алексеевич долго рылся в своих папках и выудил оттуда, наконец, листок со срисованным наскальным силуэтом, совпавшим с тенью на стене. И уже после этого мне была рассказана новая сказка — вернее сказание, сказание о Катерине Прекрасной, о Муйчесь-Катрин, о жизни, опять-таки добровольно отданной народу для его счастья и процветания.

III

В Мотовском погосте, который стоял на берегу Мотка-губы, жила красивая женщина. Ее так и звали: Муйчесь-Катрин — Катерина Прекрасная.

Однажды Муйчесь-Катрин собирала с девушками на острове морошку. А в это время к острову причалил чужеземный корабль с большими парусами, на которых были изображения страшных зверей. Увидели Муйчесь-Катрин чужеземцы, понравилась она им, и старший с корабля сказал Катерине:

— Ты поедешь с нами. Собирайся! Дайте мне проститься с родной землей, — сказала Муйчесь-Катрин.

Стоял у берега высокий камень. Взошла на этот камень Муйчесь-Катрин, на самую вершину, открыла свою чудесную шкатулку с драгоценностями, достала золотой гребень с орлиной головой и стала на ветру расчесывать свои золотистые волосы. А сама запела:

— Прощай, моя золоторогая-косорогая важенка! Свези, моя косорогая, мешок муки к Кыль-озеру. Пусть будут сыты люди, ухоронившиеся там от чужеземцев.

Свели чужеземцы Муйчесь-Катрин на корабль, и корабль стал было отваливаться... Но по берегу проходил охотник. Он увидел, что чужеземцы увозят Муйчесь-Катрин, натянул свой лук и выстрелил в рулевого, а потом схватил Муйчесь-Катрин и поднял ее на скалу.

На следующий год снова пришли

чужеземцы, на этот раз уже не на корабле, а горами. Стали они грабить и убивать без разбора. А Муйчесь-Катрин побежала к берегу предупредить женщин, которые промышляли в это время в лодках за наволоком. Вместе с ними поднялась Муйчесь-Катрин вверх, а когда чужеземцы проникли туда за ними следом, Муйчесь-Катрин с подругами столкнула их всех в ущелье и скатила им на головы огромный камень. С тех пор это ущелье так и называется — Нэ-зани-куршь, то есть Ущелье женщин.

Говорили потом так:

— Рыба перестала ловиться в море, и звери не появлялись. Пришла беда людям.

Прощалась тогда Муйчесь-Катрин со своей золоторогой-косорогой важенкой, пошла к морскому берегу на высокий камень, стала расчесывать свои волосы золотым гребнем. А сама поет:

— Море, море! Взгляни на меня, как я красива. Взгляни же на меня в последний раз. Хотели меня похитить чужеземцы из-за этих моих золотистых волос, да все и погнбли. Море, море! И я, Муйчесь-Катрин, и мои волосы — все достанется тебе, а за это накорми мой народ.

И бросила Муйчесь-Катрин в кипевшее море свой золотой гребень с орлиной головой, бросила след и всю шкатулку со своими драгоценными украшениями, а потом бросилась и сама в пучину морскую.

А в море украшения Муйчесь-Катрин превратились во множество разных рыб и зверей морских — китов, тюленей и нерп.

Но охотники увидели, как бросилась Муйчесь-Катрин с высокого камня в море, и ринулись вслед за ней. Они достали со дна морского свою Муйчесь-Катрин, вынесли ее на берег, и встала Муйчесь-Катрин на морском берегу во весь рост. И глядела на море, на великое множество рыб и зверей. Долго не сводила она глаз с моря, да так и окаменела на берегу, стала скалой. А море ластилось волнами у ее подножья и теперь еще громко трубит вниз.

IV

Я возвращался к себе, после того как Спасская башня ударила двенадцать раз в репродукторы Мурманска. Полуночное солнце бесшумно скользило над сопкой, не сникая за гору. По заливу бежал крохотный катерик, шустрый, как мышонок. Стучал мотор, и гулки были мои шаги по деревянным мосткам. Я шел и думал о народе саамы, о долге, о чести, о великой жизни, отданной народу. А к пирсу медленно подходил тральщик, глубоко сидевший в серебряной воде, должно быть с великолепным грузом в своем доверху забитом трюме, и над городом стоял всегдашний его запах: запах моря и рыбы.

З. Давыдов



В. Л. НЕМЦОВ

Рис. Н. Арцулова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Молодые техники из научно-исследовательского института, занимающегося конструированием метеорологических приборов, Вадим Багрецов и Тимофей Бабкин впервые отправились в экспедицию. Приехав поздней ночью на испытательный полигон, они установили привезенный с собой электронный прерыватель в кабине автоматической радиометеостанции. При последующей проверке на приемнике оказалось, что прибор не работает. Техники, никем не замеченные, снова проникают в кабину для исправления своего прерывателя. Неожиданно для них люки закрываются. Метеостанция отправляется в свободный полет. Во время своего небольшого путешествия в летающей лаборатории молодые техники узнают, что это устройство имеет форму диска и управляется с земли по радио.

10. ИСПЫТАНИЕ МУЖЕСТВА

Багрецов сидел у края люка и смотрел вниз. Он был абсолютно спокоен. Никакого страха! Слово не летит над морем, а сидит у окна своей комнаты на четвертом этаже.

Откуда пришла к нему эта удивительная смелость? Да ведь случись с ним такая история во сне, он бы проснулся в холодном поту...

Вадим с детства боялся высоты. «Впрочем, что греха таить, — вспоминал Вадим, поглядывая на темнеющее море, — не только высоты — многого. Пожалуй, никто из моих друзей не сможет упрекнуть меня в отчаянной смелости. Особенно после того, как я в испуге попятился однажды от ужа, вынырнувшего из-за куста.

Багрецов передернул плечами, словно для того, чтобы отогнать от себя это неприятное воспоминание, и в этот момент услышал шаги Бабкина. Он возвращался из центральной кабины.

— Определенно, анализатор не работает, — сурово сказал Тимофей. — Наверно, во время грозы попортился.

Немного помедлив, он опустился в колодезь люка и, уцепившись за последнюю ступеньку лесенки, старался рассмотреть, нет ли на внешней обшивке корабля каких-нибудь

поручней или ступенек, по которым можно было бы добраться до края диска, а там подняться наверх, к приборам, вынесенным за пределы кабины.

Багрецов с тревогой смотрел на товарища. Ему было страшно за него. Как только он не боится вернуться на этой тонкой лестнице, как циркач на трапеции?

Продолжая свои исследования, Бабкин, наконец, увидел нижнюю поверхность диска. Она светилась бледным, отраженным светом моря.

Тимофею удалось нащупать, а затем и увидеть скобки, идущие, как лесенка, по обшивке корабля к самому краю диска.

Тим посмотрел вниз. Море действительно стало черным, оправдывая свое название, и только на гребнях невысоких волн прыгали огоньки — мерцающие отблески заката. Казалось, что при первом порыве ветра они погаснут, как свечи.

— Я сейчас попробую забраться наверх, — сказал Бабкин. — Надо посмотреть, что там случилось.

— Тимка, сорвешься! — в отчаянии закричал Багрецов, увидев, что тот собирается вылезть из люка. Он бросился вниз по лесенке и схватил товарища за руку.

— Ты что? — удивленно спросил Бабкин.

— Как что? Нельзя же лезть чертя голову...

— Да и я думаю, что для страховки надо было бы веревкой, что ли, обвязаться

— Специально для нас припасли ее здесь, — хмуро отозвался Дим.

Он невольно осмотрелся по сторонам и заметил тускло поблескивающий прозрачный кожух лебедки с тросом. А что, если использовать этот трос?

— Тимка, посмотри внизу, можно ли достать трос? Понимаешь, там какой-нибудь груз должен быть. Как в выпускной антенне...

Бабкин наклонился, причем ему пришлось повиснуть чуть ли не вниз головой. Осмотревшись, он сказал:

— Есть здесь такой, только не достать.

Вадим взглянул на закрытую лебедку. Если бы найти способ освободить трос! Вероятно, он удерживается каким-нибудь электромагнитным приспособлением. Вот здесь подходит кабель. Если отсоединить его, то цепь разорвется, реле освободит собачку у зубчатого колеса, под действием груза колесо завертится и трос спустится вниз.

Вадим вынул из кармана отвертку и осторожно вывернул винт, присоединяющий кабель.

— Тим, смотри! — крикнул он, заметив, что в кожухе что-то шелкнуло и колесо слегка повернулось. Через мгновение оно завертелось быстрее, и Вадим услышал, как Тим крикнул:

— Есть!

— Тащи к себе!

— Попробуй достать, — отозвался Бабкин. — У тебя ремень был?

¹ Продолжение. Начало см. «Вокруг света» №№ 1 и 2, 1949 г.

Вадим снял с себя прочный ремень армейского образца и опустил его в люк.

— На.

Тимофей несколько раз взмахнул ремнем, чтобы зацепить трос пряжкой и подтянуть его к себе.

Но ремень только скользил по тросу.

Наконец после многократных попыток ремень захлестнулся вокруг стального троса, и Бабкин подтянул его к себе.

Он вылез из люка, вытер пот со лба и стал тащить трос в кабину.

Трос оказался очень длинным, вероятно, метров сто, примерно таким же, как тот, что употребляется при буксировке планеров за самолетами.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул Тимофей, когда о край люка стукнулась грушеобразная гирька, прикрепленная к тросу.

— Ремень крепкий? — спросил он, критически осматривая крепление пряжки. — Выдержит, если что?

Еще раз внимательно осмотрев ремень и подергав его, Бабкин тщательно, надежным морским узлом привязал к нему стальной трос. Также, не спеша, он надел ремень и застегнул его на себе.

Багрецов смотрел на Бабкина невидящими глазами. Через минуту Тим спустится по тонкой лесенке и станет карабкаться по горизонтальной качающейся стене, где шумит ветер, где ждет его внизу холодная пустота. Страшно! Сколько неприятных минут вынесет он, прежде чем доберется до наружных приборов!

Вадим понимал, что анализатор надо исправить. По емкости аккумуляторов он предполагал, что полет рассчитан на многие дни. Он видел в кабине часовые механизмы с месячным заводом. Прерыватель, который они привезли из института, должен был обладать максимальной экономичностью, чтобы питания хватило на много дней. Нельзя, чтобы хоть один прибор испортился. Нарушится вся система исследований. Но смогут ли выдержать такой продолжительный полет люди? Если питания для приборов хватит на многие дни, а может быть, и недели, то у людей, попавших в общество автоматов, пищи не было. Люди, к сожалению, не могут питаться электрической энергией, как созданные ими приборы.

Дим смотрел на своего друга. Тот медлил, все еще проверяя надежность крепления троса к ремню.

«Но почему Тим должен испытать этот страх? — подумал Багрецов. — Почему он должен сейчас вылезать из люка, а не я? Ведь я же гораздо лучше знаю устройство анализатора?..»

Вадим взглянул вниз. Моря уже не было видно. Густая лиловая мгла подымалась к отверстию люка.

«А как бы поступил сейчас Карпов?» — мелькнуло в голове у Багрецова, и ему неожиданно сделало холодно. На этот вопрос мог быть только один ответ.

Вадим взглянул на часы.

— Погоди, Тим, — остановил он товарища. — Сейчас снова включится радиостанция. Надо послушать, может быть, испортился еще какой-нибудь прибор, а мы и не заметили. Исправлять, так все сразу... Как ты думаешь?

— Не мешаешь, — согласился Бабкин.

Он вздохнул, снял ремень, аккуратно положил его около лебедки и направился в центральную кабину.

Вадим для видимости пошел было за ним, но затем незаметно вернулся и быстро опоясался ремнем. Свернув кольцом метров десять троса, он закрепил его в отверстии шпангоута, чтобы в крайнем случае, если вдруг сорвешься, повиснуть вблизи от люка. Но нет, этого с ним не может случиться! Напрасные страхи.

Быстро, чтобы его не застал Тим, Багрецов спустился вниз по лесенке и взглянул вниз. Мелкая дрожь пробежала по всему телу.

Где-то далеко еле заметно светилось море.

— Димка... — услышал он издали, как сквозь слой ваты, голос Бабкина.

Раздумывать было некогда. Дим опустил вниз ногу, как бы пробуя, холодна ли вода, и холод, леденящий холод словно подкатился к его сердцу. «Трус, жалкий трус! — думал о себе Дим, чувствуя, что еще немного — и он выскочит обратно из страшного люка. — Хвастун, хвастун!.. Трус несчастный...»

Он сидел, застыв, на лестнице, не в силах оторвать глаз от манящей бездны. Казалось, что все его члены скованы, что он не может шевельнуться.

«Так вот он какой, оказывается, Димка Багрецов, — с тайным ужасом думал он о себе. — Вот, когда настала проверка... Значит, ты несколько не похож на того человека, которому старался подражать. Парашютистка, еще девчонка по возрасту, вылезает на крыло и смело прыгает вниз. А ты боишься, даже привязанный, вылезти из кабины».

Густая краска стыда постепенно от лица начала разливаться по телу, словно разогревая сердце и мускулы. Внезапная решимость овладела Димом. Нога, опущенная в пустоту, уже не чувствовала холода и искала опоры, чтобы прочно закрепиться на



Повиснув всем телом над бездной, Багрецов полез вверх.

внешней поверхности корабля. Вадим нашупал скобку, соннулся дугой, как-то ловко вывернулся и уцепился рукой за вторую скобку снаружи. Еще немного, и он, повиснув на мгновение в воздухе, обеими ногами стал на спасительные упоры, идушие лесенкой по низу диска.

Вадим огляделся. В черных тучах у горизонта светилась красная тонкая полоса, похожая на остывающий раскаленный прут. Внизу, в темноте, серым графитовым отблеском отсвечивало море.

Цепляясь ногами и руками за скобки, повиснув всем телом над бездной, Багрецов, как обезьяна, полез вверх. Иногда нога скользила и отрывалась от спасительной опоры. В эти минуты Дим чувствовал, как останавливается сердце, как судорожно сжимаются пальцы на холодном металле и словно примерзают к нему, как на морозе.

Но вот он как будто добрался до края диска.

Есть ли там, наверху, такие же скобки? Дим на мгновение повис на краю. Диск резко накренился, словно пытаясь перевернуться, и скользнул вниз, но Дим уже быстро перелез через его край. Здесь он увидел расположенные по всей окружности диска странные объективы, похожие на огромные блестящие зрачки. Таких приборов Дим никогда не встречал. На четвереньках, удерживаясь за скобки, Багрецов пополз к центру, где торчало куполообразное возвышение с установленными на нем метеоприборами и кольцеобразной антенной. Это вещи знакомые.

Дим передохнул и осмотрелся. Чувство радостного волнения и гордости за самого себя охватило его. Скоро он доползет до приборов.

Откуда-то пришло настоящее спокойствие, сознание исполненного долга.

Показались первые звезды. Они плыли над головой, кружились и

опускались вниз, как светлячки. Багрецов чувствовал какое-то непонятное, никогда еще не испытанное опьянение: может быть, от ветра, моря и высоты.

Корабль, плывущий в струе воздушного течения, слегка покачивало. Он поднимался вверх и снова бесшумно скользил вниз, где в черной воде, казалось, рождались бледные мерцающие звезды.

Но первое ощущение радостного торжества быстро прошло. Надо было все-таки добраться до приборов. Осторожно, стараясь не сорваться, полз Вадим по верхней поверхности летающего диска, цепляясь за выступы сварных алюминиевых листов. Голова кружилась, противная тошнота подступала к горлу.

Вдруг Багрецов почувствовал, что его кто-то тянет назад. Он уже забыл о тросе, поэтому это ощущение ему показалось страшным. Кто может быть здесь, на крыше летающей лаборатории?..

Он остановился, протянул руку назад и уцепился за трос. Неужели он не пустит его дальше? В эту минуту Вадим пожалел, что оставил такой маленький запас. Но еле заметное подергивание ремня подсказало ему, что Бабкин на месте и сейчас дает об этом знать.

Дим дернул за трос три раза, затем еще три и в ту же минуту почувствовал, как его натяжение ослабело. Теперь можно ползти дальше. Тим догадался и освободил еще несколько метров троса.

Впереди вспыхнули красные сигнальные огни. Видимо, они горели со всех сторон диска.

Ну, конечно, так и есть, огни расположены по кругу!

Медленно и осторожно продвигался Багрецов к центральному возвышению на корабле. Вот оно уже совсем близко. Дим боялся встать во весь рост. Ему казалось, что эта огромная тарелка слегка наклонится

и человек, стоящий на ее плоскости, просто скатится вниз.

Но вот, наконец, и приборы. Дим прежде всего начал рассматривать установку для взятия проб воздуха. Не нужно быть специалистом, чтобы обнаружить неисправность в клапане! Удивительный народ эти инженеры! Неужели они не предполагали, что летающий диск может попасть в грозовую тучу? Здесь нужна совсем другая прочность.

Наконец клапан исправлен. Дим пополз обратно.

Вдруг злобное шипение послышалось где-то на противоположной стороне диска. Оглушительный шум падающего водопада разорвал тишину. Диск рванулся вперед. Встречный ветер сразу сделался плотным, как каменная стена. Он сорвал Димку с гладкой поверхности диска и бросил вниз.

На мгновение Багрецов увидел где-то над головой свои ноги на фоне вырывающегося из сопла пламени.

11. ЧЕЛОВЕК НАД ЗЕМЛЕЙ

Председатель правления колхоза «Новый путь» старик Соселия не совсем твердой походкой шел по темной улице уснувшего селения. Он опирался на руку одного из своих гостей, недавно прибывшего в местную МТС тракториста Микола Горобца.

— Осторожнее, Симон Артемович, осторожнее, не упадите, — стараясь быть возможно мягче и вежливее, говорил Микола, с трудом подыскивая слова. Они почему-то сразу ускользали из его сознания. Найдет подходящее слово, а оно опять исчезло. Лови его за хвост. Ой, и хмельная эта кахетинская горилка!

Микола Горобец в числе других трактористов был месяца два назад направлен в местную МТС для помощи и обмена опытом. Ему понравились здешние люди, жаркое солнце и виноградники. Он даже примирился с опасными горными склонами, где нелегко водить трактор. Но срок командировки кончался, и Микола спешил к себе на родину.

Соселию пришлось по душе положительный и знающий свое дело тракторист, проживший у него целый месяц. Потому-то сегодня, в день проводов, старый Соселия достал из погреба бочонок хорошего вина. Надо проститься с гостем, как полагается, тем более, что он немало хорошего сделал для колхоза.

Ночь выдалась лунная. Еще звучали веселые и протяжные песни, еще много оставалось вина, но Соселия решил именно сейчас поговорить с отъезжающим специалистом о самом важном, самом неотложном.

— Посмотри, — издалека начал он разговор, указывая на темные, чуть серебриющиеся под лунной вершины гор. — Такие горы у вас есть? — Он указал на курчавый склон. — Такой виноград у вас есть?



Высоко над землей летел человек.

Тракторист вежливо молчал, видимо, выжидая, когда Соселия выскажетя до конца.

Сухая, смуглая рука старика протянулась в сторону скотного двора.

— Такие барашки у вас есть? — снова спросил он.

— Нету, Симон Артемович, нету, не бачив, — мешая русскую речь с украинской, сказал Микола. — Но вы не сомневайтесь — все будет!

— Такие барашки? — удивленно спросил Соселия.

— Точно.

— Такой виноград?

— Угу... Опытный сад пока завели.

— И горы?.. — уже гневно спросил старик.

Горобец посмотрел на него, хотел было признаться, что таких гор нет и не может быть на Черниговщине, что это самые лучшие горы в мире и пусть старик не думает, что ему здесь не нравятся... Все это хотел сказать Микола, но уверенность, что нет ничего на свете, чего бы не смогли сделать у них на Черниговщине, заставила его ответить иначе.

— Колы треба... будут и горы!

Старик молчал. На светлый серп луны набежало легкое облачко. Сразу потемнело, курчавый виноградник слился с черным силуэтом гор. С них сползла серебристая окраска, и они уже не казались такими высокими.

Соселия долго ничего не говорил. Он смотрел себе под ноги, где дымилась дорожная пыль, и нарочно ворошил ее палкой, словно стараясь найти в ней ответ на свои думы. «Конечно, такой тракторист мог бы руководить МТС при нашем колхозе, — думал Соселия. — Но разве этот человек останется здесь, среди гор, если он считает, что даже эти горы можно сделать у него дома? Гордый человек — это хорошо, а вот хвастун — совсем, совсем плохо».

Микола почувствовал, что его ответ пришелся не по душе председателю. Что-то, видимо, он здесь перегнул... Может быть, не так его понял Соселия?

— Послушайте меня, Симон Артемович, — начал он, бережно придерживая старика под руку. — Я хотел сказать, что мы, советские люди, все можем сделать... И реки, и горы... А за яким бисом нам на Черниговщине горы? Поле ровненькое, трактор иде гарненько... Куда не подвигнешся — небо. Такой кругом простор. Бачив я машину новую, — пояснил он, — экскаватор называется, один ковш у нее, як хата, — такой великий. Землю зачерпнет этим ковшом, повернется, та высыпет на другу сторону. Зараз гора вырастет... Вот я и говорю, все можно сделать — даже горы.

Старик молчал.

— Я бачу, Симон Артемович, вы мне не верите, — уже слегка растерянно проговорил Микола: ему никак не хотелось на прощанье огорчать гостеприимного хозяина, к которому он успел привязаться. — Но скажите, Симон Артемович, рюкв пятьдесят назад вы не верили, що могут люди

летать?.. А зараз я видав у Києве дуже швидкые самолеты, — рассказывал Микола, стараясь показать свою осведомленность в технике, — ракетными называются. За один час мабуть... тыщу километров пройду. А то есть еще самолеты без людей... Сами летают.

Старик молчал, недовольно постукивая палкой по земле.

— Вы мне не верите, Симон Артемович, — безнадежно махнул рукой Микола. — Думаете, это брехня?! Ни... Здається мне, що скоро не только самолеты без людей, но и сами люди будут летать без самолетов, взяв в руки яку-нибудь бисову ракету и зараз поднявся выше хаты...

Соселия только головой покачал. Нет, у них на Черниговщине не умеют пить вино. В этом он убедился.

— Дивись! — неожиданно крикнул Горобец, указывая куда-то вверх.

Старик нехотя поднял голову. Высоко над землей летел человек. Его было отчетливо видно в свете луны. Он поднял кверху руки, как бы стремясь взлететь еще выше, к тусклым красноватым звездочкам, плывущим над ним.

Огоньки удалялись, а вместе с ними улетал и человек без крыльев.

И, может быть, только сейчас Соселия поверил трактористу Миколу. Он собственными глазами видел летающего человека. А если так, то почему же не поверить, что люди смогут создавать горы? Люди, они все могут.

Но сам Микола Горобец в эту минуту уже ни во что не верил. Он стоял посреди улицы, протирая глаза, махал перед собой руками, чтобы отогнать это странное и непонятное видение. Он в отчаянии озирался по сторонам, смотрел на старика, стоявшего рядом с ним, прислушивался к звучному хохоту загулявших гостей и не верил, что он, Микола Горобец, находится в привычном ему мире, что сейчас он просто стоит на деревенской улице около скотного двора... Нет, ничего этого нет!

— О, бисова горилка, чего ты не зробишь! — сказал Микола про себя, и ему сразу стало легко от этого простого объяснения загадки летающего человека.

* * *

Бабкин несколько раз звал Димку, чтобы тот послушал, как работает радиостанция. Но тот не отвечал. Обеспокоенный молчанием товарища, Тимофей возвратился к люку.

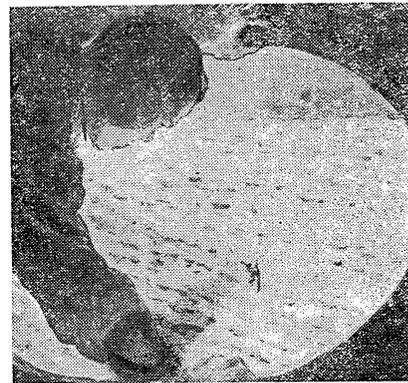
В этой части корабля было уже темно. Синий сумрачный свет, поднимавшийся из круглого отверстия люка, отражался на потолке кабины и сразу же поглощался темнотой.

— Нашел время для шуток! — пробормотал Бабкин, стараясь подавить в себе охватившее его волнение.

— Димка! — сердито крикнул он в темноту.

Ответа не было. Тимофей прислушался. Около люка что-то шуршало.

Бабкин подошел поближе и увидел тонкий трос, скользивший по



Теперь он мог яснее рассмотреть фигуру, повисшую над морем.

краю люка. Он постепенно уползал из кабины.

— Димка, вернись! — в отчаянии крикнул Тим. — Вернись, я тебе говорю! — кричал он, наклонившись всем телом над люком.

В этот момент Бабкин заметил, что трос натянулся.

Тим осторожно подергал за трос. Может быть, Дим почувствует, что Бабкин здесь и ждет его возвращения?

В ответ на это Дим дал знать, что сигнал принят.

Бабкин решил немного освободить трос, чтобы Димке было удобнее возвращаться.

Тимофей до сих пор не мог понять, как это его товарищ, никогда не отличавшийся смелостью, смог решиться на поступок, который даже ему, Бабкину, казался почти невыполнимым? Правда, он и сам хотел попробовать к наружным приборам, но заставить себя решиться на это стоило бы ему больших усилий. А Димка?.. Нет, это невероятно! Это совсем на него не похоже.

Сейчас его томило беспокойство, как бы не случилось чего с Димкой. Хорошо ли он застегнул ремень? Не потеряет ли он там сознание от страха?

Бабкин чувствовал в своих руках холодную сталь троса; она казалась ему струйкой воды, текущей по ладоням. Он боялся выпустить из рук эту бесшумную струйку и до боли в ногтях сжимал ее, как только мог.

Резкий рывок. Тимофей упал, ударился о край люка. Инстинктивно руки искали опоры. Трос, обдирая кожу с ладоней, вырывался из кабины.

Кольца троса мечутся около люка, проваливаются в пустоту и тянут за собой эту стальную веревку, размазывая ее с барабана лебедки.

Откуда-то из пространства в кабину врывается сдавленный крик, заглушаемый ревом реактивного мотора. Барабан с отчаянной скоростью и пулеметным треском зубчатки продолжает вращаться.

Бабкин бросается к нему. Он скользит по гладкому кожуху окро-

вавленными руками, пытаясь остановить сумасшедше трещащий барабан. Нет, невозможно, все закрыто! Сквозь прозрачный кожух видно, как блестят, пересекаясь и вздрагивая, последние метры стального троса.

Выдержит ли его крепление на конце, когда падающее тело мгновенно остановится?..

Бабкину хочется задержать, остановить эту последнюю минуту. Но что он может сделать?!.. Оторвать идущие к реле провода? Но тогда трос, наверное, совсем освободится.

Нет, не так! Но что, что предпринять?.. Тимофей всем телом ложится на лебедку, точно стараясь удержать ее.

Снова толчок. Барабан останавливается. Воздушный корабль словно прыгает вниз.

...Тимофей лежал, не в силах огорвать рук от влажного кожуха. Наконец он приподнял голову. Ему показалось, что прошло несколько часов с того времени, как остановился барабан лебедки. Бабкин поднялся и медленно пополз к люку.

Над морем стояла тишина. Легкий ветер словно поднимался от воды. Он обвевал лицо молодого техника, мокрое от пота, а может быть, и от слез (в этом никогда бы не сознался Тим). В холодном свете луны тонкая, как лунный луч, протянулась блестящая линия. Трос был натянут.

Море казалось усыпанным серебряными монетами. Они плавали и мерцали в темноте. На фоне этого беспокойного дрожащего света Тим разобрал где-то далеко плывущую в пустоте, поникшую фигуру.

— Димка! — закричал он и сам не узнал своего голоса, чужого и хриплого.

Бабкин прислушался. Ему казалось, что откуда-то из глубины он слышит шорох моря, шипение пены на гребнях волн. Нет, это ветер шелестит по обшивке воздушного корабля.

— Димка! Отвечай, отвечай же, Димка! — в отчаянии выкрикнул Тимофей.

Снова молчание.

Надо во что бы то ни стало подтянуть Димку сюда! Но это невозможно, до троса нельзя дотянуться. В этой стороне нет никаких скобок или выступов, уцепиться не за что.

Тимофей снова взглянул вниз.

Луна вышла из-за туч, и теперь он мог яснее рассмотреть фигуру, повисшую над морем. Димка держался за трос, поднимая руки над головой, словно протягивая их вверх в мольбе о помощи.

* * *

Падение, казалось Багрецову, продолжалось вечно. Он вначале не чувствовал за собой троса и ждал, что через какие-нибудь несколько секунд

ударится о воду, потеряет сознание и — все будет кончено.

Серебряная поверхность моря то приближалась, то уплывала куда-то вниз или вставала стеной — иногда справа, иногда слева. И на волнах качался серп луны, словно срезая невидимые колосья.

Туда, к морю, падал Димка.

Неожиданно натянувшись, трос резко рванул его за пояс. Как от удара под ложечку, остановилось дыхание. В глазах завертелись и фейерверком пронеслись какие-то огненные колеса...

Очнулся Багрецов от ощущения холода.

Вадим боялся открыть глаза. Неужели он снова увидит под собой море? Неужели он опять висит в пустоте? В его руках был холодный стальной трос.

Словно испытывая свою стойкость, Дим открыл сначала один глаз.

Темнота. Какие-то далекие светящиеся точки.

Он открыл другой глаз и посмотрел вниз. Длинной цепочкой пробежали прибрежные огоньки. Видимо, это была дорога.

Вадим поднял голову и взглянул вверх. Далеко в небе светились красные звездочки — сигнальные огоньки летающей лаборатории.

А кругом — пустота. Черное небо с россыпью звезд. И в этом небе один, совсем один человек, повисший над землей.

Дим почувствовал, как противные холодные капли поползли ему за воротник. Дождь?.. Нет, это снова вернулся страх, и по спине ползут капли пота. Немеют руки, словно намертво прикованные к тросу, кружится голова, и снова в отчаянии стучит сердце, будто стараясь выпрыгнуть из груди.

Что может быть страшнее высоты, когда не чувствуешь нигде опоры, когда ветер несет тебя, словно пылинку? Он подует сильнее, закружит, закачает тебя в воздухе, сорвет с троса и бросит на землю.

Дим закрывает глаза и ясно представляет себе раскручивающиеся жилки троса там, наверху, у лебедки. Они постепенно выскакивают из-под болта, свертываются в спирали, блестящие и колючие, и начинают лопаться...

— Дим, а Дим! — услышал он знакомый голос, прилетевший сверху. В нем слышалось отчаяние.

— Слышу!.. Слышу!.. — кричал Димка, задирая голову.

Он пробовал подтянуться, но трос был тонким и руки скользили по нему. Нет, взобраться в кабину невозможно.

Багрецов взглянул вниз.

Под ним плыла необыкновенная земля. Невысокие горы, словно сметаной, облигые лунным светом. В черноте долин, как угольки догорающего костра, светились окна домов. Блестящая бетонированная дорога лентой охватывала горы и пряталась в ущельях.

Вечер был праздничный. Откуда-то из глубины долин взлетала вверх веселая песня, стеклянные дробные



Багрецов расстегнул ремень и бросился вниз.

звуки саза, похожие на трели мандолины.

Земля манила. Она раскинулась перед Димкой спокойная и счастливая. Она протягивала к нему мягкие лапы елей, поднимала вверх, как заботливые руки, ветви раскидистых буков.

Ветер свистел над головой. Звенел, как натянутая струна, стальной трос. Уже пропали огоньки селений. Горы подступали все ближе и ближе. В свете луны они казались покрытыми пеплом.

Высокая зубчатая стена двигалась навстречу. Как черным мхом она заросла лесом, и только на самой вершине торчали остроконечные скалы.

Бортовые сигналы воздушного корабля параллельными линиями вычерчивали в небе свой путь.

Еще немного, и они погаснут. Ветер примчит корабль к самой скале, приподнимет его и со всего размаха ударит об острые камни. Летящий диск не сможет перелететь через скалы. Он идет прямо на них.

Дим с отчаянием смотрел на приближающуюся гору. Вот уже можно различить в темноте ветви деревьев, увидеть глубокую трещину, тянущуюся с самой вершины до подножия, мелкий кустарник, ползущий по склону, голое засохшее дерево...

В волнении Вадим закрыл глаза. Ветер кружил его на тросе, как на гигантских шагах. О, если бы хоть на минуту прекратилась эта безумная игра!

Он боялся услышать треск над головой. Тогда конец. Погибнет лаборатория, а в ней... Тим. И все, весь огромный человеческий труд через мгновение должен превратиться в груду обломков.

Не задумываясь больше, Багрецов расстегнул ремень и бросился вниз, на темнеющие ветви уже совсем близких деревьев.

В этот момент он не мог видеть, как летающая лаборатория спокойно повернула в сторону, обходя неожиданное препятствие.

Красные звездочки сигнальных огней ракетами взметнулись ввысь, словно салютуя победу.

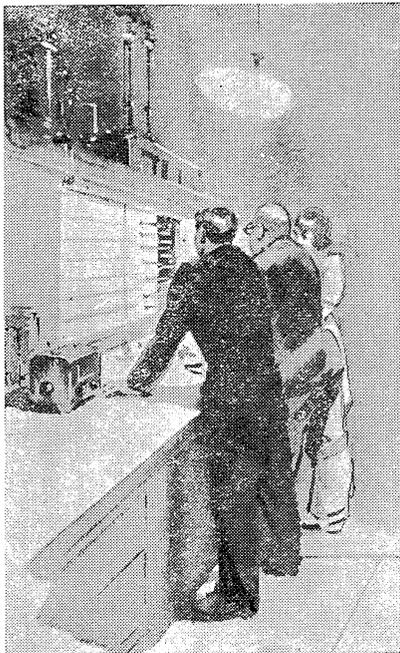
12. А В ЭТО ВРЕМЯ НА ЗЕМЛЕ...

— Ничего не понимаю! — растерянно проговорил Поярко, рассматривая ленту. — Мы начали испытания уже по одиннадцатому пункту программы. Но что же это? Ваши приборы то не работают, то вновь дают показания, — обратился он к Борису Захаровичу. — Опять на ленте появились отметки анализатора воздуха. Ведь он же был испорчен?

Дерябин бросился к столу и, взглянув на ленту, облегченно вздохнул. Теперь у него все в порядке.

— Борис Захарович! — снова обратился к нему конструктор. — Вы уверены, что так и должно быть?

Старый инженер хотел было заме-



Наступил решающий момент.

тить, что при первых испытаниях в аппаратуре вполне возможны неожиданности, иначе незачем ее испытывать. Но он промолчал; сейчас было не до этого. Необходимо сказать профессору, что теперь все приборы работают. Ведь Алексей Фомич очень беспокоился, что при основных испытаниях не будут взяты пробы воздуха. «Однакоже, — недоумевал инженер, — почему это анализатор воздуха вновь начал работать совершенно нормально? Неужели его неисправность объяснялась грозвыми явлениями? Вот если бы он, Дерябин, мог сию минуту, не ожидая окончания испытаний, посмотреть на этот прибор!»

— Какова скорость подъема? — спросил Борис Захарович у радистки.

Аня нагнулась над записями, пошевелила губами и ответила:

— Пять метров в секунду.

— Почти расчетная величина, — пояснил Поярко. — Как видите, ваши опасения, что летающая лаборатория не достигнет нужного потолка, пока преждевременны.

— Не понимаю, — возразил инженер, — почему диск вдруг начал подниматься? Может быть, здесь играет роль восходящее течение? Ведь лаборатория сейчас летит над горами.

— Нет, это все не то, — махнул рукой конструктор и задумался.

— Ну что ж, подождем следующей передачи, — сказал Дерябин. — А вы, — обратился он к конструктору, — меньше всего думайте о неудачах. Уверен, что утром мы сможем начать основные испытания приборов Алексея Фомича.

Шаркая ногами, Борис Захарович прошел в свой кабинет.

Настала тишина. Выключились ондуляторы, замерли барабаны с лентой.

Аня встала из-за стола, слегка расправила узкие плечи и, походив немного по комнате, села на черный кожаный диван.

Поярко стоял у окна и, закрыв глаза, раскачивался из стороны в сторону. По временам он, словно механически, зажигал папиросу и, не докурив ее, доставал новую.

Наконец он со злостью выбросил только что зажженную папиросу и, резко повернувшись, подошел к столу.

Вот последние расшифрованные показания, занесенные в журнал. Высота три тысячи метров, температура, влажность, давление... Нет, все в порядке: барограф отметил давление, примерно соответствующее данной высоте. Но тогда что же могло случиться? Почему летающая метеостанция сразу вырвалась вверх? Поярко настолько верил в непогрешимость своей конструкции, что все это ему казалось невероятным. Почему раньше летающая метеостанция, несмотря на значительное увеличение ее объема, не могла подняться до расчетной зоны равновесия? Почему так неожиданно она стала набирать высоту? Чем он может объяснить это явление? И главное, что особенно неприятно в этом деле, — проклятое сознание собственного бессилия.

Аня долго сидела, боясь нарушить молчание. Она чувствовала, как велико горе конструктора. Но что ему сказать? Нелепо и неловко говорить сейчас слова утешения.

— Смотрите, умывается, — неожиданно услышала она тихий шопот Пояркова. Аня вздрогнула и посмотрела в угол, куда указывал конструктор.

Не обращая ни на кого внимания, под ярким светом люстры на полу сидела мышь и забавно умывала мордочку. Она, видимо, была очень занята этим делом, и даже громкий смех инженера не сразу заставил ее спрятаться в щель под шкафом.

— В детстве у меня был белый мышонок. Это такие уморительные создания, — сказал Поярко, повернувшись к Ане. — Не правда ли?

— Да, да, — растерянно ответила девушка, думая о чем-то своем. — Вы знаете... я подчитала, сейчас он может быть уже в стратосфере.

— Я не позавидовал бы и этому мышонку, если бы он оказался в кабине летающей лаборатории, когда она достигнет заданного потолка. — Конструктор задумался и, словно про себя, добавил: — Ионосфера начинается примерно с восьмидесяти километров.

— Серафим Михайлович, — обратилась к нему Аня, — а не лучше ли все же, чтобы там был живой человек?

— Где? В ионосфере? Там и мышонок не выживет. А, кроме того, зачем это нужно? Аппараты справляются без человека гораздо лучше. Вы сколько времени можете не спать? — неожиданно спросил он.

— Не знаю... Наверное, суток двое или трое.

— А механизмам все нипочем, они не устают.

— Ну, хорошо, — согласилась Аня. — Но ведь лаборатория может залететь куда угодно.. Ну, скажем, за границу.

— Не позволим, — улыбнулся инженер. — Вы же заметили, что корабль изменил свой курс над морем? Это Борис Захарович ему приказал по радио — послышкой соответствующих импульсов он включил мотор. Причем, как вы, вероятно, догадываетесь, газы реактивного мотора должны были вырваться из сопла, прямо противоположного нужному направлению полета. Вы ведь знаете, что трубы этого мотора расположены по всей окружности диска. Таким образом, можно выбрать любое направление его движения. Это похоже на так называемые газовые рули. Мотор, сконструированный инженером Северцевым, очень экономичен, и на корабле нет больших запасов горючего, тем более, что мотор включается лишь в случае необходимости: когда нужно изменить курс или при достижении потолка, когда диск поднимется за пределы плотной атмосферы.

— А если какой-нибудь самолет ночью налетит на ваш корабль?

— У него, как и у всякого самолета, есть бортовые огни.

— Понятно — согласилась Аня. — Но ваш диск сам может налететь на какую-нибудь гору. Что тогда?

— И это невозможно, — оживился конструктор. — радиолокатор, установленный наверху корабля, словно матрос на вахте. Он дает знать автоматам, управляющим включением тех или иных труб реактивного мотора. Он предупреждает о препятствии, возникшем на пути Радиолуч отразится от горы и, попадая на приемник, установленный на диске, включает мотор Газы с огромной скоростью потекут сквозь нужную нам трубу. Диск просто свернет в сторону.

Конструктор с мягкой улыбкой взглянул на девушку и спросил:

— Теперь вам понятно, что человек там, наверху, совсем не нужен?

— Это верно, — с некоторым сомнением в голосе подтвердила Аня. — Но вот сейчас там что-то случилось, а вы...

Она не закончила своей фразы, чувствуя, что задела конструктора за живое. Поярков чуть вздрогнул, но сразу овладел собой.

— Да! — резко сказал он. — Я очень бы хотел быть там, наверху, и видеть все недостатки нашей конструкции. Тем более, что такой ни у кого и никогда еще не было. Но это первое испытание. — задумчиво продолжал он, словно успокаивая сам себя. — Скоро над нашей землей будут плавать десятки летающих лабораторий. И не нужны там люди. Понимаете, не нужны!..

Поярков встал и зашагал по комнате.

— Простите, пожалуйста, — сказал он, остановившись около Ани. —

Может быть, вам скучно меня слушать, но мне интересно знать, как воспринимает конструкцию летающей лаборатории обыкновенный человек, не специалист, однако достаточно знакомый с техникой. Ну вот, скажем, вроде вас. Предположите, что нам нужно достигнуть пятидесяти километров высоты. Как это сделать? Каким способом?

— Стратостат? — робко спросила Аня.

— Он должен быть управляем — это первое условие, затем абсолютно надежен — это второе... Кроме того, приборы Алексея Фомича требуют большой площади. Вы видели, что объективы расположены по всей окружности диска?

— Значит, ракетная установка нужна только для передвижения? — не отвечая на вопрос, поинтересовалась Аня.

— Да, это особенно важно на больших высотах. Там другие моторы не работают. И потом реактивный мотор позволит диску подниматься в очень разреженной атмосфере. Стратостат имеет свой потолок, это не ракета.

— А если бы там были люди? — Зачем бесцельный риск? Я думаю, что космические лучи могут представлять собой серьезную преграду для смельчаков. Легкая воздушная лаборатория без ненужного груза, без людей сможет подняться на такую высоту, где не был ни один человек. Хладнокровно и точно ее приборы расскажут обо всем, что интересует человека в воздушном океане.

— Я читала, что наши советские стратонавты установили рекорд высоты. Поднялись на высоту в двадцать два километра и по несчастной случайности погибли...

— В то время я еще мальчиком был, — задумавшись, проговорил конструктор. — Я не мог этому поверить. Уж очень нелепой мне показалась смерть этих молодых ученых. Много дней я повторял фамилии: Федосеев, Васенко, Усыскин... Они похоронены в кремлевской стене.

— И если, — после долгого молчания продолжал инженер, — испытания будут удачными, почему знать, может быть, из этой конструкции выйдет что-нибудь другое, например, совершенно безопасный воздушный

корабль. Он будет летать в стратосфере, где очень слабое встречное сопротивление воздуха. Он не сможет разбиться, потому что наш диск легче воздуха. Вы понимаете, Аня, — абсолютная безопасность. Только бы прошли эти испытания!..

В комнату вошел Борис Захарович. Он держал в руках очки и подслеповато озирался по сторонам. Сейчас его лицо казалось очень добродушным и совсем не похожим на лицо строгого начальника, которого так боялась Аня.

Наконец Дерябин надел очки и, увидев Пояркова, оживленно разговорившего с Аней, улыбнулся. Ему понравилось, что конструктор, несмотря на не совсем удачные испытания, держит себя с достоинством, спокойно и даже с видимым удовольствием беседует с девушкой.

— Аня, — обратился он к ней. — мне приснилось, что вы пропустили передачу.

Радистка вспыхнула и, взглянув на часы, пробормотала:

— Что вы, Борис Захарович!.. Разве я могу?..

По мере того как стрелка подвигалась к цифре «2», конструктора охватывало волнение. Наступал решающий момент. Вот еще несколько минут — и все выяснится. Неужели лаборатория не сможет подняться в стратосферу, не говоря уже о больших высотах?..

Зажужжали моторчики, поползли ленты, похожие на серпантин. Застучали ондуляторы.

— Сколько? — спросил Поярков у Ани, наклонившись всем корпусом над прибором.

Аня молчала, следя за прыгающим пером. Оно только начало отмечать высоту.

Томительной паузой между передачами поползла черная линия. Еще немного...

— Девять километров! — чуть не крикнула Аня и повернулась к Пояркову. — Скоро можно начать испытания по двенадцатому пункту.

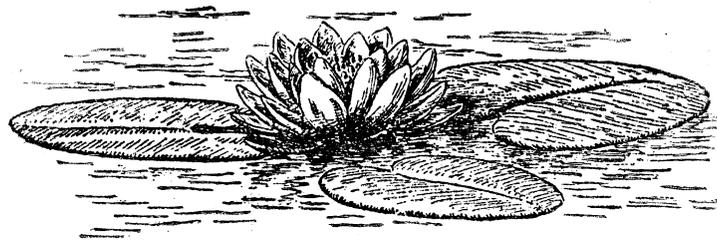
Он облегченно вздохнул и опустился на стул.

— Температура? — быстро спросил Дерябин.

— Минус пятьдесят пять.

(Продолжение следует)





РАСТЕНИЯ-БАРОМЕТРЫ

С каждым годом неуклонно возрастает значение государственной службы погоды. Отечественные метеорологические станции ведут нужную и ответственную работу по изучению погоды в условиях суровой Арктики, на высочайших горных вершинах, среди зеленого океана шетинистой тайги, на лоне привольных степных равнин, убегающих в даль знойных пустынных пространств, в живописных приречных долинах, на побережьях озер и морей. Прогнозы погоды нужны летчикам и агрономам, строителям и мореплавателям; в них заинтересованы и рядовые колхозники, которым надо спланировать сельскохозяйственные работы, и ученые исследователи, участники трудных экспедиций, где успех во многом зависит от погоды.

Иногда случается, что среди дикой природы путешественники лишены возможности пользоваться правильно организованными метеорологическими наблюдениями, не имеют под рукой метеорологических инструментов. Зато в природе встречается немало «живых барометров», которые с успехом предсказывают перемену наступающей погоды. К числу таких естественных барометров относится целый ряд растений, очень чувствительных к изменениям атмосферных условий.

Растительность обширной территории Советского Союза изобилует множеством своеобразных «указчиков погоды». Если, например, цветы растения мокричника раскрылись в 9 часов утра и оставались в таком состоянии до 4 часов пополудни, то следует ожидать хорошей, ясной погоды; закрытые после 9 часов утра цветы мокричника указывают на приближение дождя. По заливному лугам, сырým и болотистым низменностям растет сердечник луговой. Кисти белых и лиловых цветов сердечника распускаются поздней весной. Обычно эти цветы поникают перед наступлением ненастья, а также на ночь. Возможно вызвать искусственное поникание цветов сердечника и в хорошую погоду, для этого стоит лишь сильно встряхнуть стебель рукой или ударить палочкой.



Сердечник луговой. Цветы сердечника лугового поникают перед наступлением ненастья, а также на ночь.



Мокричник. Закрытые после девяти утра цветы мокричника указывают на приближение дождя.

Среди степных просторов южной и юго-восточной части Советского Союза встречается стелющийся по земле подмаренник. Его мелкие желтые цветочки в значительной степени усиливают свой приятный запах перед пасмурной погодой. Такой же способностью обладают цветы сирени черемухи, лоха серебристого и многих декоративных растений.

К числу растительных барометров следует отнести крупные цветы белой кувшинки; в дождливый или пасмурный день цветы кувшинки закрываются. Подобное явление происходит с голубыми цветами дикого цикория, желтыми соцветиями-корзинками одуванчиков и некоторыми другими растениями из семейства сложноцветных.

Вблизи человеческого жилья, среди тенистых сорняков водится чистотел, цветущий в течение всего лета, начиная с мая месяца. Перед наступлением дождливой погоды цветочные венчики чистотела заметно поникают. На широких пальчатораздельных листьях конского каштана, завезенного к нам с Балканского полуострова, приближение периода длительных дождей сопровождается обильным выделением особой клейкой жидкости.

У заячьей, или обыкновенной, кислицы, часто растущей в затененных ельниках, листья складываются перед наступлением неблагоприятной погоды и на ночь. Растение это как бы «засыпает», чем предохраняет себя от излишней потери тепла во время ночного понижения температуры или в ненастье. Иногда заячью кислицу пересаживают в цветочные вазоны и ставят в комнате на тенистых окнах, где растение используется как своеобразный барометр, заранее показывающий изменения погоды. Подобным образом ведет себя и красный луговой клевер: в пасмурные дни перед дождем и ночью он тщательно складывает свои листочки. У сорняка — лесной крупки, частого спутника лугов и полей, соцветия обыкновенно повисают в дождливую холодную погоду и с наступлением вечерней прохлады.



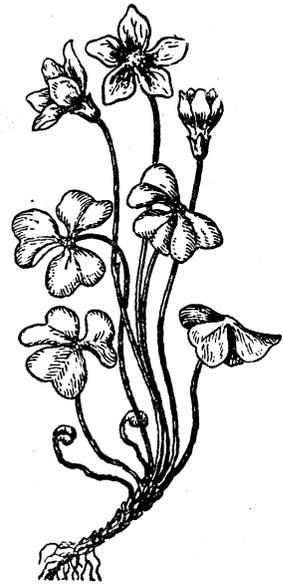
Чистотел. Перед наступлением дождливой погоды цветочные венчики чистотела заметно поникают.

Даже семена некоторых растений указывают на изменение погоды. На влажных лугах произрастают красивые синие цветы болотных и луговых гераней (журавельников). Их семена вызревают в коробочках с зубчиками, похожих на журавлинный клюв. В дождливую погоду зубчики коробочки всегда закрываются, что предохраняет семена от вредно действующей повышенной влажности воздуха.

В старинных индусских книгах сохранилось предание о растении, вертящем своими листьями до самой смерти. Долгое время это растение считалось фантастическим вымыслом. Но после длительных поисков ученые-ботаники действительно нашли его.

В тропиках знойной Индии, по низменным сырým берегам реки

Ганга, растет интересный кустарник из семейства мотыльковых, так называемый десмодиум. Листья у этого растения тройные: средний — крупный, а два боковых — маленькие. Оказывается, листья десмодиума днем находятся в беспрестанном движении. Особенно это заметно, когда температура влажного тропического воздуха достигает 22—25 градусов выше нуля. Тогда большой средний лист десмодиума совершает сравнительно медленные движения: он поднимается вверх или снова опускается вниз. В то же время маленькие боковые листочки двигаются гораздо быстрее, описывая полукруги. Они попарно сходятся или расходятся, причем каждое ритмическое движение совершается в промежутки времени от одной до трех минут. В прохладную погоду листочки останавливаются.



Кислица обыкновенная. У заячьей, или обыкновенной, кислицы листья складываются перед наступлением неблагоприятной погоды и на ночь.



Листья клевера лугового перед дождем. В пасмурные дни, перед дождем и ночью красный луговой клевер тщательно складывает свои листочки.

С наступлением вечера движение листьев десмодиума вовсе прекращается, листья его аккуратно складываются для защиты от потери тепла, отчего совершенно меняется внешний вид растения. Движение листьев десмодиума зависит, по видимому, от прогретого тропического воздуха, насыщенного влагой, и степени солнечного освещения. Во время ночного похолодания это растение как бы съживается. Оно уменьшает лучиспускательную поверхность и поэтому охлаждается ночью гораздо в меньшей степени, чем в теплое время суток.

Государственным издательством географической литературы выпущена книга Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Крашенинников — современник М. В. Ломоносова, один из первых русских ученых, академик. Работа Крашенинникова о Камчатке считается одним из первых опытов крупной комплексной географической монографии и вместе с тем одним из наиболее блестящих трудов мировой географической литературы.

Тем же издательством выпущена книга Л. Чуковской «Н. Н. Миклухо-Маклай», посвященная жизни и открытиям знаменитого русского путешественника.

★

Сельхозгизом издана книга А. Молодчикова «Как человек переделывает природу растений». В книге рассказывается о работах К. А. Тимирязева, И. В. Мичурина, Л. Бербанка, Т. Д. Лысенко и других ученых. Другую книгу того же автора «Преобразователи природы» (о работах И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко) выпустил Госкультпрофиздат.

★

В Сельхозгизе вышел первый том избранных сочинений К. А. Тимирязева. В этот том входят статьи, лекции и научные исследования,



собранные под общим заглавием «Солнце, жизнь и хлорофилл». Во второй том войдут общедоступные лекции Тимирязева по вопросам земледелия и физиологии растений, в третий — «Жизнь растений» и в четвертый — статьи под общим заглавием «Чарлз Дарвин и его учение».

★

Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР готовится к печати третий и последний том капитального труда «История народов Узбекистана». Общий объем этого труда — том первый, второй и третий — составит около ста печатных листов.

Вышли в свет первые пятьдесят тысяч экземпляров I тома Историко-географического атласа СССР. Том этот содержит данные до XVII столетия включительно. Всего будет издано три тома атласа, доведенного до наших дней. Издание такого типа осуществляется впервые в истории картографии.

Вышли из печати первые листы «Советского морского атласа» — «Английский канал» (Ламанш), «Средиземное море», «Фарерские острова» и некоторые другие. Атлас этот является самым крупным советским изданием по картографии морей и океанов мира.

★

В издании Гостехиздата вышел труд академика В. А. Обручева «Происхождение гор и материков», знакомящий читателя с геологическим строением гор, образованием материков и разнообразием представляемых ими форм.

★

Тихоокеанским институтом рыбного хозяйства и океанографии выпущена в свет книга М. М. Слепцова «Гиганты океана». Это книга о китах, водящихся в дальневосточных морях и в водах Антарктики, а также об истории китобойного промысла в нашей стране.



Двести лет назад в тогдашнем Санкт-Петербурге начала работать химическая лаборатория, основанная Ломоносовым. По существу, это была первая в России научная химическая лаборатория. В предшествующей ей химической лаборатории, открытой в 1720 году Петром I, производились только испытания строительных материалов и опробывались руды. Научно-исследовательские работы в области химии там не производились. Лаборатория Ломоносова было суждено восполнить этот недостаток. Хлопоты об открытии лаборатории Ломоносов начал еще в 1745 году.

В первую очередь Ломоносов решил лабораторным путем проверить закон сохранения материи, который ему удалось экспериментально обосновать. Опыты подтвердили правильность этого закона. Ломоносов сформулировал его за 41 год до Лавуазье, которому он неправильно приписывается в западной науке.

В своей лаборатории Ломоносов разработал и основал как науку физическую химию, сделав это за 134 года до Оствальда, которому это раньше приписывалось.

Много различных работ, имевших большое значение для отечественной науки и промышленности, было осуществлено в лаборатории Ломоносова. Они зачастую выходили далеко за пределы химии, затрагивая геологию, металлургию, оптику. Здесь было разработано свыше 70 составов фарфора, производились опыты по составлению неорганических красок, раскрыт секрет изготовления «смазлы» — цветных стекол для мозаики, секрет которых в течение столетий ревностно оберегался итальянцами.

Музей М. В. Ломоносова открыт в помещении бывшей петровской Кунсткамеры, в библиотеке, обсерватории и физическом кабинете которой великий ученый обычно работал.

В музее представлены предметы, сохранившиеся от бывшей лаборатории Ломоносова, и другие вещи, связанные с его жизнью и деятельностью. В башне, где находится музей, установлен большой академический глобус.

Этот глобус был построен при участии М. В. Ломоносова и до войны хранился в Пушкине. Немецкие грабители увезли его в Любек. Там он и был обнаружен советскими войсками, а затем возвращен в Ленинград. Диаметр глобуса — 3,3 метра.

Особый отдел музея — «Ломоносов и современность» — посвящен той работе, которая проводится в СССР по увековечению памяти великого русского ученого и по дальнейшей разработке его научного наследия.

Музей открыт в торжественной обстановке. За тем же круглым столом, за которым происходили конференции академиков дней Ломоносова, собрались виднейшие советские ученые во главе с президентом Академии наук СССР С. И. Вавиловым, который в своей речи охарактеризовал выдающуюся роль Ломоносова как основоположника русской науки.



Наши зеленые друзья

Дуб

Каждый, кто бывал в Ленинграде и бродил по улицам города, мог без особого труда увидеть за металлической оградой огромные деревья с толстыми стволами и извилистыми кряжистыми сучьями. Любуясь этими красивыми дубами, мало кто задумывается над тем, что они посажены здесь Петром Первым в то время, когда закладывался и сам город. И вот уже третье столетие эти деревья украшают Ленинград.

Дуб, пожалуй, одно из наиболее долговечных деревьев. Большинство дубов живет по пять-шесть столетий, а отдельные экземпляры доживают до тысячи и больше лет.

Развивается дуб очень медленно. На открытом месте под влиянием света у дуба появляется склонность куститься. Поэтому он хорошо растет вверх в том случае, если его со всех сторон окружают другие, но более низкорослые породы деревьев, как, например, ясень или клен. Затененный с боков и с верхушкой, устремленной к солнцу, дуб настойчиво тянется вверх, и нередко его высота достигает сорока метров.

Весной дуб распускается на две-три недели позже, чем большинство других лиственных деревьев. В пятидесятилетнем возрасте дуб начинает цвести. Из цветков после опыления образуются жолуди.

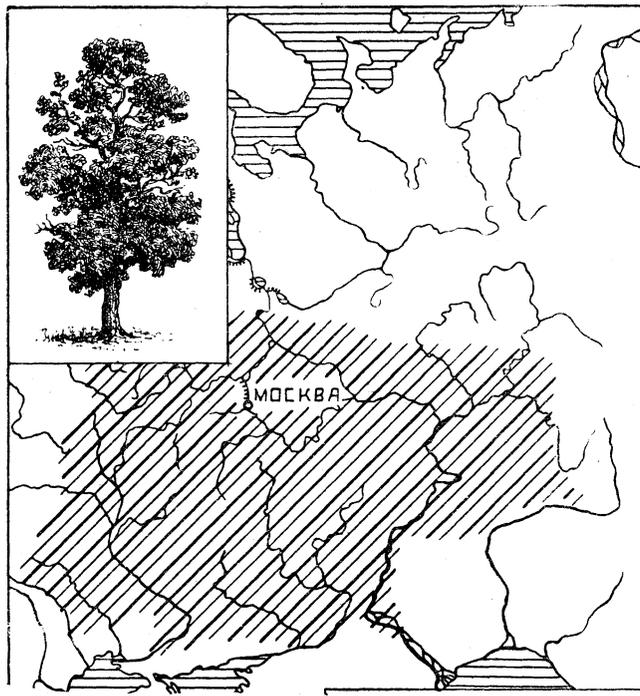
Дуб очень ценная порода. Его древесина, пропитанная дубильными веществами, весьма прочна и не подвержена гниению. Поэтому дуб находит широкое применение в строительных и различных поделочных работах.

В СССР имеется 19 видов дуба. Зимой в одном и том же лесу можно увидеть дубы, одни из которых стоят совершенно обнаженными, а на других прочно держатся и шелестят на ветру засохшие желтые листья. Первые дубы относятся к разряду летних. У них рано распускаются красноватые листья и осенью опадают, а вторые известны, как зимние, у которых желтая листва держится всю зиму.

На Кавказе встречается пробковый дуб с непадающими вечнозелеными листьями. С этого дуба через каждые десять лет снимают слой пробковой коры толщиной в три сантиметра, которая затем идет для изготовления спасательных поясов, шлемов.

По великому сталинскому плану переделки природы нашей родины в списке древесных пород, намеченных к посадке для создания полей защитных полос в степных и лесостепных районах, дуб стоит на первом месте.

На карте косой штриховкой показано распространение дуба в Европейской части СССР.



РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XVIII ВЕКА

Э. М. МУРЗАЕВ,

старший научный сотрудник Института географии
Академии наук СССР

В выпускаемой Географгизом серии «Русские путешественники» чаще всего можно увидеть книжки, рассказывающие о жизни и работах прославленных русских путешественников. Здесь мы найдем Н. А. Северцева, И. В. Мушкетова, Г. Н. Потанина, В. А. Обручева, П. К. Козлова и других, чьи работы пользуются широкой известностью.

Выпустив новую книжку Н. Г. Фрадкина «Путешествия И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева»¹, издательство начина-

ет издавать книжки Российской Академии наук, а впоследствии академики: Иван Иванович Лепехин, Николай Яковлевич Озерецковский и Василий Федорович Зуев. В их биографиях, в трудах и исканиях, в путешествиях и научных интересах много общего. Они современники Петра Палласа, а старший из них — Лепехин — был учеником гениального Михаила Ломоносова и Степана Крашенинникова, знаменитого исследователя Камчатки. Все трое были «из простого люда» и только благодаря собственным талантам, трудолюбию и преданности к науке выросли в больших ученых и академиков.

«Солдатский сын» по происхождению, Иван Лепехин был в 1751 году определен в академическую гимназию. Здесь будущий путешественник изучает науки «натуральной истории», к которой он «чувствовал особливую склонность», а также латинский, французский языки, широко занимается химией, физиологией, ботаникой, зоологией.

В 1768 году Академия наук посылает ряд экспедиций в различные районы России, окраины которой были очень мало известны. Эти русские экспедиции XVIII века — грандиозное (по тем временам) географическое предприятие, не знавшее равного в других государствах и давшее плоды исключительной ценности.

Оренбургский отряд этой экспедиции был поручен Ивану Лепехину, тогда еще совсем молодому ученому. Названия отрядов отнюдь не говорили о районе исследования, — они только указывали, куда держит первый свой маршрут тот или иной путешественник.

Инструкцию для работы отрядов составлял Ломоносов, ратовавший за развитие географических наук и изучение России. В 1764 году Михайло Васильевич писал: «Сколько происходит пользы от географии человеческого роду, о том всяк, имеющий понятие о всенародных прибытках, удобно рассудить может. Единое представление положе-

ния государств, а особливо своего отечества, производит в сердце великое удовольствие».

Иван Лепехин начинает свой путь в возрасте 28 лет. Его помощнику, Николаю Озерецковскому, минуло только 18 лет. Путешествие этих двух исследователей длилось четыре года. За это время путешественники побывали на Волге, посетили северное побережье Каспийского моря, поднялись по реке Яик (Урал) до Оренбурга, отсюда прошли к Уральским горам и на востоке дошли до Тюмени. Затем через вятские места отправились к коми-зырянам и спустились по Северной Двине к Белому морю. Обследовали берега этого моря, бродили на Канином полуострове и через Онегу и Онежское и Ладожское озера вернулись в Петербург.



И. И. Лепехин.

В отчете Лепехина, названном «Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства», содержатся описания пути, найденных растений и животных; здесь есть материалы по хозяйству и этнографии народов, населяющих окраины Европейской части России. Разносторонний наблюдатель, Лепехин описывает и добычу соли на озере Эльтон, и повадки сайги, этой редкой степной антилопы, тогда обычной на юге нашей страны, и природу Соловецких островов в Белом море. Посетив родину Ломоносова, Лепехин собирает биографический материал о его ранних годах, что особенно важно подчеркнуть, так как сам Лепехин знал Ломоносова и память о нем была еще жива в родных местах. Анализируя безлесьность тундр, Лепехин справедливо замечает, что причина этого явления в действии холодных морских ветров, «которые воспрепятствуют распространяться сучьям и вершинам нежной лиственницы, словно хлебные колосья, холодом своим побивают».

Много мыслей, теперь известных каждому школьнику, но в то время



ет уделять внимание и другим, менее известным труженикам русской науки.

К таким именно ученым относятся три путешественника, воспитан-

¹ Н. Г. Фрадкин, Путешествия И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева. Серия «Русские путешественники». Москва, Огиз, Издательство географической литературы, 1948, стр. 94, цена 1 р. 45 к.

новых и по-своему дерзких, высказывает Лепехин, наблюдая природу. На Урале путешественник видит доказательство, что горы меняются и, разрушаясь, могут превратиться в долины. На Волге он находит морские раковины в береговых обрывах, по поводу чего делает следующую интересную запись: «тесные пределы моего ума не позволяют мне проникнуть в глубочайшую и первостатейную древность сих на волжских берегах иноплеменников...» Действием грунтовых вод правильно объясняет Лепехин образование уральских пещер, тогда как в то время считали, что созданы они человеком.

Одежда, ремесла, земледелие, обряды, языки, поселения волжских, уральских и северных народов изучаются и описываются нашим путешественником. По мнению Лепехина, надо на Урале искать каменный уголь и развивать промышленность, сохраняя леса. Много полезных ископаемых открывает здесь внимательный путешественник и радуется им как истый патриот. Путешественник доказывает, что можно не только использовать полезные ископаемые, но и изменить растения, условия цветения и плодоношения, если разумно, с пониманием природы растений и географической среды, подойти к этой работе.

В рассуждениях Лепехина о взаимосвязях между климатом и растительностью Н. Г. Фрадкин справедливо видит первую в литературе попытку сказать о географических зонах земного шара в целом, учение о которых позже блестяще разработали наши географы.

С 1771 года Иван Лепехин избирается академиком и еще усерднее работает над вопросами «натуральной истории».

«...Я много путешествовал... чтобы чему-нибудь научиться». Такими словами Николая Яковлевича Озерецковского открывает Н. Г. Фрадкин второй очерк в своей книге.

Озерецковский — ученик И. И. Лепехина — продолжал творческий путь своего учителя и на этом славном пути преуспел в науках и путешествиях. Он проделал большой маршрут с Оренбургским отрядом академической экспедиции, в которой совершал самостоятельные большие экскурсии, особенно в Поморье и по побережью Кольского полуострова. В 1773 году, после окончания работ на Севере, он вместе с Лепехиным путешествует по Белоруссии и в прибалтийских странах. После возвращения из заграничной поездки он избирается адъюнктом, а в 1781 году — академиком.

Пройдя хорошую школу Лепехина, Озерецковский удивляет своими широкими научными интересами, поразительными по своему разнообразию, что вообще было присуще энциклопедистам XVIII века. На четверть века пережил он своего учителя и до глубокой старости путешествовал. Он оставил нам интересные исследования северных больших

озер Европейской части России: Онежского, Ладожского, Ильменя, Селигера. Автор книги считает не случайной любовь Озерецковского к озерам. Озерецковский родился и провел свое детство в селе Озерецком, между Клязьмой и Яхромой, в 30 километрах от Москвы, где выделяются три живописных озера: Нерское, Долгое и Круглое. Здесь полюбил озера маленький Николай, будущий первый русский лимнолог.



Н. Я. Озерецковский.

Прямой и резкий в суждениях, Н. Я. Озерецковский возражал против иностранного засилья в Российской Академии наук. Он страстно протестовал против установившихся порядков в Академии, где русский язык почти не применялся; преклонение перед западноевропейской наукой считалось первой добродетелью. По этому поводу ученый пишет: «По сие время в Российской Академии Наук не токмо труды академиком, но и самые даже записки ее заседаний пишутся на иностранных языках, как будто бы Академия для иностранцев была основана. Очевидная польза требует, чтобы сие отменено было... всякий чужестранец, пища не на русском языке, сообщает свои труды не России собственно, но тому государству, на языке которого пишет...»

Умер Н. Я. Озерецковский в возрасте 76 лет в 1827 году.

Василий Федорович Зуев — третий ученый-путешественник, получивший характеристику в книге Н. Г. Фрадкина. Подобно Лепехину, Зуев — солдатский сын, подобно Озерецковскому, он сотрудник Оренбургского отряда академической экспедиции. Но Василий Зуев путешествовал в академической экспедиции не с Лепехиным, а со знаменитым натуралистом Палласом.

Когда Зуеву исполнилось только шестнадцать лет, Паллас посылает его в самостоятельный маршрут из Челябинска к берегам Северного Ледовитого океана, на Обскую губу.

Юноша едет в этот дальний и трудный маршрут и описывает весь путь и город Березов, где он встретил северную весну. На лодке по Оби спустился путешественник к Обдорску, откуда сухим путем по тундрам отправился дальше, пересек Урал и вышел к Карской губе. Зуев был первым путешественником, прошедшим Полярный Урал. После встречи в Красноярске с Палласом Зуев отправляется вниз по Енисею и опускается по этой реке много ниже Туруханска.

Паллас высоко оценил труды Зуева и широко использовал его дневники в своем известном сочинении «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Из Петербурга также получено было известие, что «студентом Зуевым академия весьма довольна».

Крупный труд путешественника назван им «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов — остяков и самоедов». Судьба этого труда печальна. Он не увидел света ни при жизни автора, ни в первые годы после его смерти. 160 лет труд Зуева лежал в архиве Академии наук, и только в наше время исправлена эта историческая несправедливость. В 1947 году работа была опубликована.

Этнографическая характеристика народов Обского севера сделана молодым Зуевым умело и просто. В ней много ярких картин. Путешественник восторгается северным светлым летом, его красками: «Сколько скудная сия страна во всю зиму, — так что и описать нельзя. — столь, напротив того, весело в ей жить от весны до глубокой осени, так что изобразить невозможно...»

Не только север Сибири ismeren любознательным путешественником. Он побывал на Алтае, а в 1781 году отправляется в большой и самостоятельный маршрут на юг России, в Причерноморье. Он посещает Харьков, Херсон, Крым, Азовское море, Киев. В результате этого путешествия Зуев напечатал книгу «Путешественные записки от Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.»

Интересные наблюдения провел Зуев. Он рассказывает о богатых хлебах юга России и о том, что некогда великие леса простирались здесь, но помещики хищнически рубили лес, стараясь расширить пашни, и потому в Курской губернии уже мало сохранилось леса. Тяжелое положение русских крестьян, закрепощенных помещиками, не проходит мимо внимания Зуева, который весьма интересуется вопросами социальной жизни, развития промыслов и хлебопашества.

Зуев был русским самобытным ученым. Он так же, как и Озерецковский, протестовал против засилья иностранцев в тогдашней Академии. Свои донесения, письма, отчеты писал он на русском языке, за что получал выговоры. Этикет требовал писать по-французски, по-немецки, по-латыни, чего Зуев делать не хо-

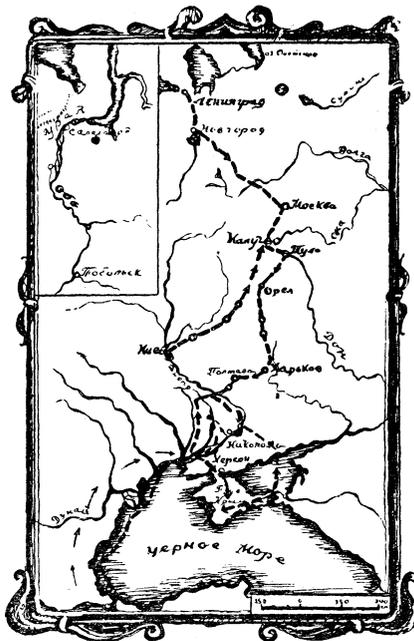
тел, хотя эти языки прекрасно были известны нашему путешественнику. Долго не получал Зуев звания академика. В 1784 году его даже исключили с академической службы, но заступничество Палласа спасло непокорного ученого.

Василий Федорович Зуев умер молодым человеком, ему было только 40 лет (1794 г.), но за этот короткий жизненный путь ученый много успел сделать, много оставить трудов, дошедших до нас. В этих трудах мы видим автора — скромного патриота своей страны, друга народа, умного и культурного человека, возмущающегося несправедливостью, насилием, невежеством. Чистый и честный голос Зуева доносится до нас с пожелтевших страниц старинных книг и рукописей.

Таково краткое содержание книжки Н. Г. Фрадкина. Перед автором стояла нелегкая задача воскресить перед современным читателем образы трех русских ученых-путешественников XVIII века, подойти объективно к результатам их деятельности с точки зрения требований, предъявляемых состоянием науки того времени, и оценить их труды с точки зрения нашего времени. Нужно сказать, что Н. Г. Фрадкин очень хорошо справился со своей задачей.

Конечно, автор не ограничился показом только путешествий трех ученых. Книжка рассказывает также о жизни и трудах академиков, их исканиях и характерах. В лаконичных отрывках перед читателями воскресают портреты ученых: трудолюбивый Лепехин, точный и несколько суховатый Озерецковский, молодой, скромный Зуев.

Большой заслугой автора следует признать умение сочетать краткость изложения с широким показом общественной жизни того времени. Современники или близкие предшественники трех академиков — Ломоносов, Карамзин, Паллас, Гмелин, Рычков (автор «Оренбургской топографии») и другие — проходят в описании Фрадкина как части одного органического целого. Деловито, со знанием истории вопросов



Карта маршрутов В. Ф. Зуева.

и в то же время с уважением и благодарностью к предшественникам-географам, автор проводит параллели между состоянием научных знаний в XVIII столетии и теперь. Это хорошо удалось ему сделать, например, в анализе рассуждений Лепехина об общей картине природы земного шара в связи с современным представлением о географических зонах.

Книга написана хорошим ровным языком. Автор часто приводит цитаты из сочинений Лепехина, Озерецковского, Зуева. Язык XVIII века, конечно, несколько отличается от современного, но все же легко нам понятен. Цитаты украшают текст и дают конкретное представление о «Путешественных записках», о манере письма и в известной степени о методике работ.

Кажется, что и выбор трех академиков сделан автором удачно. Все они жили и работали в одно

время. Лепехин и Озерецковский — учитель и ученик и большие друзья. Мы видели, что судьба Озерецковского и Зуева в общем одна, жизненные пути их тесно переплетались. Все трое были овеяны принципами и идеями Ломоносова и Крашенинникова. Было бы целесообразно в серии «Русские путешественники» показать и других ученых XVIII и начала XIX века: мы о них очень мало знаем, а между тем сколько интересного и поучительного можно было бы почерпнуть из рассказов о русских ученых-путешественниках этого времени!

Какие упреки можно поставить автору? Их немного. В книжке указано много дат, даже излишне много, но тщетно искать, например, дату рождения Н. Я. Озерецковского (1750).

К каждому очерку приложены карты маршрутов. Это хорошо. Но почему-то на карте путей В. Ф. Зуева совершенно не указаны маршруты, проделанные им по Сибири, а приводится только линия путешествия в Причерноморье.

Подробнее всех рассказано о Лепехине. Это понятно. Лепехин, пожалуй, самая яркая фигура, и его труды имеют большее значение для географов и истории русского землеведения, чем труды Озерецковского и Зуева. Менее оправданной кажется излишняя скудость в описании путешествий и исследований Озерецковского, прожившего долго и познавшего развитие географической науки в XIX веке, когда уже были осуществлены первые русские кругосветные плавания. Еще при жизни Озерецковского написал свои знаменитые исследования Федор Петрович Литке, будущий президент Русского географического общества.

Н. Г. Фрадкин написал нужную книгу. Читая ее, испытываешь чувство гордости за русскую географическую науку, уже в XVIII веке выдвинувшую таких людей, как Ломоносов и Крашенинников и их последователи: И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский и В. Ф. Зуев.

ХОРОШО ЛИ ВЫ ЗНАЕТЕ КАРТУ СВОЕЙ РОДИНЫ?

ОТВЕТЫ К СЕРИИ ВОПРОСОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 2

1. Остров Сахалин.
2. Остров Сахалин омывается Охотским и Японским морями.
3. Капитан русского военного корабля «Байкал» Геннадий Иванович Невельской в 1849 году установил неправильность утверждений мореплавателей Лаперуза, Браутона и др., которые доказывали существование перешейка, якобы соединяющего Сахалин с материком.
4. На снимке изображена сахалинская береза, заснятая в тихий, безветренный день. Благодаря сильным постоянным ветрам, свирепствующим на Сахалине, березы принимают такую необычайную форму.

II

1. Самый длинный канал на земном шаре — это Беломорско-Балтийский канал имени Сталина.
2. Водный путь из Балтийского в Белое море раньше лежал вокруг Скандинавии и равнялся почти 5 тысячам километров. Благодаря

Беломорско-Балтийскому каналу имени Сталина этот путь стал для наших судов в четыре раза короче.

III

1. Большой Ферганский канал имени Сталина.
2. Канал проходит через районы Узбекской, Таджикской и Киргизской союзных республик.
3. Работы по прорытию канала велись методами народной стройки, в которой принимало участие более 160 тысяч колхозников.

IV

1. Апшеронский полуостров. На нем находится основная база нефтепромышленности СССР — Бакинский нефтяной район.
2. Порт Баку в Биби-Эйбатской бухте.
3. Остров Артема.
4. Шахова коса.

ИЗ РУССКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТАРИНЫ

УЧЕНИКИ НАВИГАЦКОЙ ШКОЛЫ

Вот она лежит передо мною, маленькая книжечка на серой, неровно обрезанной бумаге. Ей двести тридцать девять лет. Это первый напечатанный в России учебник географии. На заглавном листе его значится: «География или краткое земного круга описание: напечатано повелением царского величества в типографии московской. Лета 1710-го в месяце марте».

Здесь собраны самые последние (по тому времени) сведения «о круге земном, и разделении всех частей его, которые государства в каждой части обретаются и каждого государства пределы, величина, с кем смежны, сила богатства, доходы и прочая».

Книга эта предназначалась для обучения географии воспитанников первого созданного Петром специального училища.

В те годы Россия особенно нуждалась в людях, не только владеющих грамотой (которой обучали в духовных школах), но и знакомых с основами геометрии, тригонометрии, топографии, геодезии, астрономии, географии и навигации.

14 января 1701 года был подписан указ об учреждении в Москве Школы математических и навигацких наук, под которую отводились помещения в Сухаревой башне. По мысли Петра, эта школа должна была выпускать не только образованных моряков, но и подготавливать специалистов для различных отраслей промышленности.

В Навигацкую школу решено было набирать юношей до 20 лет и старше — детей бояр, дворян, служилых людей.

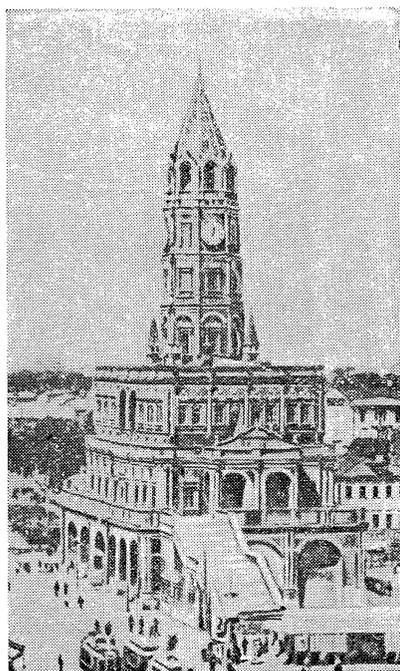
Определенного срока пребывания в Навигацкой школе не устанавливалось. Каждый воспитанник должен был учиться до тех пор, пока не овладеет всеми предметами и не получит диплома. На его место немедленно принимали другого, с

тем чтобы число воспитанников всегда равнялось пятистам.

Учащиеся школы получали «кормовые деньги», то есть стипендии.

Первое время молодежь с трудом подчинялась непривычному режиму, но с каждым годом крепла дисциплина, все меньше оставалось в школе неуспевающих и прогульщиков.

За пятнадцать лет своего существования школа принесла огромную пользу. Благодаря ей были созданы кадры русских морских офицеров. Почти все русские топографы, архитекторы, артиллеристы, инженеры, горные мастера и другие специалисты также были в те времена воспитанниками Школы математических и навигацких наук.



И следует особо отметить, что все они, судя по отзывам современников, отлично знали географию, и притом в значительно большем объеме, чем многие «просвещенные иностранцы», приезжавшие в Россию по приглашению Петра.

Из всех учебников Навигацкой школы учебник географии был наиболее удачным как по живости изложения, так и по ясности и краткости формулировок.

Воспитанники Навигацкой школы с первых страниц этого учебника получали сведения о форме Земли, о градусной сетке, об экваторе и полюсах: «Сей же круг нарицается (называется) неквадор или равнитель», потому что «весь круг земный на две части делит, едину к северу, другую же к югу», «по концам тех же обеих частей суть два полюса или оси мира, между ними же весь круг земной содержится».

О градусной сетке говорится так: «Состояние (расположение) же земель аще (если) кто прилежно хочет разумети, подобает (следует) ему знати градусы или степени по долготе и по широте. Широту считаем от высоты полюса или оси мира, от равнителя к северу или югу, до девяносты (девяносто). Долготу же считаем от меридиана, проходящего через гору на острове Tenerifском до востока и далее к западу, разделяя круг земной на триста шестьдесят градусов».

Весь земной шар по учебнику делится на две части «едину именуемую древнюю, в ней же три части (света) обретаются» — Европа, Азия и Африка.

«Во второй же находится недавно открытая Новая часть света или Новый Свет».

Автор подробно описывает все четыре части света. Об Австралии сказано немного, потому что «в тех недавних, прежде лет четыре-

десяти, плаванием корабельным изобретоша».

В учебнике содержались сведения о следующих европейских государствах: Испании, Франции, Италии, Нидерландах, Дании, Швеции, Польше, Англии, Венгрии, государстве цезарском и татарах крымских.

Описывались в учебнике и азиатские страны: Турция, Персия, «народы степные» (монголы, калмыки, киргизы и пр.), Китай, Индия, «острова индейские» (Цейлон, Суматра и др.).

В Африке: «страна варварская», Египет, Ефиопия.

В Америке: Новая Испания, Флорида, Перу, Чили, Бразилия.

В главе об Африке сказано: «Сия часть — Африка лежит к югу, окружена со всех стран морями: окيانом и белым (так называли тогда Средиземное море) и черным, токмо во Египте со Азией путем земляным есть привязана».

И далее, рассказав о населяющих Африку народах, автор сообщает, что «сия часть (света) издает во Европу золото, слоновые зубы, сахар, инбирь, финики».

Довольно подробна глава первого учебника по географии, посвященная четвертой части света — Америке.

«Сия часть Америка от прочих трех частей, морем окيانом отделися, и ради (благодаря) неискусного плавания древних неведома была народам наших стран».

Рассказав о злоключениях «Христофора Колумбуса», «безвинно оклеветанну бывша, и во оковах королю гишпанскому отвезену», автор учебника сообщает, что вслед за Колумбом был «послан некто Америкус (Америго Веспуччи), иже самую страну америтскую обрете и именем своим Америкой назвав».

Из этого учебника школьник

узнавал, что Америка делится на две части «едина к северу, другая же к югу».

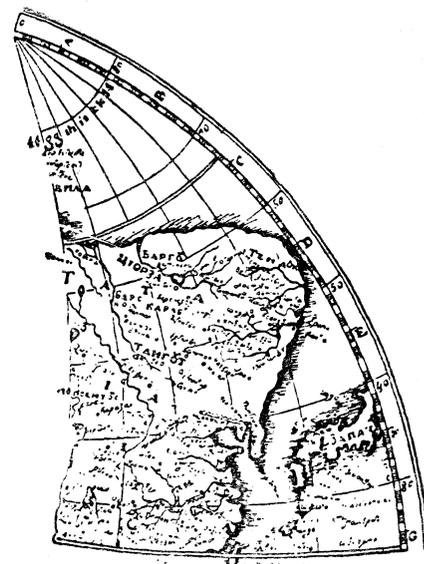
В числе стран, находившихся в Северной Америке, автор приводит «Гишпанию Новую», о которой говорит: «Гишпания Новая содержит в себе многие страны и народы их же каждый своим языком глаголет. Столица страны сия есть Мексико, и начальство всех земель америтских, прежде бо пришествия гишпанцев бяше в сем граде семьдесят тысяч домов, но их окуртним мучительством многие разоритесь, и ныне тот град зело изряден, но не таков как прежде был».

Зде живет начальнейший воевода иже управляет все принадлежащие страны америтские, духовенство их имеет начальника архиепископа.

Во странах сих родится золото, серебро, жемчуг, краска коченнила (жюшениль), сера горячая и прочая, жители стран сих пред тем были и ныне многие суть идолопоклонники».

О стране Флориде сообщается: «Флорида есть страна изрядная с прекрасным климатом и всякими, хотя и «странными», но хорошими плодами. «Так же и зверя всякого много: медведи, волки, леопарды, рыси и бобры». В водах Флориды водится множество змей и «коркодилов и прочих ползающих гадин, с которыми жители стран тех не престаную имуть брань (ведут борьбу)».

С большим сочувствием автор учебника пишет о жителях Чили, ведущих неравную борьбу с испанскими колонизаторами. «В сей стране еще жители со гишпанцы войну имут и в подданстве их быти не хотят». Чилийцы, отличаясь храбростью и «презирая», то есть не страшась, «огненного оружия», бросаются «на дым», то есть идут в атаку, и «гишпанцев побеждают». Благодаря этому «малые отсюда



доходы королю гишпанскому собираются».

Первый русский печатный учебник географии резко отличается от древних рукописных «топографий», «космографий» и всяческих «хлуждений» достоверностью сообщаемых фактов. Здесь нет пространных описаний каких-нибудь «блаженных островов», а если и попадаются курьезные с нашей точки зрения сообщения, вроде того, что процитировано нами выше о борьбе населения Флориды со змеями, то они встречаются лишь в единичных случаях и приводятся как примеры, рисующие природу и животный мир той или иной страны, а также быт ее населения.

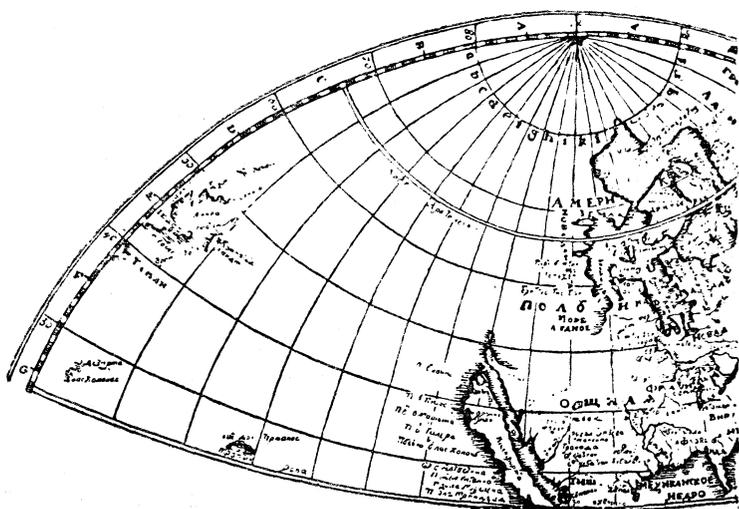
По этому учебнику географию изучали наши первые гидрографы и топографы, вошедшие в историю географической науки под именем «геодезистов».

Окончив курс наук в Навигацкой школе, они отправлялись в отдаленные края нашей родины, где проводили долгие годы, составляя подробные описания этих необжитых тогда районов, делая научные изыскания и снимая подробные карты.

«Геодезистам» приходилось производить работы несовершенными способами, с помощью примитивных инструментов, и поэтому в их трудах можно теперь найти немало ошибок и погрешностей.

Но все эти ошибки являются сущим пустяком по сравнению с той огромной пользой, которую внесли первые «геодезисты», воспитанники Навигацкой школы, в дело познания России, в дело создания первых научно составленных карт нашей родины.

Вл. Якубович





Книга о Докучаеве¹

Летом 1891 года русские крестьяне — жители черноземной полосы России — переживали страшную беду. Небывалая засуха прошла над этой плодородной полосой — житницей страны. Люди голодали, нищенствовали, целыми семьями покидали насиженные места. Царское правительство отмахнулось от народного бедствия, частная же инициатива благотворительных обществ могла оказать голодающим лишь самую ничтожную помощь.

В это тяжелое время вышла в свет замечательная книга. Ее написал профессор В. В. Докучаев, тогда уже крупный ученый, автор выдающегося труда о русском черноземе. Книга называлась «Наши степи прежде и теперь». На обложке ее было помещено изображение стрепета — птицы целинной степи. Это была книга о судьбах русской степи, о способах сохранения ее природного плодородия. В нищей, голодной России один из талантливейших ученых страны указывал пути к реконструкции степного хозяйства, пути борьбы с засухой и достижения устойчивых урожаев. Это не был специальный труд, написанный бесстрастным языком кабинетного ученого. Просто и убедительно книга доказывала, что истинная причина иссушения степей в бесхозяйственном сведении лесов, в росте оврагов, приобретающем характер катастрофы, в утрате почвой ее ценного природного качества — зернистой структуры.

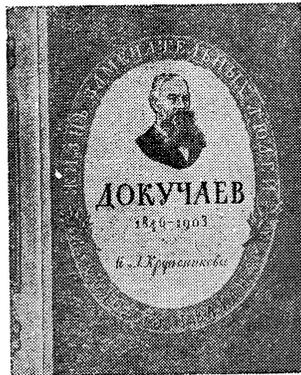
«Никакой, даже самый геркулесовский организм, — писал ученый, — не в состоянии часто переносить таких бедственных случайностей, какая выпала в настоящее время на долю России. Безусловно, должны быть приняты самые энергичные и решительные меры, которые оздоровили бы наш земледельческий организм».

Впервые с такой определенностью и полнотой в этой книге намечались пути реконструкции степей. Докучаев призывал строить водоемы, артезианские колодцы, осуществлять мелиорацию, воздвигать полезательные полосы на степных просторах России. Это была необычайная по глубине и размаху программа преобразования степей, программа, полное и последовательное выполнение которой могло быть по плечу только социалистическому хозяйству.

Но Докучаев не ограничился одним лишь составлением этой про-

граммы. Настойчивость и упорство ученого пробили брешь даже в той стене бюрократического равнодушия, которую царское правительство привыкло заклонять от передовых научных идей. Получив поддержку Лесного департамента, Докучаев создал опытные степные полевые полосы в Каменной степи и в Великом Анадоле, близ берегов Азовского моря и по соседству с родиной А. П. Чехова. Опытные лесные полосы Каменной степи сохранились до наших дней, на их базе создан Институт земледелия Центральной черноземной полосы имени В. В. Докучаева; здесь и сегодня работает коллектив специалистов, возглавляемый молодым советским ученым А. В. Крыловым; не заглохли докучаевские традиции и в Великом Анадоле, где работал ученик Докучаева Т. Н. Высоцкий, сам ставший впоследствии главой целой научной школы.

Вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» книга И. и Л. Крупениковых «Докучаев» представляет едва ли не первый в нашей литературе опыт популярной биографии замечательного русского ученого-патриота, отца науки о почве, составляющей национальную гордость русского естествознания.



Авторам удалось показать многогранность ума Докучаева, оставившего глубокий след в науке, открывшего в ней новые пути. Мы видим путь ученого, сменившего в юности обеспеченное положение стипендиата Духовной академии на полуголодное студенческое существование, его первые опыты в геологических исследованиях, когда в еще юном ученом пробудились интересы к таким проблемам, как осушение болот Полесья, лишь в наше время из мечты становящиеся явью. Докучаев показан в книге как ученый мирового масштаба, указавший путь к повышению плодородия почвы, к познанию почвы как самостоятельного природного тела. Мы видим Докучаева и на полевых работах в разнообразнейших уголках России, и на ученых диспутах, и среди друзей и учеников, в числе которых были такие выдающиеся деятели, как В. И. Вернадский, Н. Сибирцев, А. А. Из-

маильский, А. Воейков. Верный демократическим традициям русской науки, Докучаев был (и эта сторона его деятельности достаточно полно освещена авторами) выдающимся педагогом и пропагандистом достижений передового естествознания. Нельзя без волнения читать страницы книги, рассказывающие о мужественной борьбе уже больного, стареющего Докучаева за передовое агрономическое образование в Ново-Александровском институте, о его смелых выступлениях против вельможного бюрократа, царского чиновника. Однако, изображая в числе виднейших идейных противников Докучаева видного русского агронома П. А. Костычева, авторы так усиленно подчеркивают расхождение между ними, что как бы стирается историческая роль Костычева, чьи работы вошли в принятый советской наукой комплекс Докучаева—Костычева—Вильямса.

Великий ученый, Докучаев был не только создателем русского и мирового почвоведения, но и выдающимся географом. Независимо от зарубежных авторитетов и вопреки им Докучаев создал оригинальное учение о зонах природы, — учение, идеи которого были впервые им сформулированы в «Русском черноземе» и позднее развиты в специальной работе. Рассматривая почву как самостоятельное природное тело, зависящее от «факторов почвообразования», в том числе и от климата, Докучаев пришел к выводу о закономерной связи почв с другими элементами природы. Эти выводы, сделанные Докучаевым, лежат в основе современной «зональной» географии, ведущими представителями которой являются академики Л. С. Берг и А. А. Григорьев — преемники и продолжатели Докучаева. Отстаивая свою точку зрения против попыток уложить явления природы в узкие рамки надуманных и нежизненных схем, В. В. Докучаев писал: «К счастью человечества вообще и великой России в особенности, к счастью для культуры, такого мертвящего, сухого, так сказать, математического, однообразия нет в природе».

Почвоведение и учение о зональности почв, созданные гением Докучаева, — наше, национальное русское научное завоевание. Учение Докучаева полно оптимистической, жизнеутверждающей силы; оно наголову разбивает созданный зарубежными реакционерами от науки миф об «убывающем плодородии почв».

Опираясь на достижения научной агрономии, на комплекс Докучаева — Костычева — Вильямса, наш народ по сталинскому плану создает лесозащитные полосы и водоемы, успешно борется с засухой и переделывает природу, открывая новую эпоху в истории человечества — эпоху коммунизма.

¹ И. и Л. Крупениковы, Докучаев. 1846 — 1903. — М., «Молодая гвардия», 1948. стр. 278, цена 6 р. 50 к. в перепл.

НОВЫЕ КНИГИ

1. «В краю далеко»¹

Так называется новая книга красноярского писателя Н. С. Устиновича, объединяющая повести и рассказы о жизни колхозников-охотников сегодняшней Сибири.

События, описываемые в повестях, относятся ко времени Великой Отечественной войны. Далеко от фронта живут герои книги, но вся жизнь и помыслы этих тружеников глубокого тыла тесно связаны с фронтом. Не из желания разбогатеть или прославиться ищут золото в тайге юный колхозник Сергей Пронин и его дедушка Федотыч. Подарить Красной Армии танк мечтают советские патриоты, и они осуществляют свой благородный замысел, упорно идя к намеченной цели, преодолевая множество преград («Золотая падь»).

Самоотверженно трудится в звероводческом совхозе эвакуированный белорусский школьник Вася Павлов. Потерявший отца и мать, лишившийся родного крова, советский мальчик не чувствует себя одиноким и несчастным. Самый искренний и теплый прием нашел он в гостеприимной семье сибиряка Ивана Даниловича Сизых. В судьбе эвакуированного подростка принимает горячее участие весь совхоз, комсомольская организация села. Заблудившемуся в тайге Васе не дают пропасть колхозники, вышедшие к нему на помощь («В краю далеко»). С большим интересом познакомится читатель с работой звероводческого совхоза, описанного Н. С. Устиновичем в этой повести. Нужную работу проводят энтузиасты своего дела, звероводы, выращивающие новые, ценные породы соболя. Наблюдая за повадками этого умного и ловкого зверька, изучая его привычки и образ жизни, ученые-новаторы вносят полезный вклад в зоологическую науку.

Увлекательной жизнью живет тайга зимой и летом. Настоящие таежные следопыты, сибирские охотники, как по книге, читают по следам на снегу и множеству различных примет историю лесной жизни. Хорошее знание повадок зверей, тонкий слух, умение легко разбираться в следах помогают охотнику выследить и нагнать лося (рассказ «За зверем»), поймать живого соболя («В краю далеко»).

На сотни тысяч километров раскинулась сибирская тайга. Еще совсем недавно «перводанная тишь висела над необъятным краем...» Эту вековую тишину нарушил советский чело-

век. Тайгу прорезала железная дорога; следы деятельности геологов, топографов, географов можно найти в самых глухих уголках сибирских лесов. Об этом повествует небольшая, но надолго запоминающийся рассказ «Конец глухотани».

В рассказах Н. С. Устиновича чувствуется хорошее знание края, тонкое понимание его суровой и величественной природы и животного мира. С неподдельной теплотой описывает автор коренных жителей Сибири, мужественных людей с добрыми и честными сердцами.

Прочтя книгу Н. С. Устиновича, читатель ближе познакомится с «далеким краем» — советской Сибирью.



2. «Сокровища исчезнувших городов»¹

На Дворцовой набережной в Ленинграде, в старинном здании разместились огромный музей истории мировой культуры — Государственный Эрмитаж. Несколькими сот за-

¹ В. Л. Шевченко, Сокровища исчезнувших городов. — Ленинград, Газетно-журнальное и книжное издательство, 1948, цена 4 р. 50 к.

нимает этот музей, более двух миллионов экспонатов хранится в нем. Лучшие памятники искусства всех времен и народов — картины, статуи, художественная посуда, всевозможные монеты, национальные одежды, надгробные памятники — собраны в Эрмитаже.

Огромный труд вложили ученые — археологи, историки, искусствоведы, собирая эти сокровища, реставрируя их, определяя, к какой эпохе они относятся, какому народу принадлежат. Кропотливо разбирая полустертые надписи на древних памятниках, тщательно изучая археологические находки, пролежавшие в земле не одну тысячу лет, советские ученые по кусочкам восстанавливают картины далекого прошлого нашей страны. Так воскресили они интереснейшую историю юга нашей родины — древнего Причерноморья.

Уже ряд лет успешно ведутся раскопки в археологических заповедниках на берегу Черного моря — в окрестностях Севастополя (Херсонес), Керчи (Пантикапей), на Ольвийском городище в устье Буга. Оживленные торговые города — колонии древних греков, основанные в VII—VI веках до н. э., — стояли прежде на местах нынешних раскопок. Сотни тысяч пудов хлеба, рыбы, соль, «живой товар» — рабов — вывозила Греция, а позже и Рим из причерноморских городов-колоний. «Отец истории», ученый грек Геродот так писал о древней Ольвии: город был «большим, многолюдным, прекрасно отстроенным, хорошо укрепленным». Многочисленными археологическими памятниками, найденными на раскопках Ольвийского городища, подтверждаются слова Геродота. С течением времени причерноморские колонии утратили свое значение, часть из них была разорена набегами и войнами, и постепенно города разрушились и опустели.

С историей древнего Причерноморья, с интересной и увлекательной работой археолога читателя ознакомят изданные в 1948 году в Ленинграде записки музейного работника Вл. Шевченко. В них увлекательно рассказывается о раскопках на берегу Черного моря, о большом творческом труде советских археологов, воскрешающих культуру и быт народов, населявших юг нашей родины. Большое место в книге уделено самоотверженной работе советских ученых в суровые годы Великой Отечественной войны. Горячие патриоты своей социалистической отчизны, советские археологи, историки, музейные работники проявили настоящий героизм, бесстрашно спасая от немецко-фашистских варваров сокровища археологических заповедников и музеев страны.

Е. Серебрякова



СОДЕРЖАНИЕ

№ 3 МАРТ 1949



Русский приоритет	2	Э. Мугаев — Русские путешественники XVIII века	58
Ю. Промптов — По Днестру	5	Из русской географической старины	61
Олег Егоров — „Китобои, говорит „Пассати“ Рис. Н. Кондакова	10	В мире книг	
Викторин Попов — В гостях у деминцев.	17	И. Иноземцев — Книга о Докучаеве	63
Ю. Давыдов — В морях и странствиях. Рис. П. Я. Павлинова	21	Хроника. — Письма читателей. — Заметки	
О. Брандио — Ээ Курау в поисках счастья. Рис. В. Алфеевского	29	Накануне пушкинской головицны (9). — Мамонтово дерево (16). — Русские мореплаватели (28). — На парусах по океанам (33). — Растение в борьбе с засухой (46). — Наши вельюные друзья. Дуб. (57).	
А. Оленец-Гнененко — Через Белореченский перевал	34	На обложках рисунки к рассказу «Китобои, говорит Пассати»	
В. Охотников — Пуговинка фиолетовая. Рис. Г. Балашова	39	ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»	
С. Козельский — Бандиты-бизнесмены.	43	Адрес редакции: Москва, Сущевская, 21.	
З. Давыдов — Саамская легенда	47	Тел. Д 3-20-90, доб. 25	
В. Немцов — Рекорд высоты. Рис. К. Арцеулова	48	★	
Растения-барометры	55	Непринятые рукописи не возвращаются	

Редактор И. В. Иноземцев

Члены редакционной коллегии: Д. Л. Арманд, Н. Н. Михайлов, анад. В. А. Обручев, Е. Н. Пральников, Н. А. Солнцев.

Техн. редактор А. Губер

A01314 Подписано в печати 7/III 1949 г. Бумага 60×92¹/₂. 8 печ. листов по 53 тыс. знаков. Тираж 50 000 экз. Цена 6 руб. Зак. 168

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

„ЗАПИСКИ
О МОСКОВСКИХ
ДЕЛАХ“

Четыреста лет назад в Вене вышло первое издание знаменитой книги С. Герберштейна «Записки о московских делах».

Сигизмунд Герберштейн, посол императора Максимилиана и испанского инфанта Фердинанда, посетил Московию в 1517 и 1526 годах. Во время этих поездок он собрал богатейшие сведения для будущей книги. Герберштейн не скрывал, что «Записки о московских делах» были основаны на устных рассказах русских людей — просвещенных «москвитов», с которыми постоянно встречался путешественник.

Григорий Истома, толмач Власий и Дм. Герасимов не раз плавали морем в Данию, обгибая Скандинавский полуостров. Герберштейн записал рассказ Истома о плаваниях в Скандинавию. Князь Семен Курбский, герой похода в Югру, водел русское войско за восточный склон Полярного Урала. В руках у Герберштейна побывал русский «Дорожник», содержащий описание путей в Югру, на Печору и Обь. Эти новые области, занятые С. Курбским, еще не были известны географам Западной Европы. Герберштейн охватил своими описаниями огромные пространства от Белого моря до «Китайского озера» (озера Зайсан), от Дона до новой Югорской страны. Замечательные сведения о Руси и прилегающих к ней странах были сообщены Герберштейну так-



же русскими послами в Испанию князем И. Ярославским-Засекиным и С. Трофимовым (еще в 1525 году ученый Иоганн Фабр записывал их рассказы о Московии). Герберштейн совершил в 1526 году вместе с Ярославским-Засекиным и Трофимовым путь из Вены в Москву.

Книга Герберштейна, вышедшая впервые четыреста лет назад, выдержала много изданий и была не раз переведена на языки народов Европы.



В. В. ВЕРЕЩАГИН

НА ВЕРШИНАХ
ГИМАЛАЕВ



В 1874 году, три четверти века назад, на улицах Бомбея появился высокий бородастый человек, прибывший в Индию через Александрию. Это был знаменитый русский художник Василий Верещагин.

В 1874—1876 годах В. В. Верещагин совершил походы по Индии, Кашмиру, Тибету, Сикхиму. Художнику не раз приходилось подниматься на вершины высотой в 15 тысяч футов. Однажды В. В. Верещагин совершил восхождение на гору Канчянга (28 тысяч футов). Подъем был таким трудным, что проводники отказались его сопровождать.

На заоблачных вершинах Гималаев, недалеко от Дарджилинга, художник писал картины

солнечного заката. В. В. Верещагин посетил высокогорную страну Ладак, родину огромных роз, доходил до соленых озер Западного Тибета.

Путешественник собирал этнографические коллекции, образцы тибетской живописи, изваяния, шкурки гималайских орлов, оружие тибетцев и индусов. Из Индии и Тибета В. В. Верещагин вывез множество рисунков и набросков к будущим картинам.

Художник-гуманист на основе индийских впечатлений написал в числе своих полотен известную картину «Английская казна в Индии», на которой с негодованием изобразил смертников, привязанных англичанами к дулам пушек.



ГОРОД ДАЛЬНИЙ

Пятьдесят лет назад, в 1899 году, было начато строительство русского города Дальнего на берегу Желтого моря. Место под застройку было выбрано близ Старого Талиенванского залива.

В Дальнем было намечено за счет государственных средств выстроить дома, разбить сады и парки, продолжить сеть электрического освещения, провести водопровод, устроить канализацию. В Дальнем также строились огромный железнодорожный вокзал, промышленные предприятия. Лес для постройки Дальнего доставлялся в огромном количестве с острова Сахалина. В 1903 году первые электрические огни за-

горелись над водами Талиенванского залива. Дальний вмещал тогда уже до 50 тысяч жителей. К тому времени были отстроены административная часть города, Торговый город, склады, рынки, магазины, возведены здания центральных улиц, мощенных камнем. 23 февраля 1903 года на станцию Дальний пришел первый поезд-экспресс, и в тот же день от набережной отвалили два корабля-экспресса «Маньчжуря» и «Монголия». Тринадцать суток пути отделяли Москву от Дальнего.

Пятьдесят лет назад русские исследователи стали изучать новый край. Врач Крюков начал в Дальнем свои многолетние метеорологические наблюдения.

Д. И.
ЗАВАЛИШИН
В
КАЛИФОРНИИ

В 1824 году, 125 лет назад, участник кругосветного плавания на корабле «Крейсер» морской офицер Дмитрий Завалишин посетил Аляску и Калифорнию.

В то время русские зверобой из форта Росс успешно добывали морские бобры вдоль побережья Калифорнии до Монтерей и Сан-Педро, открывали железные руды на реке Славянке (теперь Американская река). Д. И. Завалишин подробно изучил Калифорнию, ее производительные силы. Он мечтал превратить ее в «Землю Свободы». В записной книжке Д. И. Завалишина появились тогда такие строки:

«...укрепить северный берег пролива в порте Сан-Франциско, отыскать камень в пролине, иметь на обоих берегах маяки, построить гавань для гребных судов; учредить телеграфы, почту, водоем запрудить каналы и построить мельницы... обнести низменные места стенами, прорыть каналы и сделать плотины для нагрузки судов. В Бодеге построить крепость и основать верфи».

В 1824 году на месте будущего города Сан-Франциско ютились глинобитные домишки миссии монахов-францисканцев. Вся хозяйственная жизнь Калифорнии находилась в руках монахов, применявших почти первобытные способы обработки земли. На плантациях миссии работали рабы-индейцы. И если в 1824 году Завалишин уже думал об орошении плодородной почвы Калифорнии, то проект ирригации Калифорнской долины был составлен в США только в... 1935 году.

Декабрист Д. И. Завалишин в продолжение всей своей жизни не забывал о Калифорнии. В 1848 году, находясь в Чите, узнав об открытии золота близ форта Росс, он писал: «дело идет о стране, бывшей неко-



гда приречем и целью моей самой напряженной деятельности».

В 60-х годах XIX века Д. И. Завалишин напечатал «Дело о колонии Росс» и ряд других статей о Калифорнии и о ее природных богатствах.

Составил Сергей Марков
Рисовал В. Чернецов

Цена 6 руб.

